

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2025 Том 17 № 3

Древность Средиземноморья и доколумбовой Америки

Приглашенный редактор Т.Б. Гвоздева

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбухушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, Оттава, Канада, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор О.В. Горячева

Редакторы англоязычных текстов Т.А. Майкова, А.А. Куделин

Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 29.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,05. Тираж 500 экз. Заказ № 1272. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2025 VOLUME 17 NUMBER 3

**Antiquity in the Mediterranean Region
and pre-Columbian America**

Guest editor Tatiana B. Gvozdeva

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA**

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of Department of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities "Conversations about important things", State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Professor, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*
Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*
Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

***Древность Средиземноморья
и доколумбовой Америки***

ПРАВО И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Гвоздева И.А. Эволюция судопроизводства в римском земельном кадастре275

Парфенов В.Н. Bellum Parthicum императора Траяна: состязание с призраком Александра?.....286

Телепень С.В. Наместник и другие представители римской власти в провинции: между сотрудничеством и конфликтом306

Махлаюк А.В. Историк на службе отечества: к вопросу о роли Публия Геренния Дексиппа в событиях 267/268 г. н.э.....317

Никишин В.О. Датировка казни Иоанна Крестителя и распятия Иисуса Христа337

СПОРТ В АНТИЧНОСТИ

Гвоздева Т.Б. Победа «без пыли» — победа за явным преимуществом356

Пантелеев А.Д., Поникаровская М.В. «О зрелищах» Тертуллиана в контексте античной и христианской литературы первых веков новой эры.....381

ИСТОРИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ

Beliaev D., Safronov A. Military and Political Expansion of Uaxactun in the beginning of the Early Classic (4th century AD) (Военно-политическая экспансия Вашактуна в начале раннеклассического периода (IV в.))402

Vepretskii S.V., Beliaev D.D., Davletshin A.I., Love B. Four Santa Elena Monuments from Balancan Museum, Tabasco, Mexico (Четыре монумента Санта-Элены из музея Баланкан в штате Табаско, Мексика).....420

CONTENTS

*Antiquity in the Mediterranean Region
and pre-Columbian America*

LAW AND POWER IN ANCIENT ROME

Gvozdeva I.A. The evolution of legal proceedings in the Roman land registry.....275

Parfyonov V.N. Bellum Parthicum of the emperor Trajan: a contest with the ghost of Alexander?286

Telepen S.V. The Governor and other representatives of Roman authority in the province: between collaboration and conflict306

Makhlayuk A.V. Historian in the service of the Fatherland: on the role of Publius Herennius Dexippus in the events of 267/268 AD.....317

Nikishin V.O. Dating the execution of John the Baptist and the crucifixion of Jesus Christ.....337

SPORTS IN ANCIENT GREECE

Gvozdeva T.B. Victory ‘dustlessly’ — victory by a clear advantage.....356

Panteleev A.D., Ponikarovskaya M.V. Tertullian’s “On shows” in the context of Ancient and Christian literature of the first centuries381

THE HISTORY OF PRE-COLUMBIAN AMERICA

Beliaev D., Safronov A. Military and political expansion of Uaxactun in the beginning of the Early Classic (4th century AD).....402

Vepretskii S.V., Beliaev D.D., Davletshin A.I., Love B. Four Santa Elena monuments from Balancan museum, Tabasco, Mexico420

ПРАВО И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕМ РИМЕ LAW AND POWER IN ANCIENT ROME

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-275-285

EDN: TQJULX

Научная статья / Research article

Эволюция судопроизводства в римском земельном кадастре

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва,*
Российская Федерация

✉ innagvozdeva@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловливается тем, что оно построено на анализе источника, недостаточно изученного в российской историографии — *Corpus Agrimensorum Romanorum*. Используя комплексный метод исторического исследования, автор раскрывает эволюцию судопроизводства в римском земельном кадастре. Цель исследования — проследить проведение ассигнации земли в архаический и предклассический периоды развития *Ius Civile* в Риме, а также указать на изменения в судопроизводстве, определившие ход его развития в римской агрименсуре. Сделаны выводы: начиная с периода императора Августа отработан план межевания — *forma*, являвшийся схемой самой совершенной системы деления полей — *центуриации*; в течение всего предклассического периода *Ius Civile* в Риме сохранялись элементы архаического судопроизводства: так, *locus* навсегда оставил за собой категорию *Publicus*, а компромиссный итог спора становится преимущественным решением земельных конфликтов; формулярный процесс, строивший доказательства на праве магистрата, встраивал категорию «отрезков от межевания» в решение процесса пограничных исков на основе *interdictum*; таким образом, произошло выделение группы исков *actiones finium regundorum*, что завершило формирование римского земельного права.

Ключевые слова: граница, место участка, претор, спор, земля обрабатываемая, земля необрабатываемая

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

© Гвоздева И.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Гвоздева И.А. Эволюция судопроизводства в римском земельном кадастре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 275–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-275-285>

The evolution of legal proceedings in the Roman land registry

Inna A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ innagvozdeva@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the fact that it is based on the analysis of a source that has not been sufficiently studied in Russian historiography — *Corpus Agrimensorum Romanorum*. Using a comprehensive method of historical research, the author reveals the evolution of legal proceedings in the Roman land registry. The purpose of the author is to trace the allocation of land in the archaic and pre-classical periods of the development of the *Ius Civile* in Rome, as well as to point out the changes in judicial proceedings that determined the course of its development in Roman agrimensura. The author came to the following conclusions that, starting from the period of Emperor Augustus, the *forma plani* of land surveying was worked out, which was a scheme of the most perfect system of field division — centuriation; and also that during the entire pre-classical period of the *Ius Civile* in Rome, elements of archaic judicial procedure were preserved: thus, *locus* forever retained the category of *Publicus*, except Moreover, the influence of archaism is manifested in how a compromise outcome of a dispute becomes the preferred solution to land conflicts. The *formularium* process, which based the evidence on the law of the magistrate, built the category of “segments from the boundary line” into the decision of the process of boundary claims based on the *interdictum*. Thus, the *actiones finium regundorum* group of claims was singled out, which completed the formation of Roman land law.

Keywords: *finis*, *locus*, *praetor*, *controversia*, *culta*, *inculta*

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 15.01.2025. Accepted: 10.03.2025.

For citation: Gvozdeva IA. The evolution of legal proceedings in the Roman land registry. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):275–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-275-285>

Ассигнация земли в римском кадастре

Передача земли в собственность гражданину в Древнем Риме была актом ассигнации, гарантировавшим неприкосновенность участка, полученного в единице площади, называемой центурией. Акту ассигнации (*assignatio*) предшествовала техническая подготовка полей (*agri divisi*), предполагавшая деление их специальными лимитами — *limitatio*. Она становилась не только материальной, но и правовой основой *assignatio* (Cic. *Fam.* IX. 13. 2). Тот, кто проводил ассигнацию, становился *auctor divisionis*. Именно этот титул

открывал надпись на межевом камне (*Terminus*) по результатам ассигнации (CAR. S. 134, 140; I. с. 209, 226).

Август поставил задачу исключить элементы случайности в оформлении на практике собственности и подчеркнуть ее отличие от владения в правовом отношении. В условиях наступившей в конце периода Республики земельной тесноты это было чрезвычайно важно. При Августе заложены принципы будущего земельного кадастра Рима. Так, была окончательно установлена ширина делителей (лимитов), и особых квинтарных делителей в системе римского землеустройства — центуриации. На этом этапе агрименсоры должны были определить такие элементы межевания, которые сохраняли архаические нормы землепользования. А вот ученые-землемеры называли все преобразования Августа в землеустройении «законами божественного Августа» (CAR. S. 23, 82, 135). Современная аэрофотосъемка прослеживает, что эти законы Августа точно определили соотношение главных осей межевания на полях *agri divisi*: *Decumanus Maximus* и *Cardo Maximus* в 40 и 20 футов соответственно, а все лимиты получили ширину в 8 футов (CAR. S. 71, 83, 131–134, 155–157). Модель римского кадастра включала теперь именно эти параметры, причем были введены особые квинтарные лимиты в 12 футов шириной, выделившие важную часть площади *Ager Colonicus* — *saltus* (CAR. S. 69–72). Именно *saltus* и продемонстрировал связь принципов римского кадастра с архаическим землеустройением. Август особенно подчеркнул значение основополагающей единицы римского землеустройства — *finis*. Он подтвердил ее древнюю ширину в 5 футов специальным постановлением (CAR. S. 5, 61, 134).

Август постановил записать классификацию делителей на межевых знаках — терминах, установленных на лимитах. Такая акция — терминация (*terminatio*) — стала завершающим этапом всей системы римской центуриации перед тем, как проводить *assignatio*, т.е. передачу земли в собственность. Август проследил, чтобы и в другой системе римского землеустройства — стригации-скамнции — ее делитель *rigor*, создававший прямоугольную единицу площади, имел ширину в 8 футов. В то же время граница частного участка этой системы также называлась «ригор», но теперь ее ширина была в 5 футов, т.е. полностью соответствовала ширине *finis* в системе центуриации (CAR. S. 109, 114–116).

Главным же итогом работы Августа по составлению кадастра стало определение формулы передачи земли: «*Qua falx et arater ierit*» (CAR. S. 73, 164). Именно эта плодородная земля и шла в ассигнацию, завершающуюся надписью на межевом камне «*Datum assignatum*» (CAR. S. 80–81). Такой, точно обозначенный участок, снабженный надписью на Термине, уже резко отличался от весьма приблизительно ассигнованной земельной площади периода архаики.

Именно при Августе был отработан такой план межевания *Ager Colonicus*, как *forma*. Это была уменьшенная копия самого поля колонии, включавшая все составляющие: главные и линейные делители, контрольные квинтарные делители, составляющие особый блок в 25 центурий, обозначенный как *saltus* (CAR. S. 118–119). Более того, на плане необходимо было указать на земли, подлежащие обработке, и необрабатываемые (CAR. S. 73, 76, 165) [1]. На такой план заносили и все составные части *Ager Colonicus*: лес (*silva*), общественные пастбища (*loca publica*), а также места с особым положением (*exemptus, concessus*) (CAR. S. 160; fig. 122–123) [2. P. 93–94]. Если по *Ager Colonicus* протекала река, то на плане необходимо было указать все ее контуры, влияющие на расчет размера центурий и участков в них (CAR. S. 86). Надо отметить, что внутреннее деление центурий на планах появилось только при Августе (CAR. S. 158) [3. P. 281–284]. Следовательно, план не только включал схему центуриации, но и показывал границы частных участков, что превращало его в главный документ результатов ассигнаций (CAR. S. 164). Август разрешил при нехватке площади «прирезать» часть земель соседнего муниципия. Такая добавочная площадь называлась «префектура» (CAR. S. 81). От землемеров требовалось в этом случае точное знание: какая межевая решетка была у префектуры и как она соотносится с межеванием основной колонии (CAR. S. 124–125) [4]. Запись на плане вели в соответствии с этапами межевания на местности. После занесения на план всей решетки межевания размечали границы (*fines*) частных участков в каждой центурии (CAR. S. 84, 94). Поэтому план отражал наличие каждой части надела поселенца (*sors*) согласно жеребьевке. Земля, попавшая в собственность, обозначалась на плане *Datum Assignatum* (CAR. S. 161, 164). На земле же собственность поселенца подтверждалась аналогичной записью на межевом камне (CAR. S. 60, 136, 137, 139). Все документы по межеванию собирались в центральном архиве — *Tabularius Caesaris* (CAR. S. 166) [5. С. 112], планы же итальянских земель хранились в *Sanctuarius Caesaris* (CAR. S. 118). Все изменения в землеустройстве районов Италии заносили как комментарии к *forma* и также хранили в Санктуарии (CAR. S. 119). Все результаты проверок и уточнений вносили в архивные документы. В провинциях были свои Табулярии, копии провинциальных документов отсылали в Остию для *Curator Tabularium et Librorum* (CIL. XII. 976).

Такой набор документов служил критерием при разрешении земельных споров, которые возникали на *Ager Colonicus*. Таким образом, формирующийся судебный процесс классического периода — *cognitio extra ordinario* — был полностью обеспечен документальным подтверждением по распределению, размерам жребия поселенцев, а также по движению собственности

граждан на *Ager Colonicus*. Складывается представление, что в результате должна исчезнуть база для возникновения земельных споров.

Возникает вопрос: почему авторы *Corpus Agrimensorum Romanorum* (CAR), писавшие в классический период *Ius Civile*, подробно и тщательно исследуют данные по пограничным спорам из-за участка земли? Но ведь и на *Ager Colonicus* после проведения *limitatio* и передачи участков в собственность остаются земли, которые не предназначены в *assignatio*. Это те земли, сохранявшие в границах кадастра статус *Publicus*. Назначение этих земель сводилась к тому, чтобы стать угодьями для новопоселенцев. Это были *loci*, определенные как *inculta*, а ведь *locus* принадлежит всей *civitas* [6]. В Италии периода Ранней республики распределение участков осуществлялось по принципу *locatio*, т.е. с самым общим представлением о его площади. По мнению А. Шультена такое положение сохранялось до II в. до н.э. [7. S. 8]. Такие *loci* подтверждались на *fides*. Э. Сальмон считал, что в Италии до Гракхов все наделение землей происходило преимущественно при *locatio* [8. P. 69–79, 98–100]. Но, возможно ли считать такой *locus* как *privatus*? Этот вопрос первым поставил Ф. Кастаньоли [9. P. 23–36]. Или это было *possessio* на землю? Один из землемеров Агенний Урбик рассматривал этот процесс как *locatio*, определявшее владение [10]. По Гигину Старшему именно здесь вырабатываются соседские отношения, технически основывавшиеся на *locatio* (CAR. S. 93). О. Берендс видит в этом проявление власти всей общины [11. S. 269]. Л. Капогросси Колоньези считает, что именно такая практика и создавала *agri occupatorii* и была *iniuria*, т.е. неправомерной акцией [12. С. 118]. По своей сути это была настоящая *locatio*. О. Берендс рассматривает это как примитивную сущность римской агрименсуры [13. P. 6–10].

Архаические элементы в римском землеустройении

В архаический период развития римской агрименсуры, получив природную границу, *locus* стал категорией *arcifinius* [14]. Тацит рассматривает такое поле из категории *agri capti* (Тас. Ann. XII. 32). Сикул Флакк же называет такое поле *solutus* (CAR. S. 100). Более определенно высказывается Помпоний, заявляя, что *locus* в виде арцифиния рассматривается как *ager* при создании *поссессиона* (Pomp. I. 26). В римской агрименсуре формируется понятие «граница по *natura loci*», т.е. это ровики, водопады, речушки, отдельно стоящие деревья, можжевельники (CAR. S. 113). К. Моатти считает достаточно ясным, что *loci* являет представление об общественной собственности [2. P. 59–60]. Действительно, Сикул Флакк подчеркивает, что *locus* не имеет *modus* (CAR. S. 107). *Locus* как бы переносит значение поля общественного на *arcifinius* (CAR. S. 161). Справедливо заявление О. Берендса, что на *locus* создается *поссессион* в архаический период по *Ius Quiritium* без магистрата [11. S. 247]. Техническим выражением такого *поссессиона* и был

arcifinius, закреплявшийся по *natura loci*. Так, земли, сохранявшие статус *Publicus*, теперь, в границах *Ager Colonicus* являющиеся *arcifinius*, могут служить угодьями для собственников участков земли. На планах межевания отмечали только контуры земель *Publicus*. Распределение их среди поселенцев вело к созданию владельческих прав в границах кадастра.

Особенностью римской аграрной структуры было то, что ее техническая основа — агрименсура — развивалась быстрее юридического обеспечения. Так, поля *divisi et assignati* демонстрировали усовершенствованные способы выделения и обозначения собственности, в то время как оформление владельческих отношений долгое время оставалось по *Ius Quiritium*. Поэтому от архаического до классического периода в Риме все пограничные споры обозначали как *controversia*, а не *actio* [15]. Главным для участников судебного разбирательства было принести священную клятву — *fides*, после чего они получали равные права в процессе. Сущность спора раскрывалась в части производства — *litis contestatio*, являвшегося, по сути, моментом истины. Объектом же тяжбы чаще был угол пересечения границ владения.

В таком судопроизводстве значение имел скорее не приговор, а компромиссное решение, основанное на экспертизе менсоров. Сам же менсор назывался так: *arbiter ex compromissu*, а обе стороны в процессе чаще ссылались на традиции землепользования (CAR. S. 5, 60, 61). Август ставил перед землемерами задачу — избрать такие нормы землеустройства, которые бы учитывали и практику межевания архаического периода [16].

Наиболее древним спором о границе участка был «*de fine*» по природным реперам (CAR. S. 5, 31). Но появилась и другая граница — *rigor*, имеющая прямую линию (CAR. S. 5). Расстановка на границах межевых знаков породила еще один спор — «*de positione terminorum*» (CAR. S. 4). Спорили также и о самом месте участка — «*de loco*» (CAR. S. 5, 33–35). Две первые контрверсии невозможно было рассматривать вне связи с местом участка — *locus*, ведь природная граница, усиленная искусственным знаком, и является инструментом выделения *locus*. Для юристов измеренный и рассчитанный участок является *fundus* (Ulp. Dig. L. 16, 60) [17]. Помпоний же считал, что *locus* — это участок, на котором возникает поссессион (Dig. XLI, J, 26; Pomp. I. 26). Причем, *locus* может быть и частью *fundus* (CIL. X. 4847; Dessau 5743; Bruns. Font. J.ⁿ 77). В контрверсии *de loco* часто отсутствовали дефиниции, утверждавшие его частноправовой характер, или публичную принадлежность [18].

Controversia de loco, несмотря на то, что имела содержание вещного иска, сохраняла и много признаков пограничного иска. Дискуссия, которую открыл в XIX в. А. Рудорфф, поместивший *de loco* в разряд вещных исков, продолжается даже после аргументированного выступления Ф. Хинрикса, доказавшего, что *de loco* обусловлен двумя пограничными исками (*de fine* и *de positione terminorum*) [19. S. 252; 20. S. 193]. Именно этот вид тяжбы

отражал в римском землеустроении переход от архаического судопроизводства к новому типу процесса в рамках *Ius Honorarium*.

Формулярный процесс в римском земельном праве

Новый формулярный процесс выявлял истину на праве магистрата. Преторы строили формулу иска, опираясь на экспертизу менсоров. Агрименсоры должны были подтвердить наличие *arcifinius* на угодьях и установить его природные границы. На землях *inculta* менсоры в границах кадастра фиксировали природную *finis* (CAR. S. 5, 32–35). По мнению Сикула Флакка землемеры должны были точно определять поля не только по их качеству, но и по их правовому статусу (CAR. S. 103–104). Непросто было уловить природную *finis*, но еще сложнее было удостоверить наличие другой границы — ригора (*rigor*), представлявшей собой неглубокий ровик. Эксперты должны были отличать *finis* и *rigor* на землях *Publicus* от частных границ. Для землемеров разработали даже специальное задание по построению прямого угла ригора, этой работе они уделяли большее внимание, чем проведению и обозначению природной *finis* (CAR. S. 4–5, 31). Уже начиная с периода архаики перед агрименсорами стояла непростая задача — отделить границу-дорогу *finis* или *rigor* от сервитута *iter*, имевшего такую же ширину и обеспечивавшим право прохода через поля соседа (CAR. S. 10, 49). Такую работу выполнял хорошо подготовленный землемер (CAR. S. 89). На экспертизе менсоров и строилась формула иска претора, позволявшая более четко отделить пограничные элементы контroversий от других признаков споров. Именно менсоры выделяли участки угодий, оказавшиеся в границах новой колонии. Такие угодья на *Ager Colonicus* всегда сохраняли вид *arcifinius*, их выделяли для ближайших соседей природной *finis*. Вот именно на этих угодьях и происходила вся работа претора после экспертизы менсоров по выделению участков для выпаса скота на условиях аренды. Так, на *Ager Colonicus* и создавались владельческие отношения на леса и пастбища (CAR. S. 159–160, 168) [21].

Кроме угодий на поле колонии образовывались и земли, незанятые асигнацией. Это были так называемые «отрезки» от межевания — *subsecivi*. *Subsecivi* стали элементами римской агрименсуры, которые выделяли через обозначения и описания их границ. По мнению Гигина Старшего «отрезок» мог иметь с одной стороны границу по лимиту, а с другой стороны — по внешней линии поля колонии (CAR. S. 8). «Отрезки» могли быть разными по размеру. Так, это могла быть неполная центурия на границе колонии, или в ее центре из-за наличия здесь угодий. Но даже и полная, но не ассигнованная центурия рассматривалась как «отрезок» (CAR. S. 80, 120) [22. S. 19–20]. В отличие от лесов и пастбищ *subsecivi* представляли собой фрагменты

хорошей пахотной земли, поэтому они были очень важны в межевой сетке колонии.

В конце Республики Август провел классификацию «отрезков» наряду с упорядочиванием ширины и обозначением лимитов в решетке центуриации (CAR. S. 13, 84, 117, 122, 135; fig. 28) [23. P. 75–79]. Он применил категорию *arcifinius* к «отрезкам», имевшим хорошую пахотную землю [19. S. 234, 235], считал, что «отрезки», содержащие пахотную землю, недостаточно размечать простой локацией. Статус «отрезков» Август установил так:

- 1) *Subsecivi auctor divisionis* — резервы принцепса, предоставленные временно администрации колонии;
- 2) *Subsecivi concessa coloniae* — были «уступлены» колонии, стали резервами колонии для аренды или продажи поселенцем (CAR. S. 165);
- 3) *Subsecivi vetus possessor* — уступлены местному жителю под угодья (CAR. S. 9, 121–122, 169; fig. 134).

Если Гигин Старший подчеркнул, что все «отрезки» *concessit sint* гражданам, то Гигин Громатик указал, что эти плодородные земли могли предоставляться под пастбища (CAR. S. 163; fig. 123, 133). Действительно, для новых поселенцев это была удобная возможность создать посессионы на «отрезках» (CAR. S. 8–9, 90) [19. S. 259, 392]. При Августе *concessus* стал одним из фундаментальных положений земельного права, поэтому вполне оправданы действия императора Веспасиана по проверке ценза италийских земель, основанному на типе и сроке «уступления» (CAR. S. 96–97) [20. S. 129–130]. Август продумал не только агрименсорное, но и юридическое состояние *subsecivi*, в результате чего были составлены «Книги отрезков» (*Libri subsecivorum*). Эти книги информировали о месте расположения «отрезков» и типе его «*concessus*» (CAR. S. 116, 119, 166). С этого момента можно было говорить о регулярном государственном контроле над «отрезками» от ассигнации.

Август разработал два типа *concessus*:

- 1) *ad personam coloniae*, когда юрисдикцию на все типы земель вне ассигнации сохраняет администрация колонии, предоставляющая аренду на них поселенцам;
- 2) «всему коллективу нового поселения» (CAR. fig. 122a, 134).

Здесь видно стремление Августа создать коллектив равных возможностей. Неассигнованные земли в границах колонии сохраняли статус *Publicus*. Земли *Publicus* в этом случае рассматриваются как *vacuus*, поскольку они сохраняют техническую характеристику *arcifinius* (CAR. S. 100–101). Однако, от древнего *vacuus* тип поля *arcifinius* отличается наличием *scriptura* (CAR. S. 2; fig. 6). Хотя Сикул Флакк вслед за Аппианом считал, что оккупация *Publicus* создает арцифиний, обозначавший посессион, все же *occupatio* можно рассматривать как древнейшую форму эксплуатации земли (App. B.C.I. 7; CAR. S. 98, 101; Col. R.R.I. 3. 11). А *concessus* стал правовым механизмом,

вводившим *subsecivī* в аграрные отношения Рима. Теперь такой поссессион на «отрезках» защищался претором (CAR. S. 160). «Уступление» превратилось в важнейшую форму экономической политики Рима в провинциях [19. S. 388]. Права местных жителей на угодья оформлялись заново с надписью C.V.P. (*Concessuss Veteri Possessori*) [24. С. 988]. Все эти действия проводились согласно «законам божественного Августа» (CAR. S. 129).

Как и любая категория *Publicus*, «отрезки» могли стать основой для иска. Предпосылкой для подобной тяжбы являлось незаконное создание *possessio* в «отрезках» (CAR. S. 8). В условиях земельного голода Италии эти фрагменты хорошей пахотной земли были особенно ценными. Поэтому Август разработал особое *Ius Subsecivorum*, что способствовало развитию владельческих прав на землю в кадастре. Фронтин вообще считал, что *Ius Subsecivorum* вводит *modus* для полей типа *arcifinius* (CAR. S. 8, 40). Типология и виды уступлений «отрезков» Августа приспособляли их к нуждам кадастра (CAR. S. 3, 9, 96). *A scriptura* стала первым свидетельством о создании совместного пастбища — *Compascius* [25. Р. 32–42]. Необходимо отметить, что для быстрого подсчета площадей категории *Publicus* использовался способ измерения *mensura per extremitatem comprehensus* (CAR. S. 7, 8, fig. 21). Так измерялись площади и для налогообложения в Азии и Египте (CAR. S. 85, 86).

Целью проведения иска в классический период, так же, как и в архаику, было сохранение границы. Все элементы, составляющие границу, должны быть точно определены на этапе *litis contestatio*. Но в ходе формулярного процесса, особенно в спорах о неделимой собственности, *ager* присуждался одному участнику, а вот другому можно было возместить проигрыш на основании *adjudicatio*. Еще Цицерон обозначил *adjudicatio* для определения владельческих прав, но только после проверки всей площади на *modus* (Cic. *De re publ.* 81). Собственно, появление *controversia de modo* и есть такая проверка соответствия участка заданной площади. Именно после появления *adjudicatio* в классический период и выделилась особая группа исков — *actiones finium regundorum*. Это стало возможным, поскольку в ходе действия *Ius Honorarium* произошло отделение пограничных исков от вещных. Ведь претор издавал *edictum* об участке земли или же *interdictum*, защищавший это имущество. Однако в пограничных исках еще долго сохранялся некий архаический признак, а именно использование глагола *litigo* (CAR. S. 9). Правда, авторы CAR, наряду с *litigo*, использовали и другие глаголы, в т.ч. и *ago*, более соответствующий категории *actio*. Архаичность спора «*de loco*» прослеживается в том, как при его решении менсоры опираются на способ измерения по внешнему рубежу *mensura per extremitatem comprehensus* (CAR. S. 1–2, 61). Но вот в споре «*de modo*» прослеживается уже ранняя преторская защита при проверке древних поссессионов на центурированном *Ager Colonicus* (CAR. S. 62). Но то, что защищал претор, становилось *bonorum possessio*, причем на любом типе межевания.

Заключение

До конца периода Республики *modus* не был важной категорией римского землеустройства. Но теперь именно по *modus* проверяли площади древних квиритских посессионов для обновления или нового утверждения владельческих прав. Такая проверка порождала образование посессионов *ad interdictum*. По сравнению с древней *oscipatio*, когда владение создавалось только на праве членства в *civitas*, *possessio ad interdictum* образовывалось претором. Хотя, необходимо отметить, что и в *controversia de modo* сохранялся архаический ритуал. При создании кадастра в Риме приходилось учитывать мощное влияние архаических традиций землепользования. Именно появление *adjudicatio* в конце периода Республики регулировало соотношение необходимости образования посессионов с нормами архаического землепользования.

Поэтому в *CAR* наблюдаются частые повторы конкретных указаний по межеванию земель, отражающие практическую деятельность менсоров. Их экспертиза была важным этапом судопроизводства в земельном праве. А *adjudicatio* в значительной степени способствовала урегулированию существования посессионов на праве магистрата со всеми нормативами римского кадастра.

Выделение группы исков *actiones finium regundorum* фактически завершило формирование римского земельного права в особую отрасль *Ius Civile*. Это, в свою очередь, позволило завершить окончательное оформление римского земельного кадастра после того, как все технические элементы агрименсуры получили правовой статус.

Список литературы

1. Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. *Agri divisi* в римской агрименсуре // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 95–98. EDN: DBWWPQ
2. Moatti C. *Archives et partage de la terre dans le monde romain (IIe siècle avant — Ier siècle après J.-C.)*. Roma, 1993. 172 p.
3. Meynier A., Grosjean G. *La centuriation romaine de ea colonie de Valense* // Gallai. 1958. Vol. XVI. P. 281–284.
4. Гвоздева И.А. «*Pertica*» и «*praefectura*» в составе римского кадастра // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина. СПб. : Алетейя, 2021. Т. 187. С. 162–192. EDN: RNALXX
5. Dilke O.A.W. *The roman Land surveyors*. N.Y. : Barnes and Noble, 1971. 260 p.
6. Гвоздева И.А. *Ager Colonicus* в римской агрименсуре периода Республики // Аграрное и земельное право. 2020. № 7 (187). С. 27–30. EDN: QGWFDB
7. Schulten A. *Die Römische Flurteilung und ihre Reste*. Berlin, 1898.
8. Salmon E.T. *Roman Colonization Under the Republic (Aspects of Greek and Roman life)*. London: Thames and Hudson, 1969. 208 p.
9. Castagnoli F. *Le ricerche sui resti della Centuriazione*. Roma : Ed. di Storia e Letteratura, 1958. 48 p.
10. Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. Архаический и формулярный процесс в земельном праве Древнего Рима // Аграрное и земельное право. 2017. № 2 (146). С. 30–35. EDN: YSRHBH

11. *Behrends O.* Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 192–280.
12. *Capogrossi Colognesi L.* La struttura della proprietà e la formazione dei “iura praediorum” nell’età repubblicana. V. I. Milano, 1969.
13. *Behrends O.* Les conditions des terres dans L’Empire Romain // De la terre au ciel. Paysages et cadastres antiques. V. II. PUFC : PU Franche-Comte, 2004. P. 6–10.
14. Гвоздева И.А. Локация в римской агрименсуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–273. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-273> EDN: KEWSHG
15. Гвоздева Т.Б., Гвоздева И.А. Controversia — категория римского земельного права // Современный юрист. 2017. № 1 (18). С. 91–101. EDN: YJYGON
16. Гвоздева И.А. Земельное право в аграрном кадастре Августа // История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима. Н. Новгород, 2006. С. 245–260.
17. *Campbell B.* The Writings of the Roman Land Surveyors: Introduction, Text, Translation and Commentary. London : Society for the Promotion of Roman Studies, 2000. 640 p.
18. Гвоздева И.А. Аграрный спор de loco в сочинениях римских землемеров // Вестник московского университета. Серия 8. История. 2001. № 2. С. 3–16. EDN: YXDSHR
19. *Rudorff A.* Gromatiche Institutionen // Die Schriften der römischen Feldmesser / F. Blume, K. Lachmann, Th. Mommsen, A. Rudorff. Berlin, 1852. Bd. 2. S. 227–464.
20. *Hinrichs F.T.* Die Geschichte der gromaticchen Institutionen. Wiesbaden, 1974. 252 s.
21. Гвоздева И.А. Аренда во владельческих отношениях на Ager Colonicus в Риме I–II вв. н.э // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. С. 289–296. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-289-296> EDN: HVEQHS
22. *Schulten A.* Die Lex Manciana, eine Africanische Domänenordnung // Abhandlungen der der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Bd. 2. Nr. 3. Weidmann, 1897. 51 s.
23. *Campbell B.* Shaping the rural environment surveyors in ancient Rome // Journal of Roman Studies. 1996. Vol. LXXXVI. P. 74–99.
24. *Fraccaro P.* Agrimensura // Enciclopedia Italiana di scienza, lettere ed arti. Milano, 1929. Vol. 1. P. 985–989.
25. *Burdese A.* Studi sull’Ager Publicus. Torino, 1974. 146 p.

Информация об авторе:

Гвоздева Инна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: innagvozdeva@mail.ru ORCID: 0000-0001-6075-9033. SPIN-код: 9189-1625.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-286-305

EDN: TLANSH

Научная статья / Research article

Bellum Parthicum императора Траяна: соствязание с призраком Александра?

В.Н. Парфенов

Саратовская православная духовная семинария, *Саратов, Российская Федерация*

✉ vparfenov@list.ru

Аннотация. Последняя и самая крупная кампания императора Траяна, его Парфянская война, таит немало загадок для исследователя, что объясняется в первую очередь состоянием источниковой базы. Неясны цель войны, планы сторон, последовательность развернувшихся событий, дальнейшие намерения Траяна после неожиданно легкого захвата Армении и Месопотамии. Цель исследования — ответить на эти вопросы в той степени, в какой это позволяют имеющиеся источники. Критикуется популярное мнение о том, что император, планируя и начиная эту войну, воспользовался планами своих предшественников и намеревался повторить восточный поход Александра Македонского. Доказано, что ближайшей целью войны была аннексия Армении — традиционного «яблока раздора» между Римом и Парфией. Исключительно выгодно сложившаяся из-за войны между претендентами на парфянский трон обстановка позволила Траяну перенести боевые действия после захвата Армении на территорию Месопотамии, захватить парфянскую столицу Ктесифон и выйти на побережье Персидского залива. Считая войну уже выигранной, император не был намерен продолжать сухопутный поход на Восток, так как для этого не было необходимых ресурсов. Вместо этого Траян собирался перенести войну на море и совершить морскую экспедицию в Индию, превзойдя тем самым достижения Александра Македонского. Однако дальнейшее развитие событий заставило его отказаться от этих замыслов.

Ключевые слова: война, *optimus princeps*, Александр Великий, Парфия, Армения, Индия, флот

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27.01.2025; принята к публикации 04.04.2025.

Для цитирования: *Парфенов В.Н. Bellum Parthicum императора Траяна: соствязание с призраком Александра? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 286–305.* <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-286-305>

© Парфенов В.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Bellum Parthicum of the emperor Trajan: a contest with the ghost of Alexander?

Victor N. Parfyonov

Saratov Orthodox Theological Seminary, *Saratov, Russian Federation*

✉ vparfenov@list.ru

Abstract. The last and largest campaign of Emperor Trajan, his Parthian War, is fraught with many mysteries for the researcher, which is primarily explained by the state of the source base. The purpose of the war, the plans of the parties, the sequence of events that unfolded, and Trajan's further intentions after the unexpectedly easy capture of Armenia and Mesopotamia are unclear. The purpose of this study is to clarify these issues to the extent that the available sources allow. The popular opinion is criticized that the emperor, planning and starting this war, took advantage of the plans of his predecessors and intended to repeat the eastern campaign of Alexander the Great. It is proved that the immediate goal of the war was the annexation of Armenia, the traditional "apple of discord" between Rome and Parthia. However, the exceptionally favorable situation due to the war between the pretenders to the Parthian throne allowed Trajan to transfer the fighting after the capture of Armenia to the territory of Mesopotamia. The last and largest campaign of Emperor Trajan, his Parthian War, is fraught with many mysteries for the researcher, which is primarily explained by the state of the source base. The purpose of the war, the plans of the parties, the sequence of events that unfolded, and Trajan's further intentions after the unexpectedly easy capture of Armenia and Mesopotamia are unclear. The purpose of this study is to clarify these issues to the extent that the available sources allow. The popular opinion is criticized that the emperor, planning and starting this war, took advantage of the plans of his predecessors and intended to repeat the eastern campaign of Alexander the Great. It is proved that the immediate goal of the war was the annexation of Armenia, the traditional "apple of discord" between Rome and Parthia. The situation that developed extremely favorably due to the war between the pretenders to the Parthian throne allowed Trajan to transfer the fighting after the capture of Armenia to the territory of Mesopotamia, capture the Parthian capital Ctesiphon and reach the coast of the Persian Gulf. Considering the war already won, the emperor did not intend to continue the land campaign to the East, as there were no necessary resources for this. Instead, Trajan was going to transfer the war to the sea and make a naval expedition to India, thereby surpassing the achievements of Alexander the Great. However, further developments forced him to abandon these plans.

Keywords: war, optimus princeps, Alexander the Great, Parthia, Armenia, India, the navy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 27.01.2025. Accepted: 04.04.2025.

For citation: Parfyonov VN. Bellum Parthicum of the emperor Trajan: a contest with the ghost of Alexander? *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):286–305. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-286-305>

Введение

Летом 116 г. Марк Ульпий Траян, покорив всю Месопотамию и находясь в эйфории от своих громких военных успехов, будучи первым и последним из римских императоров, кто во главе своих войск достиг Персидского

залива Индийского океана, стоял на его берегу. Увидев вышедшее из порта торговое судно, которое направлялось в Индию, он произнес: «Будь я еще молод, я непременно поплыл бы и к индам» («πάντως ἂν καὶ ἐπὶ τοὺς Ἰνδοὺς, εἰ νέος ἔτι ἦν, ἐπειραιώθην»).

Сообщая об этом, римский сенатор и историк Кассий Дион (в изложении византийского эпитоматора) добавляет, что Траян внимательно изучал всю имевшуюся информацию об Индии (τὰ ἐκεῖνων (sc. Ἰνδῶν) πράγματα ἐπολυπραγμόνει), интересуясь, надо полагать, в первую очередь ее богатством и военным потенциалом, и восхищался в этой связи Александром Македонским.

Далее не без иронии замечается по поводу того, что Траян «прославлял Александра» (τόν τε Ἀλέξανδρον ἐμακάριζε): «Впрочем, он заявлял, что продвинулся дальше него (ἐκεῖνου περαιτέρω προκεχωρηκέναι), так и написав сенату, хотя сам не сумел сохранить и те земли, которые покорил» (Cass. Dio LXVIII. 29. 1)¹.

При посещении Вавилона на обратном пути император был разочарован видом великого города, к тому времени представлявшего собой сплошные «холмы, камни и развалины» (χώματα καὶ λίθους καὶ ἐρείπια)². Но главная цель визита была выполнена: Траян совершил жертвоприношение духу Александра в помещении, где тот умер (ὁ Τραιανός ἐν Βαβυλῶνι <...> διὰ τὸν Ἀλέξανδρον, ᾧ καὶ ἐνήγισεν ἐν τῷ οἰκίῳ ἐν ᾧ ἐτετελευτήκει) (Cass. Dio LXVIII. 30. 1).

Из очевидного преклонения Траяна перед Александром и столь же явного интереса к Индии порой делаются далеко идущие выводы в отношении планов и целей последней войны «наилучшего принцепса». В частности, Траяну приписывается «желание сравниться со славой Александра и погоня за восточным миражом, унаследованная от Цезаря» [1. С. 218]. Поэтому для начала имеет смысл попытаться выяснить, в чем же заключались планы диктатора как предшественника Траяна в отношении Парфии.

Несбывшаяся мечта Цезаря

Идея о том, что Траян в своей кампании против Парфии следовал плану, который разработал, но не успел осуществить Цезарь, не нова. В частности, она была давно высказана Н.К. Дибвойсом, а в наше время

¹ Здесь и далее Кассий Дион цитируется в переводе А.В. Махлаюка. При необходимости в этот перевод вносятся коррективы.

² Думается, что достаточно многозначный термин *χώματα* означает здесь не курганы, как в вышеуказанном переводе, а именно: холмы над руинами городских кварталов, отдельных крупных зданий и валы на месте прежних плотин и каналов. Курганы, т.е. погребальные сооружения, едва ли могли находиться внутри города.

поддержана И.О. Князьким, который уверен, что «наилучший принцепс» руководствовался планом Цезаря даже в деталях, а целью войны могло быть только полное покорение огромной Парфянской державы [2. С. 195; 3. С. 62, 119, 126].

В данном случае трудно удержаться от соблазна выяснить, в чем же заключались эти детали плана Юлия Цезаря относительно войны против Парфии, тем более что в распоряжении читателей наконец-то есть фундаментальная политическая биография «храбрейшего из императоров и воинов», созданная российским автором. Но в этой книге А.Б. Егоров, скептически оценив состояние источников (и здесь с ним трудно не согласиться), указывает, что о плане кампании Цезаря против парфян трудно сказать что-то определенное. Однако, на одну деталь он все же указывает — что этот поход предусматривал вторжение в Парфию через горные районы Армении. При этом автор ссылается на столь авторитетный источник, как «Римская история» Кассия Диона (XLIV. 3) [4. С. 360–363].

Эта ссылка является неточной: на деле краткое упоминание Кассия Диона о «парфянском проекте» Цезаря в «Римской истории» находится в другой книге и заключается в том, что вслед за проведенной диктатором последней кампанией гражданской войны всех римлян охватило «страстное желание» (ἐπιθυμία) отомстить за гибель Красса и его армии, так что они единодушно проголосовали (ὁμοθυμαδὸν ἐψηφίσαντο) за назначение Цезаря командующим в новой войне и успели до гибели диктатора многое сделать для ее подготовки (Cass. Dio XLIII. 51. 1). Единственное, что можно на основании этого сообщения заключить, относится к формальностям: война Парфии была уже объявлена, причем с соблюдением всех положенных процедур, включая голосование на центуриатных комициях, назначение военачальника и соответствующие религиозные церемонии.

Однако информация о намерении Цезаря двинуться в Парфию через Армению является вполне достоверной, только содержится она не у Кассия Диона, а у Светония, который указывает, что Цезарь, собираясь отправиться на новую войну, намеревался сначала отбросить даков, которые вторглись в Понт и Фракию. Только после этого он должен был начать войну против Парфии, однако действовать с большой осторожностью, не давая спровоцировать себя на генеральное сражение, пока его войска не получат необходимого опыта боевых действий против столь грозного противника: «... *Dacos, qui se in Pontum et Thraciam effuderant, coercere; mox Parthis inferre bellum per Armeniam minorem, nec nisi ante expertos adgredi proelio*» (Suet. Iul. 44. 3). Здесь мы видим вполне конкретную деталь: «пойти войной на парфян через Малую Армению», но этим конкретика и исчерпывается.

Немного к этому добавляет и Аппиан, указывающий, что Цезарь намеревался «отомстить парфянам за вероломство в отношении Красса» (Παρθυαίους δὲ τινύμενος τῆς ἐς Κράσσον παρασπονδῆσεως) (App. BC. II. 110. 459)³.

Казалось бы, исчерпывающую характеристику задуманной Цезарем глобальной кампании дает Плутарх: «Он готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией страны и на саму Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном» (Plut. Caes. 58. 3. Пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова).

Но по этому поводу еще Т. Моммзен справедливо заметил: «... Никакой достоверный авторитет не подтверждает существования этих баснословных проектов. Для государства, подобного Риму при Цезаре, <...> такие завоевания, даже если считать их выполнимыми в военном отношении, были бы не чем иным, как только гораздо более блестящими, но и более печальными ошибками, чем индийский поход Александра» [5. С. 338 сл.].

Кроме того, нельзя не учитывать, что за более чем полтора столетия после гибели Цезаря военно- и этнополитическая ситуация на Ближнем Востоке и вообще в Передней Азии не могла не измениться. Поэтому Траян никак не мог положить в основу своего плана кампании проект Цезаря, тем более что никаких достоверных данных о существовании такого проекта нет. Из слов Светония скорее следует, что конкретные действия по разгрому столь опасного противника диктатор намеревался предпринимать по ходу дела, не допуская поначалу втягивания своих войск в крупномасштабные боевые действия. Иначе говоря, поскольку будущая война против парфян обещала много неприятных сюрпризов, то вместо заранее заготовленного плана Цезарь, рассчитывая на свой многолетний опыт и всем известный талант военачальника, предпочитал обойтись серией импровизаций. Вопрос о том, насколько успешной оказалась бы такая тактика, приходится оставить открытым. Если у него и были какие-то идеи на этот счет, то едва ли он делился ими даже с ближайшим окружением.

³ В отношении Аппиана следует отметить неточность существующего русского перевода (М.С. Альтмана), согласно которому Цезарь собирался мстить «за нарушение мирного договора с Крассом». Из описания Плутарха и Кассия Диона ясно, что никакого договора не существовало: Красс был убит, когда парфяне после разгрома римлян при Каррах объявили о прекращении со своей стороны боевых действий и предложили ему переговоры, на что он был вынужден согласиться по настоятельному требованию своих солдат (Plut. Crass. 30–31; Cass. Dio XL. 26. 1–27. 2).

Восточный мираж

Если вернуться к вопросу о Парфянской войне Траяна, то никакой стратегической необходимости в ней для Рима не было. Сложившийся еще при Августе баланс сил между двумя великими державами с тех пор неоднократно испытывался на прочность. При этом главным объектом римско-парфянского соперничества было Армянское царство (*Armenia Magna*), в силу его географического и, соответственно, стратегического положения. Ко времени Траяна римско-парфянские отношения продолжали регулироваться мирным договором, заключенным в 62 г. при Рандее, в месте недавней капитуляции римских войск, вынужденных после нее покинуть Армению, между парфянским царем Вологезом I и его братом Тиридатом, с одной стороны, и командующим римскими силами на Востоке Гн. Домицием Корбулоном, с другой.

Суть договора заключалась в том, что Рим соглашался признать армянским царем Тиридата, представителя династии Аршакидов, но его кандидатура подлежала обязательному утверждению со стороны Рима. Символом этого было получение каждым новым царем Армении царской диадемы из рук императора. Впервые эта пышная церемония состоялась в столице Римской империи в 66 г.⁴ М.И. Ростовцев отметил по этому поводу: «Решение, хотя и компромиссное, соответствовало жизненно важным интересам парфян. <...> Таким образом, *modus vivendi* был найден и соблюдался до конца династии Флавиев» [6. С. 107].

Это решение обеспечило, с одной стороны, на несколько десятилетний мир на Ближнем Востоке, но с другой — практически монопольное влияние Парфии в Армении, признание со стороны Рима державы Аршакидов ведущей силой в Передней Азии и своим равноправным партнером [7. С. 94]. Едва ли это могло поставить под угрозу положение римских владений на Ближнем Востоке и в Малой Азии, поскольку парфян, в отличие от римлян, вполне устраивало сложившееся положение дел, тогда как последних оно удовлетворяло лишь до тех пор, пока они не имели возможности радикально изменить его в свою пользу. Можно согласиться с Т. Корнеллом в том, что «в смысле политическом Рим не имел проблемы в лице Парфии, но предельно ясно, что Парфия имела проблему в лице Рима» [8. С. 145].

С точки зрения если не всей, то, по крайней мере, достаточно влиятельной части военной элиты Империи, остался неотомщенным позор капитуляции римских войск при Рандее. Фактическая же уступка Армении парфянам ставила как малоазийские провинции, так и Сирию в зависимость от доброй воли главного внешнеполитического партнера — положение, бывшее для Рима непривычным и унижительным [9. С. 132; 10. С. 211, прим. 58].

⁴ Tac. Ann. XV.24–29; Suet. Nero 13; 39. 1; 40. 2; Cass. Dio LXII. 21. 2; 22. 3; LXIII. 1. 2–5. 4.

Флавии, понимая невозможность быстро изменить сложившуюся ситуацию на Ближнем Востоке в свою пользу, на протяжении многих лет выстраивали систему обороны азиатских владений Рима, предпочитая во взаимоотношениях с Парфией дипломатические методы. Впрочем, восточная политика Флавиев, особенно Домициана, нуждается в отдельном исследовании. Еще Н.К. Дибвойс был уверен, что план наступательной войны против Парфии был разработан Домицианом и только его смерть отсрочила выполнение такового, выпавшее на долю Траяна⁵. Однако американский исследователь пришел к такому заключению лишь на основе анализа поэтического творчества Стация. Думается, что многочисленных упоминаний о грядущем разгроме парфян в «Сильвах» для столь ответственного заявления все же недостаточно.

Разумеется, никто не вправе отрицать значение поэтических произведений как исторического источника, но между полетом фантазии придворного поэта и реальным стратегическим планированием будущей войны все же есть некоторая разница. Впрочем, не исключено, что Стаций придал поэтическую форму идее разгрома геополитического противника Рима на Востоке, высказанной Домицианом с целью зондирования общественного мнения. Это было достаточно актуально, так как компромиссный мир 89 г. с дакийским царем Децебалом далеко не всеми был принят с восторгом. В частности, как видно из дальнейшего развития событий, к числу скептиков принадлежал и Траян, хотя при жизни Домициана он, конечно, держал свое мнение при себе.

Справедливости ради, надо отметить: возможность того, что Траян своей кампанией на Востоке осуществлял замысел Домициана, все же существует. Со времени подавления мятежа Антония Сатурнина (начало 89 г.) будущий император входил в число тех лиц, которым последний Флавий полностью доверял. Если согласиться с тем, что Траян в последние годы Домициана относился к ближайшему окружению последнего [12. С. 324 слл.], то нельзя исключить, что идею разгрома Парфии император обсуждал со своими *comites*. К сожалению, в сохранившихся источниках об этом нет ни слова.

⁵ «Although Domitian did not live to carry out this plan, it was not long before Trajan was engaged in a campaign which followed closely along the same lines» [11. С. 215. Ср.: 2. С. 184]. Правда, если судить по русскому изданию монографии Дибвойса, Домициану далее отказано в авторстве плана войны: «Вся кампания Траяна следовала плану, разработанному Цезарем... [2. С. 195]. Думается, что в данном случае имеет место неточность перевода и американский исследователь имел в виду другое, его «Trajan's whole campaign followed the pattern set by Caesar...» [11. С. 231] подразумевает следование не плану Цезаря, которого, как показано выше, скорее всего, просто не существовало, а стилю (pattern) ведения боевых действий, т.е. *celeritas Caesaris*.

Пересмотр внешнеполитической концепции Домициана

Как бы то ни было, но с приходом к власти в Риме Траяна стало очевидно, что наступили новые времена. Будучи с юных лет профессиональным военным (*vir militaris*) и приобретя на этой стезе немалый опыт, он считал накопленный предыдущей династией военный потенциал Римской державы достаточным, чтобы восстановить ее престиж в том виде, в каком он его понимал, т.е. внушить ближним и дальним соседям страх и трепет, а представлявших для Рима непосредственную опасность — уничтожить.

С его точки зрения, главную внешнеполитическую проблему в Европе представляло Дакийское царство Децебала в Нижнем Придунавье, а в Азии — Армения, фактически ставшая наследственным владением парфянской царской династии Аршакидов. Понимая, что силовое решение «армянского вопроса» неизбежно повлечет за собой большую войну с Парфией, Траян, отложив ее на будущее, буквально с первых же месяцев своего principatus занялся военно-технической и дипломатической подготовкой войны против Дакии [13. С. 349–354].

Надо отдать ему должное: своих агрессивных намерений он не скрывал от приближенных изначально. Аммиан Марцеллин, повествуя о персидском походе императора Юлиана, сравнивает его манеру выражаться с поведением Траяна: «Таким же образом, как рассказывают, имел обыкновение подтверждать свои слова Траян: «Верно как то, что я увижу Дакию превращенной в провинцию», «Как то, что я по мосту перейду Истр и Евфрат» и многое тому подобное» (*Ut Traianus fertur aliquotiens iurando dicta consuesse firmare "Sic in provinciarum speciem redactam videam Daciam; sic pontibus Istrum et Euphratem superem," et similia plurima*) (Amm. Marcell. XXIV. 3. 9. Пер. Ю.А. Кулаковского).

Таким образом, внешнеполитическая программа его principatus была сформулирована сразу же, оставалось ее осуществить. Разумеется, такого рода высказывания император мог позволить себе только в узком кругу самых доверенных лиц, чтобы соответствующая информация не просочилась к противнику раньше времени и была достигнута если не стратегическая, то тактическая внезапность. Представляется, что в обоих случаях, как с Дакией, так и с тандемом Армения — Парфия, Траяну это удалось.

Обстоятельства благоприятствовали его честолюбивым замыслам. В результате двух Дакийских войн Децебал был разгромлен и уничтожен, большая часть коренного населения уничтожена и замещена мигрантами, на остальной границе по Дунаю и Рейну обстановка оставалась спокойной, что, впрочем, являлось заслугой Домициана, а не Траяна [14. С. 56 слл.; 1. С. 168]. Между тем, в Передней Азии сложилась уникальная ситуация, которая, казалось, позволяла Риму раз и навсегда решить «восточный вопрос» в своих интересах.

В Парфии борьба за власть внутри царского дома привела к междоусобной войне, в ходе которой претенденту на трон Хосрою, брату законного царя Пакора II, удалось утвердиться в западных сатрапиях царства Аршакидов. В ходе этой борьбы Хосрой имел неосторожность сместить утвержденного Римом царя Армении Акседара, заменив его Партамасирисом, старшим братом низложенного. Несмотря на столь близкое родство, оба они принадлежали к враждебным политическим группировкам⁶. Поскольку эта рокировка была произведена без санкции Рима, то тем самым императору был предоставлен «отличный *casus belli*» [15. С. 131]. Этого случая Траян не упустил — Армении и Парфии была объявлена война (Cass. Dio LXVIII. 17. 1–2)⁷.

В общих чертах план захвата Армении, несомненно, был разработан еще в Риме, а уточнен в начале 114 г., после прибытия императора в Антиохию, т.е. на последней стадии подготовки войны⁸. Нельзя не признать, что осуществлен этот замысел был блестяще. Это и неудивительно: театр военных действий был прекрасно знаком римлянам, начиная со времени III Митридатовой войны и заканчивая римско-парфянской войной 55–63 гг., их военные топографы свое дело знали, так что логистика самой кампании, явившейся прологом к переносу боевых действий на территорию Месопотамии, была детально разработана и осуществлена без сбоев⁹.

Настоящая работа не ставит своей целью освещение хода военных действий на протяжении всей войны — исследований на эту тему хватает, к сожалению, почти исключительно зарубежных. Представляется более интересным, ограничившись сжатым обзором основных событий, проанализировать достаточно популярную до настоящего времени точку зрения, согласно которой, Траян, преклоняясь перед военным гением Александра Македонского, намеревался идти по его стопам и, как минимум, завоевать всю огромную державу Аршакидов¹⁰.

⁶ Датировка спорна, многие детали этих событий неясны. Ср.: [16. С. 193; 17. С. 238; 18. С. 126 f., 145, прим. 3; 19. С. 197, 200].

⁷ В этой связи нельзя не согласиться с мнением С.М. Перевалова о характере принятия соответствующих решений в Риме: «Решения о начале войны принимались без присущей современным стратегам всесторонней и объективной оценки всей имеющейся информации о противнике, узким кругом лиц в эпоху республики и ближайшим окружением императора — в империи, под влиянием разных причин, среди которых не последнюю роль играли соображения престижа, имиджа государства и т.д.» [20. С. 38].

⁸ По мнению М.И. Ростовцева, политические результаты этой войны должны были состоять в том, что «Армении надлежало стать римской провинцией, защищенной Месопотамией и Адиабеной, занятых римскими гарнизонами, тогда как Парфия управлялась бы римским ставленником, царем-клиентом Рима» [6. С. 108]. Если бы Траян вовремя остановился, его последняя война вполне могла бы закончиться в пользу Рима [21. С. 26 сл.].

⁹ Более подробно: 22. С. 189–202.

¹⁰ [23. С. 91; 24. С. 399; 25. С. 638; 3. С. 119; 26. С. 303; 27. С. 76; 28. 241; 29. С. 81; 1. С. 218; 8. С. 144; 30. С. 151; 31. С. 128]. Критический разбор этого мнения см. у Д. Грэма [32. С. 36 слл.].

Обзор военных действий

Активные военные действия начались весной 114 г. с массированного римского наступления в Армении. Римские войска по нескольким направлениям вторглись в страну и достаточно быстро заняли ее ключевые стратегические пункты, чтобы предотвратить оказание парфянами военной помощи Партамасирису. Армянский царь долго добивался личной встречи с императором, наивно надеясь на благородство римлянина, но, когда она, наконец, состоялась, результатом стало его физическое устранение по приказу Траяна¹¹. Армения немедленно получила статус новой римской провинции, и, судя по имеющимся данным, римляне намеревались обосноваться в ней всерьез и надолго [33. С. 149].

Однако император на этом не остановился. Если, отправляясь на войну, он, возможно, имел наброски нескольких вариантов действий, но все еще не определил своих финальных планов (ограничиться аннексией Великой Армении или пойти дальше) [28. С. 241], то полученная им на месте информация, казалось, оправдывала его самые смелые ожидания. Парфянам было не до Армении, держава Аршакидов была охвачена гражданской войной, кризис в ней углублялся, так что Траян получил полную свободу действий и немедленно этим воспользовался [9. С. 139; 32. С. 38].

Зиму 114/115 гг. император провел в Антиохии, где размещалась его штаб-квартира на протяжении всей войны. В течение весенне-летней кампании 115 г. римские войска заняли Верхнюю Месопотамию, похоже, не встречая серьезного сопротивления. Правда, за это время Траян получил четыре императорские аккламации, но это вовсе не означает, что он дал противнику четыре крупных сражения, как полагает М.А. Шпайдель [31. С. 159]. Дело в том, что значительных воинских контингентов у парфян в Месопотамии тогда просто не было, поскольку борьба претендентов на трон «царя царей» шла в восточной половине державы Аршакидов. Во всяком случае, на первой фазе римской войсковой операции, примерно до 116 г., информация о каком-либо противодействии со стороны парфян отсутствует [9. С. 139].

Апогей военных успехов римлян приходится на кампанию 116 года, когда Траян, заняв Нижнюю Месопотамию, вступил в одну из двух парфянских столиц, Ктесифон, который, судя по всему, был сдан без боя. Хосрой бежал из своей резиденции настолько поспешно, что оставил там собственную дочь и свой трон, попавшие в руки римлян¹². Очевидно, на этом активную фазу войны император считал законченной. Об этом можно судить по его очередной (тринадцатой) императорской аккламации и принятии титула *Parthicus*, вотируемого ему сенатом, как и беспрецедентное право отпраздновать

¹¹ Cass. Dio LXVIII. 19. 1–20. 4; Arr. Parth. Fragm. 39–40 Roos II. P. 237; Fronto. Princ. hist. 15 Haines II. P. 212 sqq.; Eutrop. VIII. 3. 1.

¹² Cass. Dio LXVIII. 28. 2; SHA. Hadr. 13. 8; Ant. Pius. 9. 7.

любое угодное ему количество триумфов (νικητήρια ὅσα ἐθέλήσει διεορτάσαι) (Cass. Dio LXVIII. 28. 2–3). В обращение вышла золотая и серебряная монета с легендой PARTHIA CAPTA [34. С. 267. № 324–325].

Поддавшись эйфории от обманчивой легкости одержанных побед и считая дальнейшее сопротивление противника маловероятным, а его моральный дух окончательно сломленным, Траян во главе флота из 50 единиц (νῆας), который до этого принимал активное участие в военных действиях¹³, отправился вниз по Тигру, к Персидскому заливу (Arr. Parth. Fr. 67). На его берегу, крайнем южном рубеже завоеваний Траяна, была воздвигнута статуя императора (Jordan. Rom. 268).

Мечта об Индии

Можно согласиться с тем, что эта экспедиция носила рекогносцировочный характер: император намеревался в неведомой до того для римлян Нижней Месопотамии на месте решить, каким образом использовать плоды достигнутой, как он считал, победы, какие территории включить в состав новой провинции, а какие оставить под контролем «вассальных правителей» [35. С. 127]. И здесь возникает вопрос о дальнейших планах императора: считал ли он возможным удовольствоваться достигнутым или же намеревался продолжить свое соревнование с Александром, которое, по его словам в письме сенату, он уже выиграл?

В современной науке ко второму варианту принято относиться скептически. Указывается, что мечты Траяна об Индии (Cass. Dio LXVIII. 30. 1), если они и имели место, были лишь грезами, «снами наяву», так как он, в отличие от Александра, не выиграл генеральное сражение

¹³ Флот был выстроен зимой 115/116 г. римскими войсками, зимовавшими в Адиабене, а весной, с прибытием императора, спущен на воду. Интересно, что для облегчения переброски в нужное место по суше суда строились с расчетом конструкции на разборку и сборку при необходимости (Cass. Dio LXVIII. 26.1). Дальнейшее применение в боевых действиях: Cass. Dio LXVIII. 26. 2–3; 28. 1–2; Arr. Parth. Fr. 59–63. Поскольку противник флотом не обладал, это, видимо, были почти исключительно транспортные суда, рассчитанные на перевозку живой силы, лошадей, необходимого вооружения, снаряжения, провианта и фуража, а также на устройство с их помощью понтонных мостов. Исключение составляли четыре корабля императорской эскадры, из которых размерами и роскошью отделки выделялся флагманский (Arr. Parth. Fr. 67–68). Как представляется, хотя бы часть флота, сооруженного в Месопотамии, относилась, выражаясь современным языком, к классу «река — море», т.е. спектр его применения мог быть достаточно широким. Напрашивается сравнение со строительством в Индии и использованием своего флота Александром Македонским, чему Арриан, видимо, не случайно уделяет повышенное внимание (Ср.: Diod. XVII. 95. 3–5; 97; 104. 1, 3; 106. 4–7; 107. 1; Arr. Anab. Alex. V. 3. 5; 7. 1–5; 8. 4; 9. 3; 12. 4; VI. 18. 3–5; 19. 1–5; 20. 1–5; 21. 1–3; 28. 5; VII. 5. 6; 7. 1–2; 19. 3–4, 6; 20. 7–10; Curt. Res gestae Alex. Mag. IX. 3. 22; 8. 3–7; 9. 1–26; 10. 1–3; X. 1. 10–19; Plut. Alex. 63. 1; 66. 1–2; 68. 1, 3).

у противника, а парфянское войско полностью сохраняло свою боевую мощь [36. С. 120]. Подчеркивается, что в приписанной императору фразе¹⁴ он, по сути дела, противопоставляет свои завоевания походу Александра, а свой возраст — молодости Александра [32. С. 37]. Констатируется, что нет никаких доказательств того, что император намеревался углубиться в Иранское нагорье по следам македонского завоевателя. Организация подобного похода требовала такой концентрации ресурсов, которая была не под силу даже Траяну, так что он должен был считать подобный план нереалистичным [37. С. 606].

Однако А. Кюнел, специально исследовавшая использование образа Александра в Риме как политического инструмента, справедливо отметила, что Траян относился к великому завоевателю с особенным пиететом. Во время Парфянской войны, судя по источникам, этот образ приобретал для императора все большее значение, так что он мыслил себя преемником Александра и стремился превзойти его достижения [38. С. 193–196, 200 сл.].

Можно согласиться с тем, что Траян в момент своих максимальных успехов считал войну законченной, а Парфию — побежденной. Но вопрос о его дальнейших планах остается открытым. Как бы император ни уверял «отцов-сенаторов» в том, что превзошел достижения Александра, но сам он должен был прекрасно сознавать, что это далеко не так, а продолжение похода армии на Восток попросту невозможно [39. С. 73; 40. С. 16].

Однако в резерве оставался «ход конем», который позволял избежать большинства проблем, характерных для сухопутного театра военных действий, и достигнуть тех земель, которые не сумел покорить даже македонский завоеватель, а именно морская экспедиция в Индию. Торговля с Индией, как своими глазами убедился Траян, шла через Персидский залив бесперебойно, найти толковых моряков и лоцманов проблемой не было, флот был в наличии, оставалось подготовить операционную базу и действовать.

Идея о том, что Траян стремился утвердиться на берегах Персидского залива, чтобы контролировать морскую торговлю с Индией, защитить новую границу, проходившую по Тигру, и даже вести военные действия на побережье Южной Азии, уже высказывалась [41. С. 490, 492; 37. С. 621; 19. С. 224], как, впрочем, и опровергалась [31. С. 161 слл.]. Поэтому необходимо определить, какое подтверждение она находит в источниках, состояние которых в науке единодушно признается неудовлетворительным.

¹⁴ Впрочем, в ее аутентичности П. Пти, в отличие от большинства исследователей, сомневается [1. С. 219].

В первую очередь, приходится сожалеть об утрате такого первоклассного источника, как Παρθικά Флавия Арриана, сочинения о римско-парфянских войнах, из 17 книг которого 10 были посвящены именно последней войне Траяна [42. Стб. 1236; 43. Стб. 29]. Обычно считается, что Арриан был участником этой войны, будучи офицером всаднического ранга [43. Стб. 28; 44. С. 9; 37. С. 591]¹⁵. Для анализируемой проблемы это тем огорчительней, что в утраченных книгах «были описаны не только деяния, но и замыслы Траяна» (οἱ γράψαντες οὐ μόνον τὰ ἔργα Τραϊανοῦ ἀλλὰ καὶ τὰ βουλευόμενα) (Arr. Parth. Fr. 73). К тому же оригинальный текст той части основного для этой проблемы нарративного источника, «Римской истории» Кассия Диона, что посвящена времени Траяна, тоже не сохранился и известен лишь по извлечениям византийского времени. Что же касается авторов поздних, то, как принято считать, в их отношении «историчность некоторых приводимых фактов не может быть проверена» [37. С. 621, прим. 80]. Имеет смысл попытаться выяснить, так ли это.

На закате античной цивилизации, по запросам романизованных варваров из римской верхушки, которые желали слыть образованными, не прилагая к этому особых усилий, создавались многочисленные компендиумы, в т.ч. и по римской истории. Из них сохранились, в частности, сочинения Евтропия и Феста Руфа. По словам современника, толпа «потомков Ромула» в самом Риме стремилась тогда к разного рода развлечениям, в то время как «библиотеки заперты навсегда, как гробницы» (*bybliothecis sepulcrorum ritu in perpetuum clausis*) (Amm. Marcell. XIV. 6. 18). С другой стороны, коль скоро библиотеки старой столицы были под замком (подразумевается, что по причине отсутствия читателей), следовательно, даже там их фонд все еще оставался в сохранности, в т.ч. и сочинения Флавия Арриана, и полный текст «Римской истории» Кассия Диона, и мн.др., имеющее отношение к теме настоящей статьи.

В восточной же половине Римской империи ситуация с интеллектуальной жизнью была иной и, надо полагать, библиотеки в таких культурных центрах, как Константинополь, Афины, Александрия, Антиохия, Пергам и др., функционировали вполне исправно. Евтропий и Фест были крупными чиновниками, которые последовательно занимали при дворе императора Валента одну и ту же должность (*magister memoriae*) [45. Стб. 322; 46. Стб.

¹⁵ Эд. Шварц считал, что Арриан был современником этой войны, но сам в ней не участвовал, а его сочинение написано не на документальном материале, а на основе уже опубликованных работ его предшественников [42. Стб. 1236], но его аргументацию трудно признать убедительной. Во всяком случае, Иоанн Малала подчеркивает, что «мудрейший Арриан <...> исследовал и изложил все точно» (ὁ σοφώτατος Ἀρειανὸς <...> ἱστορήσας καὶ συγγράψαμενος πάντα ἀκριβῶς) (Arr. Parth. Fr. 76).

495], так что с получением всей необходимой для их произведений информации у них явно никаких проблем не было.

В особенности это касается Евтропия, создавшего свой труд по прямому поручению императора (*ex voluntate mansuetudinis tuae*) (Eutrop. *Prolog.*) и уже по этой причине едва ли рискнувшего бы искажать приводимые в своем сочинении факты. Следовательно, сообщаемым им сведениям можно доверять, если отсутствуют убедительные доказательства противоположного свойства. Самостоятельное значение имеет именно «Бревиарий» Евтропия, который почти дословно переписывали и Фест, «и примкнувший к ним» Иордан (*Romana*) — следовательно, высоко ценили.

В те интересные времена (вторая половина IV в.) еще остававшиеся эрудиты, к числу которых, несомненно, относятся Аврелий Виктор и Юлиан Отступник, не обошли своим вниманием эфемерные завоевания Траяна. Аврелий Виктор (Aur. Vict. De Caess. 13. 3) полагал, что *bellicosissimus princeps* напугал на Востоке своей Парфянской войной «все народы между Евфратом и Индом» (*ad ortum solis cunctae gentes, quae inter Indum et Euphratem amnes inclitos sunt, concussae bello*). У Юлиана сам Траян на прямой вопрос бога Гермеса о его достижениях отвечает, что он стремился к тому же самому, что и Александр, но в более разумных пределах (*τῶν αὐτῶν Ἀλεξάνδρῳ σωφρονέστερον*) (Iulian. Caess. 34). Остается определить, чем же император был «благоразумнее» (*σωφρονέστερον*) своего македонского идеала, если его аппетиты простирались от Евфрата до Инда.

По словам Евтропия, Траян продвинулся вплоть до рубежей Индии и Красного моря (под которым подразумевается Персидский залив), создав в Заливе флот, чтобы с его помощью опустошать «страну чудес», объект своих вожделений (*usque ad Indiae fines et mare Rubrum accessit... in mari Rubro classem instituit, ut per eam Indiae fines vastaret*) (Eutrop. VIII. 3. 2).

Сообщение Феста на ту же тему лаконичнее: *Usque ad Indiae fines post Alexandrum accessit. In mari Rubro classem instituit* (Fest. Brev. 20.3).

Иордан, почти дословно повторяя своих предшественников, добавляет новую деталь: *nec non et in mari Rubro classem, unde Indiae fines vastaret, instituit ibique suam statuam dedicavit...* (Iordan. Rom. 268 Mommsen).

Суммируя эту информацию, можно заключить: в памяти потомков должно было остаться, что Траян «вплотную приблизился (*accessit*) к рубежам Индии». Формулировка достаточно расплывчатая и трактовать ее можно как угодно. Очевидно, она должна была заставить вспомнить образ Александра и внушить, что Траян, будучи его *alter ego*, по стопам великого завоевателя дошел до «страны чудес», откуда

в Средиземноморье поступали экзотические товары. И лишь Иордан конкретизирует, каким образом император намеревался оказаться в этой стране: «... и, наверное (несомненно), учредил флот в Красном море, откуда собирался опустошать побережье Индии, и посвятил там боже-ству свою статую».

Можно согласиться с интересным предположением У. Хартмана: Траян намеревался построить военный порт, в котором базировался бы флот, с задачей охраны прибрежной зоны Персидского залива и защиты новой римской границы, проходившей по Тигру. Обозначить место строительства должна была поставленная там статуя Траяна [37. С. 621].

Однако едва ли военный флот, стоявший в этом порту, должен был лишь крейсировать по Тигру и вдоль побережья залива. Траян, если исходить из сообщений Евтропия, Феста и Иордана, явно намеревался подготовить крупную десантную операцию в Индии и, возможно, успел отдать соответствующие приказания. Соревнование с тенью Александра, по мысли императора, должно было продолжиться.

Заключение

Последняя война императора Траяна во многом остается загадочной. С точки зрения баланса сил между двумя великими державами, Римом и Парфией, никакой необходимости в ней не было. Суть дела заключалась в том, что «яблоком раздора» для них со времен Поздней республики оставалась Армения, которая занимала важное стратегическое положение. Риму при Августе удалось добиться преобладающего влияния в этой стране, но в течение последующих десятилетий ситуация постепенно изменялась, пока заключенный после войны 55–63 гг. мирный договор не позволил Аршакидам фактически сделать Армению своим наследственным владением. При этом Рим сохранил за собой право утверждать кандидатуру каждого нового армянского царя, что теоретически позволяло Империи контролировать ситуацию в этом беспокойном регионе.

Такое положение, которое сохранялось в течение нескольких десятилетий, Парфию вполне устраивало. Но в лице Траяна в Римской империи к власти пришли те силы, которые хотели радикально изменить положение на проблемных участках римской границы. Удачный опыт Дакийских войн позволил новому императору перейти к окончательному, как он считал, решению «восточного вопроса». Успешным действиям римских войск способствовала гражданская война между претендентами на парфянский трон, которая позволила Траяну в течение кампаний 114–116 гг. захватить Армению и Месопотамию и учредить на их территории новые провинции. Считая войну против Парфии уже выигранной,

император намеревался создать на берегу Персидского залива военно-морскую базу и совершить морской поход в Индию, превзойдя тем самым в глазах римлян достижения Александра Македонского, образу которого пропаганда Траяна придавала особое значение. Однако дальнейшие события убедительно показали несбыточность этих замыслов.

Список литературы

1. *Petit P.* Histoire générale de l'Empire romain. 1. Le Haut-Empire (27 av. J.-C. — 161 apr. J.-C.). Paris : Éditions du Seuil, 1974.
2. *Дибвойс Н.К.* Политическая история Парфии / пер. с англ., науч. ред. и библиогр. прил.-е В.П. Никонорова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008.
3. *Князький И.О.* Император Траян. СПб. : Алетейя, 2016. EDN: YNMCBR
4. *Егоров А.Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. СПб. : Нестор-История, 2014. EDN: VLJQUH
5. *Моммзен Т.* История Рима. III. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. СПб. : Наука; Ювента, 1995.
6. *Rostovtzeff M.* The Sarmatae and Parthians // Cambridge Ancient History. Cambridge, 1936. Vol. XI. P. 91–130.
7. *Oller Guzmán J.* *Rex armeniis datus?* Nero, Parthia and the 'Armenian Question'. In: Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches / ed. by B. Antela-Bernárdez, J. Vidal. Oxford, 2014. P. 85–98.
8. *Cornell T.* The end of Roman imperial expansion. In: War and Society in the Roman World / ed. by J. Rich, G. Shipley. London; New York, 1993. P. 139–170.
9. *Olbrycht M.J.* Das Arsakiderreich zwischen der mediterranen Welt und Innerasien. Bemerkungen zur politischen Strategie der Arsakiden von Vologases I. bis zum Herrschaftsantritt des Vologases III. (50–147 n. Chr). In: Ancient Iran and the mediterranean World. Studies in Ancient History. Proceedings on an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagiellonian University, Cracow, in September 1996 / ed. by E. Dąbrowa. Cracow, 1998. S. 123–159.
10. *Wolski J.* Iran und Rom. Versuch einer historischen Wertung der gegenseitigen Beziehungen. In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1. Berlin; New York, 1976. P. 195–214.
11. *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1938.
12. *Парфенов В.Н.* Траян и мятеж Антония Сатурнина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328> EDN: HGYZMF
13. *Парфенов В.Н.* Боспорская миссия Марка Ульпия Прима // Античный мир и археология. 2009. Т. 13. № 13. С. 349–354. EDN: VBHPKP
14. *Филимонов Н.А.* Римская провинция Дакия: административное устройство и управленческий аппарат : дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2023.
15. *Chamont M.-L.* L'Arménie entre Rome et l'Iran: De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1. Berlin; New York, 1976. P. 130–194.
16. *Bennett J.* Trajanus Optimus Princeps. A Life and Times. London; New York : Routledge, 1997.
17. *Marek Chr.* Rom und der Orient. Reiche. Götter. Könige. München: Beck, 2023. 721 S.
18. *Sheldon R.M.* Rome's Wars in Parthia: blood in the sand. London ; Portland (Or.) : Mitchell, 2010.
19. *Jackson N.* Trajan: Rome's Last Conqueror. Barnsley: Greenhill Books, 2022.

20. *Перевалов С.М.* Имелась ли идеологическая основа для «национально-освободительной» борьбы кавказских народов с Римом? // *Война и сакральность : материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»*. Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога. 1–4 октября 2009 г. М. ; СПб., 2010. С. 37–40.
21. *Longden R.P.* Notes on the Parthian Campaigns of Trajan // *Journal of Roman Studies*. 1931. Vol. 21. P. 1–35.
22. *Парфенов В.Н.* Роль «армянского вопроса» в парфянской авантюре Траяна // *Вестник Литературного института имени А.М. Горького*. 2024. № 2–3. С. 189–202. <https://doi.org/10.24412/2408-9451-2024-2-3-1189-202> EDN: JJEOMO
23. *Грант М.* Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. — 476 г. н.э. / пер. с англ. М. Гитт. М. : Терра, 1998.
24. *Махлаюк А.В.* Римские войны. Под знаком Марса. М. : Центрполиграф, 2002. EDN: QPOCBV
25. *Смышляев А.Л., Уколова В.И.* Рим: эпоха принципата // *Всемирная история*. Т. 1. Древний мир / отв. ред. В.А. Головина, В.И. Уколова. М. : Наука, 2011. С. 603–639. EDN: RXIVOB
26. *Циркин Ю.Б.* Политическая история Римской империи. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. Т. 1.
27. *Егоров А.Б.* История Древнего Рима. Империя : курс лекций. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 2024.
28. *Longden R.P.* The Wars of Traian // *Cambridge Ancient History*. Cambridge, 1936. Vol. XI. P. 223–252.
29. *Webster G.* The Roman Imperial Army of the first and second centuries A.D. London : Black, 1969.
30. *Alston R.* Aspects of Roman History, AD 14–117. London; New York : Routledge, 1998.
31. *Speidel M.A.* Traian: Bellicosissimus Princeps. In: M.A. Speidel. Heer und Herrschaft im Römischen Kaiserzeit. Stuttgart, 2009. S. 121–165.
32. *Graham D.* Trajan's Parthian War // *Classicum*. 2014. Vol. 40. No. 1. P. 35–39.
33. *Speidel M.A.* Provincia Armenia in the Light of the Epigraphic Evidence // *Electrum*. 2021. Vol. 28. P. 135–150.
34. *Mattingly H., Sydenham E.A.* The Roman Imperial Coinage. Vol. II. Vespasian to Hadrian. London : Spink, 1926.
35. *Griffin M.* Nerva to Hadrian // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge, 2000. Vol. XI. P. 84–131.
36. *Lightfoot C.S.* Trajan's Parthian War and the Fourth-Century Perspective // *Journal of Roman Studies*. 1990. Vol. 80. P. 115–126.
37. *Hartmann U.* Die Ziele der Orientpolitik Trajans. In: *Interkulturalität in der Alten Welt. Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts* / Hrg. v. R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. S. 591–633.
38. *Kühnen A.* Die *imitatio Alexandri* als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende der dritten Jahrhunderts n. Chr. Diss. Duisburg–Essen : Univ.-Verlag, 2005.
39. *Birley A.R.* Hadrian. The restless emperor. London; New York: Routledge, 1997.
40. *Ball W.* Rome in the East. The transformation of an empire. London; New York: Routledge, 2000.
41. *Seelentag G.* Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart : Steiner, 2004.
42. *Schwartz Ed.* Flavius Arrianus // *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. / Hg. v. G. Wissowa u.a. Stuttgart, 1895. Hbd. 3. Sp. 1230–1247.

43. Heucke H. Arrianos von Nikomedeia // Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hg. v. H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1997. Bd. 2. Sp. 27–30.
44. Нефёдкин А.К. Арриан: жизнь и творчество // Арриан. Тактические трактаты / Перев., комм., вступ. ст. А.К. Нефёдкина. СПб. : Нестор–История, 2010. С. 7–13.
45. Portmann W. Eutropius // Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hg. v. H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1998. Bd. 4. Sp. 322.
46. Eigler U. Festus Rufus // Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hg. v. H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar, 1998. Bd. 4. Sp. 495.

References

1. Petit P. *Histoire générale de l'Empire romain. 1. Le Haut-Empire (27 av. J.-C. — 161 apr. J.-C.)*. Paris: Éditions du Seuil; 1974.
2. Debevoise NC. *Politicheskaya istoriya Parfii* [A Political History of Parthia]. Transl., ed. and bibliogr. of VP Nikonorov. Saint Peterburg: Filologicheskii fakultet SPbGU publ.; 2008. (In Russ.).
3. Knyaz'kij IO. *Imperator Trajan* [The Emperor Trajan]. Saint Peterburg: Aleteiya publ.; 2016. (In Russ.). EDN: YNMCBR
4. Egorov AB. *Julij Tsezar'. Politicheskaya biografiya* [Julius Caesar. The Political Biography]. Saint Peterburg: Nestor-Istoriya publ.; 2014. (In Russ.). EDN: VLJQUH
5. Mommsen Th. *Istoriya Rima. III. Ot smerti Sully do bitvy pri Tapse* [The History of Rome. III. From the death of Sulla to the Battle of Thapsus]. Saint Peterburg: Nauka publ.; Iuventa publ.; 1995. (In Russ.).
6. Rostovtzeff M. The Sarmatae and Parthians. In: *Cambridge Ancient History*. Cambridge; 1936. Vol. XI, pp. 91–130.
7. Oller Guzmán J. *Rex armenii datus?* Nero, Parthia and the 'Armenian Question'. In: Antela-Bernárdez B, Vidal J, editors. *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford; 2014. P. 85–98.
8. Cornell T. The end of Roman imperial expansion. In: Rich J, Shipley G, editors. *War and Society in the Roman World*. London; New York; 1993. P. 139–170.
9. Olbrycht MJ. Das Arsakiderreich zwischen der mediterranen Welt und Innerasien. Bemerkungen zur politischen Strategie der Arsakiden von Vologases I. bis zum Herrschaftsantritt des Vologases III. (50–147 n. Chr). In: Dąbrowa E, editor. *Ancient Iran and the mediterranean World. Studies in Ancient History*. Proceedings on an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagiellonian University, Cracow, in September 1996. Cracow; 1998. P. 123–159.
10. Wolski J. Iran und Rom. Versuch einer historischen Wertung der gegenseitigen Beziehungen. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1*. Berlin; New York; 1976. P. 195–214.
11. Debevoise NC. *A Political History of Parthia*. Chicago: Univ. of Chicago Press; 1938.
12. Parfyonov VN. Trajan and the Revolt of Antonius Saturninus. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):319–328. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328> EDN: HGYZMF
13. Parfyonov VN. The Bosporan mission of Marcus Ulpius Primus. *Ancient world and archaeology*. 2009;13(13):349–354. (In Russ.). EDN: VBHPKP
14. Filimonov NA. *Rimskaya provintsia Dakiya: administrativnoe ustroistvo i upravlencheskii apparat* [The Roman province of Dacia: administrative structure and apparatus]. Diss. Yaroslavl'; 2023. (In Russ.).
15. Chaumont ML. L'Arménie entre Rome et l'Iran: De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 2. Principat. Bd. 9. 1*. Berlin; New York; 1976. P. 130–194.
16. Bennett J. *Trajanus Optimus Princeps. A Life and Times*. London; New York: Routledge; 1997.

17. Marek Chr. *Rom und der Orient. Reiche. Götter. Könige*. München: Beck; 2023.
18. Sheldon RM. *Rome's Wars in Parthia: blood in the sand*. London; Portland (Or.): Mitchell; 2010.
19. Jackson N. *Trajan: Rome's Last Conqueror*. Barnsley: Greenhill Books; 2022.
20. Perevalov SM. Was there an ideological basis for the “national liberation” struggle of the Caucasian peoples against Rome?. In: *Voina I sakral'nost'. Materialy Chetvertykh mezhdunarodnykh chtenii "Mir I voina: kul'turnye konteksty sozial'noi agressii"*. Saint Peterburg – Vyborg – Staraya Ladoga. 1–4.10.2009. Moscow; Saint Peterburg; 2010. P. 37–40. (In Russ.).
21. Longden RP. Notes on the Parthian Campaigns of Trajan. *Journal of Roman Studies*. 1931;(21):1–35.
22. Parfyonov VN. The role of the “Armenian question” in Trajan's Parthian adventure. *Vestnik of Gorky Literary Institute*. 2024;(2–3):189–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2408-9451-2024-2-3-1189-202> EDN: JJEOMO
23. Grant M. *Rimskie imperatory. Biograficheskie spravochniki pravitelei Rimskoi imperii 31 g. do n.e. — 476 g. n.e.* [The Roman emperors. Biographical directory of the rulers of the Roman Empire 31 BC — 476 AD]. Transl. from Engl. by Gitt M. Moscow: Terra, 1998. (In Russ.).
24. Makhlaiuk AV. *Rimskie voyny. Pod znakom Marsa* [The Roman Wars. Under the sign of Mars]. Moscow: Tsentrpoligraf publ.; 2002. (In Russ.). EDN: QPOCBV
25. Smyshlyaev AL, Ukolova VI. Rim: epokha prinzipata [Rome: the Age of the Principate]. In: Golovina VA, Ukolova VI, editors. *Vsemirnaya istoriya. T. I. Drevnii mir*. Moscow: Nauka publ., 2011; p. 603–639. (In Russ.). EDN: RXIVOB
26. Tsirkin YB. *Politicheskaya istoriya Rimskoi imperii* [The Political History of the Roman Empire]. Saint Peterburg: RPGU im. A.I. Gerzena; 2018. Vol. 1. (In Russ.).
27. Egorov AB. *Istoriya Drevnego Rima. Imperiya : kurs lektsii*. [The History of Ancient Rome. Empire]: Saint Peterburg: Izd-vo SPbDA publ.; 2024. (In Russ.).
28. Longden RP. The Wars of Traian. In: *Cambridge Ancient History*. Cambridge; 1936. Vol. XI, pp. 223–252.
29. Webster G. *The Roman Imperial Army of the first and second centuries A.D.* London: Black; 1969.
30. Alston R. *Aspects of Roman History, AD 14–117*. London; New York: Routledge; 1998.
31. Speidel MA. Traian: Bellicosissimus Princeps. In: Speidel MA. *Heer und Herrschaft im Römischen Kaiserzeit*. Stuttgart; 2009, S. 121–165.
32. Graham D. Trajan's Parthian War. *Classicum*. 2014;40(1):35–39.
33. Speidel MA. Provincia Armenia in the Light of the Epigraphic Evidence. *Electrum*. 2021;(28):135–150.
34. Mattingly H, Sydenham EA. *The Roman Imperial Coinage. Vol. II. Vespasian to Hadrian*. London: Spink; 1926.
35. Griffin M. Nerva to Hadrian. In: *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge; 2000. Vol. XI, pp. 84–131.
36. Lightfoot CS. Trajan's Parthian war and the fourth-century perspective. *Journal of Roman Studies*. 1990;(80):115–126.
37. Hartmann U. Die Ziele der Orientpolitik Trajans. In: Rollinger R, editors. *Interkulturalität in der Alten Welt. Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts*. Wiesbaden; 2010, S. 591–633.
38. Kühnen A. *Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende der dritten Jahrhunderts n. Chr.* Diss. Duisburg–Essen: Univ.-Verlag, 2005.
39. Birley AR. *Hadrian. The restless emperor*. London; New York: Routledge; 1997.
40. Ball W. *Rome in the East. The transformation of an empire*. London; New York: Routledge; 2000.

41. Seelentag G. *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat*. Stuttgart: Steiner; 2004.
42. Schwartz Ed. Flavius Arrianus. In: Wissowa G, editor. *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1895;(3). S. 1230–1247.
43. Heucke H. Arrianos von Nikomedeia. In: Cancik H, Schneider H, editors. *Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*. Stuttgart; Weimar, 1997;(2):27–30.
44. Nefyodkin A.K. Arrian: zhisn' i tvorchestvo [Arrian: life and work]. In: *Arrian. Takticheskie traktaty*. Translation, commentary, introductory article by A.K. Nefyodkina. Saint Peterburg: Nestor–Istoriya publ.; 2010. P. 7–13. (In Russ.).
45. Portmann W. Eutropius. In: Cancik H, Schneider H, editors. *Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*. Stuttgart; Weimar; 1998;(4):322.
46. Eigler U. Festus Rufus. In: Cancik H, Schneider H, editors. *Der neue Pauly. Enzyklopädie der Antike*. Stuttgart; Weimar; 1998;(4):495.

Информация об авторе:

Парфенов Виктор Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории, Саратовская православная духовная семинария, Российская Федерация, 410028, Саратов, ул. им. И.В. Мичурина, д. 92, e-mail: vparfenov@list.ru ORCID: 0000-0003-3612-0197. SPIN-код: 5162-6287.

Information about the author:

Victor N. Parfyonov — doctor of historical sciences, professor, professor of the Department of Church History, Saratov Orthodox Theological Seminary, 92 Michurina st, Saratov, 410028, Russian Federation, e-mail: vparfenov@list.ru ORCID: 0000-0003-3612-0197. SPIN-code: 5162-6287.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-306-316

EDN: TFNMZV

Научная статья / Research article

Наместник и другие представители римской власти в провинции: между сотрудничеством и конфликтом

С.В. Телепень

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина,
Мозырь, Республика Беларусь

✉ telepen_serg@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме взаимоотношений представителей власти Рима в провинциях. В центре внимания находится фигура наместника как главного носителя государственной власти вне Италии. Проконсул, а также легат Августа должны были решать стоявшие перед ними задачи по осуществлению управления вверенной им частью государства, кооперируясь с другими должностными лицами. Особую роль здесь играло взаимодействие (для наместников сенатских провинций) с квесторами — относительно независимыми представителями центрального правительства. Рассмотрены те идеологические и морально-психологические основания, на которых строились отношения между проконсулами и квесторами. На конкретном материале показано, что одним из важнейших механизмов обеспечения результативного партнерства здесь было принятие сенаторским сообществом в целом идеи о *necessitudo* — обоюдном моральном долге, связывающим квестора и проконсула узами корпоративной солидарности. На несколько иных основаниях держалась связь между наместником и его назначенцами, т.е. легатами. В этом случае можно обнаружить признаки властной вертикали, однако с характерными для римлян патриархальными установками, делавшими в этом случае атмосферу почти семейной. Также рассмотрены взаимоотношения различных категорий наместников и, с другой стороны, прокураторов как формально частных порученцев принцепса. Обоснована тенденция к соперничеству прокураторов по отношению к наместникам, что может быть отражением конкуренции между всадническим и сенаторским *ordines*. Рассмотрены случаи нарушения нормального порядка партнерства между наместником и другими представителями Рима в провинции. Как показывают источники, в основном такие конфликты имели форму судебного разбирательства.

Ключевые слова: римский наместник, проконсул, легат Августа, квестор, легат проконсула, прокуратор

© Телепень С.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2025; принята к публикации 06.03.2025.

Для цитирования: Телепень С.В. Наместник и другие представители римской власти в провинции: между сотрудничеством и конфликтом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 306–316. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-306-316>

The governor and other representatives of Roman authority in the province: between collaboration and conflict

Sergey V. Telepen

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, *Mozyr, Belarus*

✉ telepen_serg@mail.ru

Abstract. This study is devoted to the problem of the relationship between representatives of the Roman authorities in the provinces. The focus is on the figure of the governor as the main bearer of state power outside Italy. The proconsul, as well as the legate of Augustus, had to solve the tasks facing them on the implementation of the management of the entrusted to them part of the state, cooperating with other officials. A special role here was played by the interaction (for the governors of the senatorial provinces) with the quaestors — relatively independent representatives of the central government. The study examines the ideological and moral-psychological foundations on which the relationship between the proconsuls and quaestors was built. Based on specific material, it is shown that one of the most important mechanisms for ensuring an effective partnership here was the acceptance by the senatorial community as a whole of the idea of *necessitudo*, that is a mutual moral duty linking the quaestor and the proconsul with bonds of corporate solidarity. The relationship between the governor and his appointees, i.e. the legates, was maintained on somewhat different grounds. In this case, one can find signs of a vertical power structure, but with the patriarchal attitudes characteristic of the Romans, which made the atmosphere almost family-like in this case. The study also examines the relationships between different categories of governors and, on the other hand, procurators as formally private envoys of the princeps. The tendency towards a rivalry of procurators in relation to governors is argued, which may be a reflection of the competition between the equestrian and senatorial ordines. The study examines cases of violation of the normal order of partnership between the governor and other representatives of Rome in the province. As sources show, such conflicts mainly took the form of legal proceedings.

Keywords: Roman governor, proconsul, legate of Augustus, quaestor, legate of the proconsul, procurator

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 14.01.2025. Accepted: 06.03.2025.

For citation: Telepen SV. The governor and other representatives of Roman authority in the province: between collaboration and conflict. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):306–316. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-306-316>

Введение

Отношения между римским наместником¹ и другими представителями центральной власти в провинции носили довольно противоречивый характер. С одной стороны, здесь далеко не всегда можно обнаружить признаки некой «вертикали власти», когда назначенцы Рима могли бы рассматриваться и как исполнители поручений наместника, зависимые от него, подотчетные ему. В то же время в ряде случаев наместник на более или менее постоянной основе мог делегировать свои полномочия прочим должностным лицам, назначавшимся на свои посты отнюдь не им, но сенатом или императором. Очевидно, что неформальный аспект отношений между наместником и другими представителями римской власти в провинции, делавший возможным такие случаи делегирования, играл огромную роль. Рассмотрим те примеры данных отношений, которые даже при их вероятной исключительности (а во многом и благодаря ей) позволяют лучше понять суть обыкновения в том, что касается отношений между наместником и другими представителями римской власти в провинции.

Наместник и квестор

В период ранней Империи наместник сенатской провинции, т.е. проконсул, в отличие от наместника императорской провинции, легата Августа, должен был взаимодействовать с квестором, ответственным в провинции главным образом за государственные финансы и назначавшимся сенатом на основании жеребьевки. В какой мере наместник влиял на его назначение, сказать трудно. Однако источники представляют отношения между этими двумя должностными категориями как очень близкие, даже почти семейные [1. P. 56–57; 2. S. 174; 3. S. 56–57]. Традиция таких отношений сложилась еще во времена Республики. Так, Цицерон неоднократно упоминал *necessitudo* — обоюдный моральный долг, объединяющий квестора и проконсула. В письме к своему бывшему квестору в Киликии Луцию Месцинию Руфу автор указывает на *necessitudo*, которая, согласно обычаю, должна была лежать в основе их взаимоотношений (Cic. Fam. V. 20. 1). В другом письме, где Цицерон просит своего нового квестора, Гая Целия Кальда, назвать дату и место своего прибытия, поднимается та же тема, причем она сопрягается с идеей судьбы, связывающей двух должностных лиц (Cic. Fam. II. 19. 1; Fam. II. 19). Плиний Младший также упоминает о тесных отношениях, которые должны были сложиться между консулом и квестором, когда он попросил Миниция Фундана принять Азиния Басса не просто в качестве

¹ Здесь подразумеваются как проконсулы, управлявшие сенатскими провинциями, так и легаты Августа, выполнявшие функции наместников в императорских провинциях.

назначенного сенатом квестора, но по-отечески (Plin. Ep. IV. 15. 9). В другом своем письме Плиний просит Траяна за Тита Приферния Пета Розиана Гемина, который был квестором в консульство Плиния в 100 г. При этом автор уверяет адресата, что к *necessitudo*, возникшей во время осуществления их магистратур, добавилась личная дружба (Plin. Ep. X. 26). Указание на моральный долг может объясняться тем, что наместник не имел достаточного влияния на назначение квестора и поэтому был менее уверен в его лояльности, чем, например, в лояльности легатов, которых он сам выбрал. Об этом можно судить исходя из содержания первого письма Цицерона брату Квинту (Cic. Q. fr. I. 1. 10).

Приведенные обстоятельства объясняют, почему Цицерон высмеял попытку друзей Верреса выдвинуть в качестве главного обвинителя Квинта Цецилия Нигра. Действительно, последний был квестором Верреса на Сицилии. Оратор напомнил слушателям, насколько тесны связи между наместником провинции и его квестором (Cic. In Caes. 61), подчеркивая, что Цецилий не может обвинять Верреса, не нарушив сыновней почтительности (*ibid.* 62). Затем Цицерон заметил собравшимся, что практически не было случаев, когда бывший квестор выступал с обвинением без вызова, и перечислил список тех, кому из них не было разрешено поддержать обвинение против их бывшего наместника (*loc. cit.*). Возвращаясь к этому вопросу далее, Цицерон рассуждает о том, что квестор и наместник связаны судьбой и обычаям предков, судом богов и людей (Cic. In Caes. 65). Действительно, назначение квестора зависело от жребия, который считался выражением воли богов. По данной причине связь между этими двумя знатыми представителями Рима должна была сохраняться и после истечения срока их официальных полномочий.

И все же, несмотря на все указанные принципы и обычаи, отношения между наместником и квестором порой были непростыми. Цицерон не ладил с первым из назначенных ему квесторов, т.е. с Луцием Месцинием Руфом, и за глаза писал о нем: «ненадежен, развратен, стяжатель» (Cic. Att. VI. 3. 1: *levis, libidinosus, tagax*). Другой пример: у Гая Азиния Поллиона случился конфликт с Луцием Корнелием Бальбом Младшим, квестором Азиния в Испании. В письме Цицерону от 8 июня 43 г. до н.э. Азиний Поллион жаловался на злоупотребления, допущенные Бальбом, который бессудно подвергал провинциалов телесным наказаниям, а некоторых римских граждан незаконно отправил на казнь (Cic. Fam. X. 32. 1–3). Даже Веррес, сам в итоге оказавшийся обвиненным в злоупотреблениях, в свое время принял меры для устранения злоупотреблений, допущенных его квестором Квинтом Цецилием Нигром, в частности вымогавшим большие суммы у Агафонида, богатой вольноотпущенницы из Лилибея (Cic. In Caes. 55–57).

Напротив, дурной пример иногда исходил от старшего по званию. Именно поэтому Тацит хвалил своего тестя Агриколу за то, что тот не позволил себя

втянуть в финансовые авантюры проконсулу Луцию Салувию Отону Тициану, когда Агрикола был при нем квестором в Азии. Проконсул, движимый жадностью, был готов купить молчание Агриколы и взамен закрыть глаза на возможные проступки своего квестора (Тас. Agr. 6. 2).

Безусловно, отношения между проконсулом и квестором не всегда были идиллическими. Хуже того, некоторые квесторы, не колеблясь, выдвигали обвинения против своего бывшего старшего товарища. Античные авторы особенно настаивали на этих немногих примерах, поскольку такие случаи имели негативный резонанс в обществе. Тацит сообщает о том, как в 15 г. Марк Граний Марцелл (PIR² G 211)², проконсул Вифинии, был обвинен своим квестором Авлом Цепионом Криспином (PIR² C 149) [4. Р. 206–207]. Последний заявил о том, что Марцелл приказал установить свои изображения выше изображений императора и снял голову Августа со статуи, чтобы заменить ее тибериевой (Тас. Ann. I. 74. 1). Еще пример: в 22 г. Геллий Публикола и Марк Паконий, первый из которых был квестором Гая Силана, а второй — его легатом (PIR² P 26; G 133), присоединились к обвинителям, преследовавшим Силана за вымогательства, совершенные во время его проконсульства в Азии в 20/21 г. (Тас. Ann. III. 66. 2).

Проконсул и его легаты

Логично, что отношения между наместником и его легатами были более тесными, чем между ним и квестором, поскольку наместник сам выбирал себе легатов, часто из числа своих родственников [5. Р. 24–31]. Такие назначения по определению должны были уважать *dignitas* своего начальника, как о том пишет Цицерон в своем письме Квинту (Cic. Q. fr. I. 1. 10). В конце 51 или начале 50 г. до н. э. Цицерон написал письмо Квинту Минуцию Терму, пропретору в Азии, в котором положительно охарактеризовал своего легата Марка Аннея, восхваляя его *virtus*, *prudencia* и *fides*, но особенно благожелательность Марка Аннея (*benevolentia*) по отношению к своему патрону (Cic. Fam. XIII. 55. 1). В другом письме тому же адресату, отправленном несколько месяцев спустя, в апреле 50 г. до н. э., Цицерон настаивал на возвращении ему Марка Аннея, качества которого он снова хвалит, в частности высоко оценивая знание им *res militaris* (Cic. Fam. XIII. 57. 1).

Тесное сотрудничество проконсула и легата было обусловлено римской традицией, согласно которой глава провинциального управления все важнейшие вопросы решал совместно со своим окружением. В частности, это относится к осуществлению юрисдикции [6. С. 29]. Так, чтобы облегчить нагрузку на наместнический суд, была предусмотрена возможность делегирования соответствующих полномочий. Наместник мог осуществить

² PIR² — Prosopographia Imperii Romani (2nd ed.).

часть своей юрисдикции, обратившись к своим легатам. Это решение зависело исключительно от него, как это следует из трудов ученых правоведов Ульпиана и Помпония (Dig. I. 16. 4. 6, 16. 13). По мнению Помпония, легат не имел собственной юрисдикции, так что он мог осуществлять судебную власть проконсула только в пределах полномочий, которые последний ему предоставил (Dig. I. 21. 1). Более того, право выносить смертный приговор оставалось исключительной прерогативой наместника, а в особых случаях и императора (Dig. I. 16. 11). С другой стороны, юридические тексты признают право легата налагать штрафы (*multae*) (Dig. XLIX. 3. 2), что подразумевает его компетенцию выносить решение в случаях, которые могли повлечь за собой выплату финансовой компенсации. Лишь часть дел такого рода, когда взыскиваемая сумма была ниже определенного предела, оставалась в ведении местных судов, о чем наглядно свидетельствует, например, *Lex Irnitana* [5. Р. 183–186]. В других случаях, особенно если речь шла об обвинении в краже или мошенничестве, разбирательство осуществлял легат. В случае признания себя виновным обвиняемый, как правило, должен был выплатить компенсацию, эквивалентную двойной или четырехкратной сумме, полученной в результате мошенничества, или стоимости украденного предмета. Ульпиан и Лициний Руф уточняют, что легат проконсула также имел право назначать опекуна (Dig. XXVI. 5. 11). С другой стороны, у него не было возможности осуществлять, как указывает Маркиан, ни освобождение рабов (*manumissio*), ни усыновление (*adoptio*), ни все остальные действия, которые подпадали под *iurisdictio voluntaria*, зарезервированную за наместником (Dig. I. 16. 2. 1). Правда, рассуждения Павла противоречат утверждениям Маркиана и Ульпиана, поскольку, по мнению этого юриста, легат вполне мог быть уполномочен утвердить освобождение раба (Dig. XL. 2. 17). Считалось нормой, что, если к легату поступало дело, не входящий в его компетенцию, он должен был передать его наместнику (Dig. I. 16. 11).

Конкретные случаи также дают нам представление о компетенции легатов в вопросах юрисдикции. Так, ритору Элию Аристиду дважды пришлось иметь дело с легатом проконсула Азии. Будучи прославленным оратором и автором образцовых в плане риторики сочинений, Аристид пользовался иммунитетом, который по закону освобождал его от муниципальных обязанностей, но его кандидатура несколько раз выдвигалась Смирной, и каждый раз ему приходилось бороться за подтверждение своего освобождения от принятия на себя обременительных обязанностей местного должностного лица. Например, Аристид обжаловал свое назначение сборщиком налогов (*ἐκλογεὺς*) перед судом легата проконсула Тита Витразия Поллиона в 151/152 г. (Ael. Arist. Or.L. 96 K). Ритор также упоминает о своей жалобе по поводу его назначения на пост иренарха в 152/153 г. Для этого Аристид обратился к легату проконсула Гая Юлия Севера. Аристид описывает этого легата как «ответственного за диойкезис вокруг Смирны» (Ael. Arist. Or.L. 85

К), но слово *διοίκησις* чаще всего встречается в греческом языке для обозначения *conventus* в географическом смысле [7. Р. 44–46].

Представляется, что стандарты компетенций, установленные юристами для легатов, иногда можно толковать с определенной гибкостью. Так, Ульпиан уточняет, что некоторые проконсулы разрешали своим легатам проводить предварительные слушания и даже освобождать задержанных, которые казались им невиновными в инкриминированных им деяниях, но он подчеркивает, что это был чрезвычайный мандат, который, следовательно, не входил в обычную компетенцию легатов (Dig. I. 16. 6).

В условиях столь очевидно плотного взаимодействия между наместником и его легатами случаи конфликтов между ними должны были быть еще более редкими, чем те относительно немногие случаи, когда с обвинением против наместника выступал его квестор. Хотя, разумеется, ни один проконсул не был полностью гарантирован от подобной неприятности, как показывает вышеупомянутый случай Гая Силана, обвиненного и его квестором, и его легатом. Подобное же имело место с Титом Статилием Тавром, проконсулом Африки, обвиненным в 53 г. его легатом Тарквицием Приском (Тас. Ann. XII. 59. 1). Дело касалось уклонения от ответственности, что подразумевало обвинение в злоупотреблении властью. Тацит связывает этот случай с желанием Агриппины захватить сады в Риме, принадлежавшие Статилию Тавру. Таким образом, доносчик, по-видимому, был орудием Агриппины. Однако он в итоге поплатился. Тацит говорит, что Тарквиций Приск навлек на себя ненависть всего сената, причем автор связывает резко негативное отношение сенаторов именно с недостойным поступком бывшего легата, обвинившего проконсула, под началом которого он служил и которому был лично обязан. По прошествии нескольких лет, в 61 г., сенаторы, по свидетельству Тацита, радовались осуждению за вымогательство Тарквиция Приска, обвиняемого вифинцами, потому что, как указывает историк, сенаторы помнили обвинение, выдвинутое Тарквицием против Статилия (Тас. Ann. XIV. 46. 1). Память сената об оскорблении оказалась долгой.

Интересный случай представляет собой письмо Плиния Младшего Калестрию Тируну, представляющее собой размышления, навеянные событием, которое незадолго до того имело место и произвело на автора гнетущее впечатление. Наместник Люстриций Бруттиан (PIR² L 446) обнаружил, что один из его *comites*, Монтаний Аттицин, допустил многочисленные злоупотребления. Люстриций сообщил об этом императору. Тогда Аттицин перешел в контрнаступление, выдвинув обвинение против наместника (Plin. Ep. VI. 22. 2). И снова дело приобрело особый резонанс из-за *necessitas*, существовавшей между наместником и его легатом, поскольку первый прежде доверял своему *comes* настолько, что даже завещание Люстриция было написано рукой Аттицина (Plin. Ep. VI. 22. 3). Как сообщает Плиний, когда дело было передано в *consilium principis*, установили, что вина лежит на Монтании

Аттицине, который в итоге был сослан на остров. И снова, по мнению Плиния, добродетель была вознаграждена, а вероломство наказано. Плиний видит урок во всей этой истории и рекомендует своему корреспонденту, только что получившему от сената провинцию, быть осторожнее со своими подчиненными (Plin. Ep. VI. 22. 1). Еще один случай произошел с Валерием Ларгом, который обвинил Гая Корнелия Галла, префекта Египта, в 26 или 27 г. до н.э. [8. Р. 309–310]. Правда, источники здесь немногословны. Дион Кассий утверждает, что Галла обвиняли в неуважительных высказываниях об Августе, в установке собственных изображений по всему Египту и в том, что он выгравировал на пирамидах список своих подвигов, но тем не менее Дион не вдается в подробности об официальных обязанностях обвинителя и пишет только, что Валерий Ларг был «другом и товарищем» (ἑταῖρος καὶ συμβιωτής) Галла (Dio Cass. LIII. 23. 6), что хотя и не позволяет нам точно установить официальные функции Ларга по отношению к Галлу, но зато дает возможность понять, как на рубеже эпох могли строиться отношения между теми, кого обычай связывал взаимными обязательствами указанного рода. Что касается Светония, то он сообщает об этом деле, не упоминая обвинителя (Suet. Aug. 66. 2). Поэтому можно сказать лишь, что Валерий Ларг был близким другом Галла. Ларг был первым, кто выступил против префекта, после чего на того обрушились и другие. В конце концов Галл покончил жизнь самоубийством (Dio Cass. LIII. 23. 7).

Наместник и прокуратор

Отношения между наместником и прокуратором иногда рассматриваются как конфликтные или во всяком случае конкурентные. Если усиление роли всадников в делах государства в период принципата рассматривать как общеизвестную тенденцию, то естественно ожидать, что именно прокуратор должен был играть роль того «противника», который стал бы внимательно следить в провинции за всеми делами наместника [9. С. 74]. Эти категории принадлежали к разным *ordines* и не были назначаемы в одно и то же время или хотя бы на один и тот же срок, поэтому их общие связи и интересы были априори слабее тех, которые могли существовать между проконсулом и его квестором.

Определенные противоречия между наместником и прокуратором нашли отражение у Тацита в рассказе о конфликте между императорским легатом Гаем Светонием Паулином, занимавшим должность наместника Британии между 58 и 61 гг., и прокуратором Гаем Юлием Классичианом [10. Р. 43–50, 303–304]. Последний отправил императору в Рим письмо, порочащее Паулина, на которого автор послания постарался возложить всю ответственность за неудачи римлян в подавлении восстания Боудикки (Tac. Ann. XIV. 38. 3). В данном случае инициатива, по-видимому, исходила от прокуратора,

который доложил в Рим об обстоятельствах дела без каких-либо конкретных указаний на сей счет со стороны принцепса [11. Р. 157–159]. Классициан умер еще до истечения срока своих полномочий и был похоронен в Лондини, где во время раскопок, проводившихся в 1852 и 1935 гг., был обнаружен внушительный погребальный памятник, похожий на алтарь, высота которого, должно быть, изначально составляла около 5 м (RIB 12)³. Надпись на передней части алтаря свидетельствовала о том, что он женился на дочери Юлия Инда, который был родом из Трирского региона и встал на сторону Рима во время восстания Флора в 21 г. (Тас. Ann. III. 42). Т.е. Юлий Классициан, возможно, происходил из того же региона Галлии и принадлежал к новой провинциальной аристократии, которая в то время играла все большую роль в управлении империей, конкурируя тем самым со старой аристократией.

Не исключено, что подобные противоречия во многом объясняют поведение Гнея Юлия Агриколы, когда тот был наместником в Аквитании. Действительно, Тацит сообщает, что его тесть, понимая опасность, старался избегать любых конфликтов с прокураторами (Тас. Agr. 9. 6). Агрикола был непосредственным свидетелем столкновения Паулина и Классициана, поскольку находился в Британии в 60 г., во время восстания Боудикки, и служил под началом Паулина (Тас. Agr. 5. 1). Объяснение Тацитом поведения Агриколы не лишено интереса: победа в такой борьбе не принесла бы ему славы, а поражение было бы унижительным. Это подразумевало неполноценность прокураторов в качестве конкурентов наместников, отношения с которыми для назначенцев из числа всадников не могли быть равноправными.

Если основываться, в частности, на приведенном эпизоде, то возникает предположение, что императоры создали некую систему в провинциях, находящихся под их непосредственным контролем, когда прокураторы осуществляли надзор за легатами [11. С. 157]. Однако у нас нет достаточных оснований для того, чтобы на основе нескольких случайных эпизодов сделать вывод об осознанном стремлении императоров контролировать наместников сенаторского ранга с помощью своих порученцев из числа всадников [12. С. 281]. Более того, как представляется, конфликт между этими двумя назначенцами мог нанести ущерб нормальному функционированию администрации провинции, что императоры не могли не понимать.

Еще более экстремальный случай представлен Тацитом в другом месте (Тас. Ann. XIII. 1. 1): в 54 г. Марк Юний Силан, проконсул Азии, якобы был отравлен прокуратором⁴ по приказу Агриппины, опасавшейся, что Силан, этот правнук Августа, будет угрожать власти Нерона. Как установил В. Эк, этого прокуратора следует отождествить с Публием Целерием,

³ RIB — The Roman Inscriptions of Britain. Vol. I. Inscriptions on Stone.

⁴ Тацит его указывает в качестве «ведавшего личным имуществом принцепса в провинции Азии» (*rei familiari principis in Asia impositus*).

известным по двум надписям из Эфеса [13. S. 76–77]. В драматических обстоятельствах гражданской войны, последовавшей за смертью Нерона, прокуратор Бебий Масса также сыграл активную роль в устранении проконсула Африки Луция Кальпурния Пизона, возглавив вспомогательный отряд мавританцев, направленный Валерием Фестом, легатом III Августова легиона, для убийства Пизона (Tac. Hist. IV. 50. 1–5; Plin. Ep. III. 7. 12; PIR² C 294). Тацит не останавливается на мотивах, побудивших Бебия Массу привести убийц к проконсулу, но уточняет, что прокуратор был опасен для добрых людей (Tac. Hist. IV. 50. 5). Это, конечно, особые случаи, которые не исчерпывают всей палитры отношений между наместником и прокуратором, хотя эти отношения, как мы видим, иногда могли быть весьма конфликтными.

Как удалось установить А. Беранже, которая провела тщательный анализ папирологического материала из Келесирии II–III в., наместник здесь мог перенаправлять поступавшие к ним прошения по имущественным спорам для их рассмотрения прокуратором. При этом остается открытым вопрос о типе прокуратуры в данном случае — было ли это лицо, ответственное исключительно за имущество и финансы императора или его порученец, назначенный управлять частью территории провинции [5. P. 230–231].

Заключение

При более внимательном рассмотрении становится ясно, что наместнику приходилось иметь дело со многими другими представителями Рима в пределах своей провинции. Разумеется, отношения наместника с провинциальной знатью, которая зачастую была довольно амбициозной, и с городами, которые нередко боролись за титулы и привилегии, были непростыми, поскольку наместник старался, понятное дело, не умножать числа своих врагов, которые могли бы плести против него интриги. И наоборот, влиятельные друзья среди провинциалов могли бы избавить его от многих проблем. Что же касается сотрудников наместника, его порученцев, а также других представителей центральной власти или лично императора, то они могли оказаться опасными либо из-за своей недобросовестности, за которую наместнику приходилось отвечать, либо потому, что пытались вести свою игру, конкурируя с наместником. Однако, мягко говоря, неодобрение подобной практики на всех уровнях власти, по-видимому, делало ее из ряда вон выходящей, особенно если учесть, что сенат из чувства групповой солидарности был готов на самые жесткие меры в отношении нарушителя корпоративной этики.

Можно заключить, что источники не позволяют нам представить себе подлинные масштабы всех этих противоречий в положении наместника. Случаев преследования проконсулов и тем более легатов императора нам известно не очень много, всего около тридцати в период правления от Августа до Траяна. Однако представляется очевидным, что взаимодействие

наместника с другими представителями римской власти было тем результативней, чем полнее — в соответствии с римскими традициями — формальные отношения дополнялись неформальными связями.

Список литературы / References

1. Thompson LA. The relationship between provincial quaestors and their commanders in Chief. *Historia*. 1962;(11):339–355.
2. Schulz R. *Herrschaft und Regierung. Roms Regiment in den Provinzen in der Zeit der Republik*. Paderborn: Schöningh; 1997.
3. Eich P. *Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit. Die Entstehung einer "personalen Bürokratie" im langen dritten Jahrhundert*. Berlin: Akademie Verlag; 2005.
4. Rutledge SH. *Imperial Inquisitions. Prosecutors and Informants from Tiberius to Domitian*. London-New York: Rutledge; 2001.
5. Bérenger A. *Le métier de gouverneur dans l'empire romain*. Paris: Editions de Boccard; 2014.
6. Smyshlyaev AL. Roman governor in a provincial city. *Journal of Ancient History*. 1997;(3):24–35. (In Russ.). END: SHIGPF
Смышляев А.Л. Civilis Dominatio: Римский наместник в провинциальном городе // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 24–35. END: SHIGPF
7. Fournier J. *Entre tutelle romaine et autonomie civique. L'administration judiciaire dans les provinces hellénophones de l'Empire romain (129 av. J.-C.–235 apr. J.-C.)*. Athènes: École française d'Athènes; 2010.
8. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford: Clarendon Press; 1939.
9. Braund D. The governor's entourage (cohors) and the ideology of Roman imperialism. *Journal of Ancient History*. 1999;(1):73–84. (In Russ.).
10. Браунд Д. Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 73–84.
11. Birley AR. *The Roman Government of Britain*. Oxford: University Press; 2005.
12. Pflaum H.-G. *Les procurateurs équestres sous le Haut-Empire romain*. Paris: Maison neuve; 1950.
13. Rosen K. Iudex und Officium. Kollektivstrafe, Kontrolle und Effizienz in der spätantiken Provinzialverwaltung. *Ancient Society*. 1990;(21):273–292.
14. Eck WP. Celerius, Procurator Asiae, und Tac. Ann. XIII. 1. In Chastagnol A, Demougin S, Lepelley C, eds. *Splendidissima civitas. Etudes d'histoire romaine en hommage à François Jacques*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. P. 67–78.

Информация об авторе:

Телепень Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин, Мозырский государственный педагогический университет им. Н.И. Шамякина, Республика Беларусь, 247760, Мозырь, ул. Студенческая, д. 28, e-mail: telepen_serg@mail.ru ORCID: 0000-0001-5560-8599. SPIN-код: 6953-0339.

Information about the author:

Sergey V. Telepen — PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Humanities disciplines, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, 28 Student St., Mozyr, 247760, Belarus, e-mail: telepen_serg@mail.ru ORCID: 0000-0001-5560-8599. SPIN-code: 6953-0339.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-317-336

EDN: TBISNR

Научная статья / Research article

Историк на службе отечества: к вопросу о роли Публия Геренния Дексиппа в событиях 267/268 г. н.э

А.В. Махлаюк

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, *Нижний Новгород, Российская Федерация*

✉ makhl@imomi.unn.ru

Аннотация. Рассмотрены дебаты о роли афинского историка III в. н.э. Публия Геренния Дексиппа в отражении нашествия герулов в 267/268 г. н.э. Отталкиваясь от обзора известных свидетельств о жизни и творчестве Дексиппа, с учетом недавно открытых новых фрагментов его «Скифской истории», автор критически оценивает мнения скептиков, отрицающих роль Дексиппа как одного из лидеров борьбы против варваров. Основанные по преимуществу на аргументах *ex silentio* или текстологических доводах, эти мнения не могут быть полностью убедительными. Они не учитывают общую направленность исторического труда Дексиппа, пронизанного идеалами греческого патриотизма, который, несомненно, был немаловажным фактором активного включения эллинов и их лидеров в дело обороны от варваров в условиях, когда императорская власть не располагала достаточными силами, чтобы справиться со всеми угрозами. Представляется, что афинский историк, обладавший и управленческим опытом, и авторитетом среди сограждан, вполне мог быть тем лидером, который, подобно другим представителям городской элиты, взял на себе организацию вооруженного сопротивления.

Ключевые слова: афинский историк Дексипп, Скифская история, *Scythica Vindobonensia*, вторжение герулов, Афины, кризис III века, историография

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.01.2025; принята к публикации 20.03.2025.

Для цитирования: Махлаюк А.В. Историк на службе отечества: к вопросу о роли Публия Геренния Дексиппа в событиях 267/268 г. н.э // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 317–336. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-317-336>

© Махлаюк А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Historian in the service of the fatherland: On the role of Publius Herennius Dexippus in the events of 267/268 AD

Alexander V. Makhlaiuk

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*

✉ makhl@imomi.unn.ru

Abstract. The study examines the debates about the role of the 3rd century AD Athenian historian Publius Herennius Dexippus in repelling the Herulian invasion in 267/268 AD. Based on a review of the known evidence about the life and work of Dexippus, and taking into account the recently discovered new fragments of his “Scythian History”, the author critically evaluates the views of skeptics who deny the role of Dexippus as one of the leaders in the struggle against the barbarians. Based primarily on *ex silentio* arguments or textual criticism, these opinions cannot be completely convincing. They do not take into account the general direction of Dexippus’s historiographical work, permeated with the ideals of Greek patriotism, which, undoubtedly, was an important factor in the active involvement of the Hellenes and their leaders in the defense against the barbarians in conditions when the imperial power did not have sufficient forces to cope with all the threats. It seems convincing that the Athenian historian, who possessed both administrative experience and authority among his fellow citizens, could well be the leader to take upon himself the organization of armed resistance, like other members of Greek urban elites.

Keywords: Athenian historian Dexippus, Scythian History, Scythica Vindobonensia, Herulian invasion, Athens, the Third century crisis, historiography

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 15.01.2025. Accepted: 20.03.2025.

For citation: Makhlaiuk AV. Historian in the service of the fatherland: On the role of Publius Herennius Dexippus in the events of 267/268 AD. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):317–336. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-317-336>

Введение

В 250–260-е гг. н.э., на пике кризиса, охватившего Римскую империю, вторжения варварских племен, прежде всего готов, обрушились и на Балканскую Грецию, которая до этого на протяжении очень долгого времени не знала столь разрушительных военных потрясений. В ряду этих мощных атак было и вторжение в 267/268 г. одного из готских племен, герулов, которые, выйдя из Днестровского лимана на 500 кораблях, прорвались через Геллеспонт, напали на греческие города и опустошили Византий, Лемнос, Скирос, Спарту, Коринф, Аргос, а также захватили Афины, где они, вероятно, сожгли Парфенон и Эрехтейон [1]¹. Однако в этой драматической ситуации афиняне нашли в себе силы и мужество противостоять врагу и, организовав ополчение, смогли с помощью подошедшего императорского флота одолеть варваров и освободить родной город.

¹ Подробно о нашествии герулов см.: [2–6].

Более того, уже в скором времени после освобождения от готской угрозы в Афинах, несмотря на серьезные экономические потери, гибель и разорение части городской знати, возобновилась активная культурная жизнь и ученая деятельность [7–9]. Примечательно, что всего лишь год спустя после отражения герулов, т.е. в 269/70 г., с одобрения Совета Ареопага, Совета Семисот Пятидесяти и народа афинян в Афинах ритору и историку Публию Гереннию Дексиппу его сыновьями² была поставлена мраморная статуя с почитательной стихотворной надписью, в которой он восхваляется за свои достижения в области историописания (*IG II² 3669 = IG II² 13262 = FGrHist. 100 T 4*)³. Текст этой известной надписи гласит:

- 1 κατὰ τὸ ἐπερώτημα τῆς ἐξ Ἀρίου πάγου βουλῆς καὶ
τῆς βουλῆς τῶν ψν' καὶ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων τὸν
ἄρξαντα τὴν τοῦ βασιλέως ἐν θεσμοθέταις ἀρχὴν καὶ
ἄρξαντα τὴν ἐπώνυμον ἀρχὴν καὶ πανηγυριαρχήσαντα
- 5 καὶ ἀγωνοθετήσαντα τῶν μεγάλων Παναθηναίων οἴκο-
θεν ἱερέα παναγῆ · Πό(πλιον) · Ἑρέν(νιον) · Δέξιππον Πτολεμαίου
Ἑρμειὸν τὸν ῥήτορα καὶ συγγραφέα ἀρετῆς ἕνεκα οἱ παῖδ [ες].vacat
- 8 ἀλκῇ καὶ μύθοισι καὶ ἐν βουλαῖσι κρατίστους
ἄνδρας ἀγακλείτους γείνατο Κεκροπίη,
- 10 ὧν ἓνα καὶ Δέξιππον, ὃς ἱστορίην ἐσαθρήσας
αἰῶνος δολιχὴν ἀτρεκέως ἔφρασεν·
καὶ τὰ μὲν αὐτὸς ἐσεῖδε, τὰ δ' ἐκ βύβλων ἀναλέξας
εὗρατο παντοίην ἱστορίης ἀτραπὸν.
ἧ μέγα κλεινὸς ἀνὴρ, ὃς νοῦ ἅπο μυρίον ὄμμα
- 15 ἐκτείνας χρονίους πρήξιας ἐξέμαθεν.
φήμη μὲν περίβωτος ἀν' Ἑλλάδα, τὴν ὁ νεανθῆς
αἴνος Δεξιππῷ δῶκεν ἐφ' ἱστορίῃ.
τοῦνεκα δὲ καὶ παῖδες ἀγάκλειτον γενετῆρα
μορφάεντα λίθου θῆκαν ἀμειβόμενοι.

С одобрения Совета Ареопага и
Совета Семисот Пятидесяти⁴ и народа афинян,
исполнявшего должность басилевса в числе фесмофетов, и
должность архонта-эпонима, и должность панегиара,
и должность агонифета на Великих Панафинейх за свой собственный
счет⁵, пользующегося священной неприкосновенностью жреца,

² Известны два сына Дексиппа: Геренний Птолемей и Геренний Дексипп (*IG II² 2245, 3670*).

³ См. о ней: [10–12]. Русский перевод текста, выполненный С.Ю. Дестунисом [13. С. 13–14], недостаточно удовлетворителен. В нашем переводе мы отдаем предпочтение буквальной точности и вторую стихотворную часть текста переводим прозой.

⁴ Совет 750 твердо засвидетельствован только данной надписью. Увеличение численности Совета указывает на переход от ежегодно переизбираемого органа к постоянному членству и, по всей видимости, связано с необходимостью распространить бремя этой должности на более широкий круг лиц в условиях финансовых трудностей [14. С. 21].

⁵ Ср. надпись *IG II² 3198*, где сообщается, что Дексипп обеспечил ремонт оснастки Священного корабля, на котором во время Панафинейской процессии везли пеплос богини Афины.

Поп(лия) Герен(ния) Дексиппа, сына Птолемея,
из дема Герма, ратора и писателя, дети [почтили этим памятником] за его
доблесть.

Выдающихся отвагой, словом и в советах⁶
Мужей достославных произвела на свет Кекропова земля,
Одним из коих является и Дексипп, который обозрел долгую историю
Веков и достоверно ее изложил.
Одно видел он сам, а другое почерпнул из книг,
Создавши всеобъемлющий исторический труд.
О славный муж, который, далеко простерши свой умственный взор,
Изучил события давних времен!
Широко известна в Элладе слава, которую недавно
Дексиппу принесли лестные отзывы о [его] истории.
Поэтому сыновья, воздавая должное прославленному родителю,
поставили это мраморное его изображение.

Эта надпись некоторых отношениях уникальна, хотя почетные декреты греческих городов, воздающие честь авторам за их исторические труды, засвидетельствованы в эпиграфике эллинистического и римского времени⁷. Во-первых, это, наверное, единственная греческая надпись, в которой слово «история» употреблено три раза. Во-вторых, в ней прославляются историческое сочинение, посвященное не локальной, но всеобщей истории, важной для всех греков, и вклад автора в историческое

⁶ С этой строки начинается стихотворный текст.

⁷ Подборку других подобных случаев см. в [10. С. 287–389]. В их числе можно, например, назвать известный декрет в честь Сирииска, местного историка из Херсонеса Таврического (III в. до н.э.), принятый по инициативе отца историка (*FGrHist.* 807 T 1 = *IOSPE I*², 344). В нем говорится, что Сирииска, сына Гераклида, следует наградить золотым венцом за то, что он усердно описал чудеса Девы и прочитал о них вслух, а также изложил события, относящиеся к царям Боспора, и в приятной и угодной народу форме рассказал об их благодеяниях по отношению к городам. Об этом документе см. [10]. Подобным же образом во II в. до н.э. самосец Леон, сын Аристона, был удостоен почестей на Самосе за прославление родного города в своей истории. Как указывается в почетной надписи, Леон воздал хвалу Гере и рассказал о том, как самосцы украсили ее святилище добычей, захваченной в морских походах (*IG XII* 6, 285 = *FGrHist.* 540 T 1). В середине II в. до н.э. граждане Дельфов почтили Аристотея из Тройзена, сына Никотея, автора исторических сочинений (ιστοριογράφος), который «представил свои труды в ходе многодневных чтений и, кроме того, произнес хвалебные речи в честь римлян, общих благодетелей греков» (*F.Delphes* III. 3, 124 = *FGrHist.* 835 T 1). В Эпидавре статуей был почтен историк Филипп, сын Аристида из Пергама, который был автором труда о гражданских войнах в Римской державе (στάσιες ἐμφύλιοι) и, вероятнее всего, работал в конце I в. до н.э. (*IG IV*² 1, 687). Во II в. н.э. на базе статуи из Лабранды была сделана надпись в честь грамматика Тиберия Клавдия Антерота, сообщающая, что Ареопат, Совет Пятисот и афинский народ удостоили его почестей за многолетнюю преподавательскую и ученую деятельность, а также за то, что в своих трудах он привлёк внимание греков к славным достижениям отечества: ὅτι τὰ τῆς πατρίδος κατὰ εἰς μ[έ]σους τοὺς Ἑλλανα[ς] προήγαγεν διὰ τῶν ἐπιχωρίων ἱστορίῳ[v] [ἐ]νδοξότερα εἰσφέρειν (I.Labraunda 66; [10. С. 317–318]).

просвещение как его соотечественников, так и всех греков [10. С. 326]. В-третьих, эта сторона деятельности адресата надписи, по сути дела, обозначается понятием «доблесть/добродетель» (ἀρετῆς ἔνεκα⁸). В-четвертых, памятник был поставлен в то время, когда город явно не успел еще восстановиться после разрушительного вторжения варваров, но афиняне тем не менее посчитали необходимым почтить своего согражданина именно за его интеллектуальную деятельность, поставив его в один ряд с теми «достолавными мужами, выдающимися отвагой, словом и в советах», которых было немало в прошлом Афин.

Приведенной надписью не исчерпывается известная информация об афинском историке, однако она не дает и никаких сведений о роли Дексиппа в событиях конца 260-х гг., вокруг которой в современной науке продолжают споры. В данной статье, привлекая все имеющиеся свидетельства, включая и новооткрытые фрагменты одного из исторических трудов Дексиппа, мы рассмотрим эти дебаты, чтобы, взвесив высказанные в историографии точки зрения, ответить на ключевой вопрос: как в его жизни сочетались литературные занятия и деятельность на благо отечества.

Семья, карьера и исторические труды Дексиппа

Представитель знатного афинского семейства, которое возводило свои корни к древнейшему знатному роду Кериков, со времен Траяна имело римское гражданство и играло важную роль в политической и интеллектуальной жизни Афин II–III вв.⁹, Дексипп, так же как и его предки, достойно служил родному городу; его заслуги на различных городских должностях отмечены и в более ранних надписях: *IG* II² 3670 (от имени его сыновей), *IG* II² 3671 и *SEG* XXXIII 187 (благодарность от неизвестной женщины за его благотворительные дела). Возможно, он принадлежал к сенаторскому сословию (хотя о его пребывании в Риме ничего

⁸ Это выражение используется и в других почетных надписях для указания на литературные заслуги поэтов, ораторов и историков. См. соответствующие примеры в работе А. Ханиотиса [10. С. 153, 157, 159, 323, 429].

⁹ Достаточно упомянуть, что прадед историка Аполлоний, сын Эвдема (род. ок. 105/110 г. н.э.), был софистом (*IG* II² 3665), дед, тоже Публий Геренний, занимал должность глашатая при жертвоприношениях — ἱεροκῆρυξ (*IG* II² 1788, 1792, 1798, 3665, 3666), а отец, Публий Геренний Птолемей, также известный как софист, был глашатаем Совета Ареопага (в то время одна из двух главных гражданских должностей в Афинах), полемархом и агонифетом, глашатаем при жертвоприношениях (*IG* II², 3666–3668; *Syll.*³ 877 D). Известен и прапрадед Дексиппа по имени Эвдем, родившийся ок. 75/80 г. н.э. (*IG* II² 3665). Римское гражданство, вероятно, получил дед Дексиппа в правление Траяна. О происхождении, семейных связях и карьере Дексиппа см.: [16. С. 133–172; 14. С. 19–21; 12. С. 210–224, 420–429; 17. С. 25–41; 18. С. 108–113].

не известно)¹⁰. Но, главное, он был видным историком своего времени¹¹, чьи сочинения получили высокую оценку не только современников, но и авторов позднеримского и византийского времени¹².

В приведенной надписи речь идет об «Исторической хронике» («Χρονική Ἱστορία», или иначе «Χρονικά», «Σύντομος Ἱστορικός», т.е. «Хроники», «Краткая история») в двенадцати книгах. Это было сочинение в летописном жанре, с точными синхронизированными датировками по Олимпиадам, афинским архонтам и римским консулам, которое охватывало историю от мифических времен и древнейших начал разных народов до правления императора Клавдия Готского¹³ (268–270 гг.) (Eunap. *Excerpta de sententiis*, p. 263 sq. = *FGrHist.* 100 F 1 = Martin, F 10; Euagr. *Hist. Eccl.* V. 24 = *FGrHist.* 100 T 6), т.е. до современных автору событий¹⁴. Дексипп также написал другие исторические труды: «История событий после Александра» («Τὰ μετὰ

¹⁰ Точные даты рождения и смерти Дексиппа неизвестны. Большинство исследователей сходится в мнении, что он жил ок. 200–275 или 205–280 гг., т.е. застал правление императора Проба (276–282 гг.). См.: [14. С. 20–22; 17. С. 30–31; 19. Sp. 288–293; PIR² H 104]. Б. Пюш [12. С. 213] обоснованно возражает Ф. Миллару, полагавшему, что термин *κράτιστος* («выдающийся, превосходный») в надписи IG II², 3670 указывает на всаднический ранг Дексиппа, и отмечает, что он соответствует титулу *vir egregius* («высокородный муж»), который в III в. мог обозначать лицо сенаторского ранга.

¹¹ О Дексиппе как историке см., в частности: [14. С. 21–26; 20. С. 73–90; 21. С. 169–182; 17. С. 168–256; 18. С. 107–132; 22. С. 121–152].

¹² Эвнапий Сардиец в «Жизнеописаниях софистов» (*Vit. Sophist.* 457 Boissonade = *FGrHist.* 100 T 2) называет его «ἀνὴρ ἀπάσης παιδείας τε καὶ δυνάμεως λογικῆς ἀνάπλεως» («муж, всесторонне образованный и наделенный силой слова»). В другом своем сочинении «Продолжение Дексипповой истории» («Ἡ μετὰ Δέξιππον Ἱστορία») Эвнапий отмечает, что Дексипп пишет свою историю на основе множества разнообразных источников, создавая емкий и целостный рассказ, «который похож на лавку благовоний, предлагающую набор полезных товаров». Впрочем, он указывает, что сам Дексипп винил себя в том, что, излагая историю в хронологической последовательности, не мог избежать ошибок и противоречий, а о некоторых годах не имел возможности ничего сообщить читателям. Для Эвнапия, придерживающегося совершенно другого подхода, подробные хронологические выкладки представляются совершенно излишними. «В чем польза от хронологии для мудрости Сократа или хитроумия Фемистокла? — риторически спрашивает он. — Проявили ли они свою доблесть летом, или зимой? ... Какая польза для цели истории знать, что греки победили в Саламинском морском сражении при восходе созвездия Пса?» (Eunap. *Excerpta de sententiis*, p. 263 = *FGrHist.* 100 F 1 = Martin, F 10, 3, 6). По словам патриарха Фотия (*Bibl.* 82 = *FGrHist.* 100 T 5 = Martin, F 18), сочинения Дексиппа отличаются безыскусственностью выражений, весомостью и достоинством: «можно сказать, это другой Фукидид, но ясно выражающийся» (ἔστι δὲ τὴν φράσιν ἀπέριττος τε καὶ ὀκῶι καὶ ἀξιωματὶ χαίρων καὶ, ὡς ἂν τις εἴποι, ἄλλος μετὰ σαφηνείας Θουκυδίδης). Как на авторитетный источник на Дексиппа часто (17 раз) ссылается автор «Истории августов» [23. С. 229–233; 24. С. 165].

¹³ Согласно «Хронике» Евсевия, (Euseb. *Chron.*, p. 222 Scaliger = *FGrHist.* 100 F 2 = Martin, F 20), Дексипп довел изложение до 262-й олимпиады (269/270 г.).

¹⁴ Возможно, речь об этих событиях идет уже в X книге (*FGrHist.* 100 F 4 = Martin, F 16). Ср. [14. С. 23]. Об этом труде см.: [25. С. 23–35; 26. С. 596–597; 27. С. 147–177].

Ἀλέξανδρον») в четырех книгах, в которых, судя по всему, изложение доводилось до 321/320 г. до н.э., и «О войне со скифами», или «Скифская история» («Σκυθικά»). Эта последняя, состоявшая не менее, чем из трех книг, была посвящена борьбе с вторжением готов, которых автор анахронистически называет скифами. «Σκυθικά», вероятно, начиналась с рассказа о происхождении и миграции вандалов (ср. Iord. *Get.* 113 = *FGrHist.* 100 F 30 = Martin, F 29) и охватывала период с 238 г. до правления императора Аврелиана (270–275 гг.), пересекаясь с содержанием последних книг «Хроники» (ср. *FGrHist.* 100 F 5 a–b = Martin, F 18 a–b). В десяти ее сохранившихся фрагментах представлены вставные речи действующих лиц: императора Аврелиана и послов германского племени ютунгов (*FGrHist.* 100 F 6 = Martin, F 28), а также не названного по имени предводителя афинян с призывом к согражданам взяться за оружие и изгнать варваром, захвативших Афины (*FGrHist.* 100 F 28 = Martin, F 25). Кроме того, отрывок с рассказом об осаде Филиппополя в 250/251 г. (*FGrHist.* 100 F 26 = Martin, F 23) включает довольно пространное письмо, адресованное императором Децием жителям этого города. Другие более или менее крупные фрагменты содержат описания осад других греческих городов варварами: Маркианополя в 248 г. (*FGrHist.* 100 F 25 = Martin, F 22) и Сиды в Ликии в неизвестном году (*FGrHist.* 100 F 29 = Martin, F 27).

Новые фрагменты «Скифской истории»

Сохранившийся текст «Скифской истории» не так давно существенно пополнился благодаря замечательному открытию новых отрывков на палимпсесте в рукописи середины или второй половины XI в. из Австрийской национальной библиотеки в Вене¹⁵. Восемь страниц этого палимпсеста (*Codex Vindobonensis historicus gr.* 73, fol. 192r–195v), идентифицированные Яной Грусковой и Гюнтером Мартином как часть «Σκυθικά» и получившие название *Dexippus Vindobonensis*, или *Scythica Vindobonensia*, очевидно, представляют собой отрывок из полного текста Дексиппа, а не подборку эксцерптов, как ранее известные фрагменты, сохраненные в *Excerpta Constantiniana* или *Parisinus suppl. gr.* Грускова и Мартин первоначально полагали, что в одном из новооткрытом фрагменте (fol. 192v–193r)

¹⁵ Эти фрагменты были обнаружены и предварительно изучены Яной Грусковой в 2007–2008 гг. [28. С. 42–53, 181]. С 2015 г. в Венском университете и Австрийской академии наук осуществляется проект «*Scythica Vindobonensia*» под руководством Фрица Миттхофа и Отто Крестена. По завершении сложного процесса цифрового восстановления и расшифровки венских фрагментов и изучения вновь обнаруженных отрывков предполагается подготовка критического издания (*editio princeps*) с всесторонним комментарием. История этого открытия, первые издания и исследования текста представлены в [29–37]. См. также специальный сайт, посвященный «Венскому Дексиппу», с актуальной библиографией: <https://www.oeaw.ac.at/scythica-vindobonensia/home>

рассказывается о вторжении герулов в 267/268 г. [30–31]. Однако Кристофер Маллан и Кайлан Дэвенпорт убедительно показали, что описанные события следует датировать примерно 262 г. [38]¹⁶.

Вновь обнаруженные фрагменты «Скифики» описывают осаду и взятие Филиппополя готами в 249 или 250 г. (fol. 195r), последствия осады (fol. 194 r–v), «скифские» нападения на дунайские и греческие провинции, а также усилия, предпринятые жителями Фессалоники и другими греками для отражения захватчиков путем строительства укреплений на Фермопильском перевале и спешной организации ополчения под командованием трех лидеров, избранных, предположительно, Панэллинионом. Этими новыми персонажами являются римский наместник Мариан, афинянин Филострат и беготарх Дексипп (fol. 192v–193r) [38. С. 210–214; ср. 46. С. 203–205]. По мнению Маллана и Дэвенпорта, Мариан — это, скорее всего, ранее неизвестный римский наместник провинции Ахайя [38. С. 210–214]¹⁷; Филострат, который назван мужем, «мощным в речах и мыслях» — λόγους καὶ γνώμην κρατίστος, — это либо афинский историк, либо Л. Флавий Филострат, архонт-эпоним 255/6 г. из Стейрии, либо софист, автор вторых «Картин», если эти различные Филостраты на самом деле не являются одним и тем же лицом [38. С. 212–213]¹⁸. Достаточно обоснованным представляется мнение, что Филострат из Стейрии тождествен со стратегом, известным по надписи второй четверти III в. [50. No. 485] и, вероятно, является сыном или внуком известного Филострата Старшего, автора «Жизнеописания Аполлония Тианского» и «Жизнеописаний софистов» [38. С. 213; 39. С. 89]. Но если это был историк, то можно предположить, что его участие в событиях побудило его к написанию современной истории [51. С. 175–185; 39. С. 90–91].

Что касается упомянутого здесь Дексиппа, то, вопреки первоначальному предположению Мартина и Грусковой [30. С. 112–113], он не может быть отождествлен с афинским историком Дексиппом и, по всей видимости, является известным по одной надписи из Херонеи Гн. Курцием Дексиппом (*IG VII 3426 = SEG XXXVI 416*) [38. С. 213; 41; 52; 46. С. 203,

¹⁶ Эта датировка поддержана в диссертации К. Робинсона: [39. С. 74]. Предлагаются и другие датировки описанных событий. Д. Поттер относит этот эпизод к вторжению, упомянутому в Syncel. *Chron.*, p. 318c Mosshammer и связанному по времени с пленением Валериана, т.е. к периоду ок. 253 или 259 г., но не приводит никаких подробных аргументов [40. С. 336, п. 33]. К. Джонс приводит доводы в пользу 254 г. [41]. Многие авторы склоняются к началу 250-х гг. См.: [42. С. 45; 43. С. 106, Anm. 34; 44. С. 189–190; 45. С. 231].

¹⁷ По мнению В. Эка, он был всадником, назначенным императором, чтобы временно заменить обычного сенаторского проконсула [47].

¹⁸ Возможно, это тот Филострат, которого Георгий Синкелл называет Αθηναῖος ἱστοριογράφος и который писал в правление Аврелиана о современной истории, в частности о войне с персидским царем Шапуром I (*FGrHist.* 99 T 1). См. о нем: [48]. Такого отождествления придерживаются, в частности, авторы следующих работ: [30. С. 113; 46. С. 209–210; 49. С. 77, 81–83, 89–91; 5. С. 227].

209; 53. С. 271]. В этой надписи, сделанной до описываемых во фрагменте событий, Курций Дексипп оказывает почет своей матери Флавии Ланейке и называет себя ὁ βοιωτάρχης τὸ γ' καὶ ἀρχιερεὺς διὰ βίου τῶν Σεβαστῶν καὶ τῆς λαμπροτάτης Χαίρωνέων πόλεως λογιστής — «беотарх в третий раз, пожизненный верховный жрец императоров, попечитель выдающегося города херонейцев». Как λογιστής (*curator rei publicae*) он не обязательно был херонейцем, поскольку эту должность обычно занимали представители других городов [39. С. 92]. Кроме того, в новооткрытых фрагментах упоминается и афинянин Птолемей, который «был послан императором во главе фессалийцев, расставил посты вдоль границы между македонянами и фессалийцами, которая протекает по теснинам в труднопроходимой местности» (fol. 194r, 5–10). Вполне возможно, что это был отец нашего историка, исполнявший должность *curator rei publicae* (λογιστής) в одном из городов Фессалии, хотя на начало 250-х гг. ему было не меньше 74 лет [39. С. 51–54].

Так или иначе, «Венский Дексипп» является существенным дополнением к тем примерно 16–20 процентам, что сохранились от общего объема его «Скифской истории» [20. С. 82]. Это открытие, безусловно, способствовало взрывному росту интереса к личности и творчеству Дексиппа, интенсивным дискуссиям по проблемам текстологии, просопографии, верификации и степени достоверности фактографической информации, а также особенностям стиля и характера историописания. В свете новых исследований Геренний Дексипп предстает как действительно в высшей степени добросовестный историк, обращающийся к многочисленным источникам и критически их использующий, с особым интересом к событиям современной истории, в которых принимал непосредственное участие, а отнюдь не как «тщеславный ритор испорченного века», как называл его в свое время Б.Г. Нибур, который удивлялся, как такой человек, столь наивно проявляющий себя в своих сочинениях, мог совершить при трудных обстоятельствах великие дела [54. С. XVII].

Информация новооткрытых фрагментов подтверждает ту исключительно важную роль, какую в отражении варварских вторжений играли представители городской элиты, являвшиеся не только местными магистратами, но и известными интеллектуалами. Такие примеры, когда инициативу по отражению варварских набегов брали в свои руки представители городской аристократии, известны как из других источников, так и из труда самого Дексиппа. Так, Павсаний сообщает (X.34.5), что когда в 170-е гг. н.э. костобоки напали на фокейский город Элатею, некий Мнесибул, победитель на Олимпийских играх 162 г. н.э., собрал вокруг себя отряд и уничтожил многих варваров, но сам пал в бою. Из «Скифской истории» Дексиппа известно, что во время вторжения карпов в 248 г. оборону осажденного

ими Маркианополя возглавил некий Максим, «человек из небогатого рода, но преданный философии»¹⁹ (*FGrHist.* 100 F 25 = Martin, F 22).

Однако «*Scythica Vindobonensia*», по сути дела, не дает дополнительных сведений о вторжении герулов в Афины, поскольку, как выяснилось, повествует только о событиях, предшествовавших вторжению 267/268 г. Соответственно, по-прежнему остается открытым вопрос, действительно ли сам Дексипп был тем не названным по имени оратором, который, согласно «Скифской истории» (*FGrHist.* 100 F 28 = Martin, F 25), когда Афины были захвачены герулами, собрал укрывшихся в окрестностях Афин сограждан и обратился к ним с речью, воодушевил их на борьбу (в т.ч. и апеллируя к афинскому патриотизму и памяти о славном прошлом Афин) и, выбранный ими предводителем, возглавил двухтысячный отряд, который под его командованием после подхода римского флота освободил город от варваров, уничтожив в бою до 3 000 врагов (*Syncell. Chronogr.*, p. 717 Mosshammer). Другие более поздние авторы добавляют незначительные детали, но также вносят определенную путаницу²⁰ (*SHA. Gallien.* 13. 6–8; *Zos. HN.* I.39.1; 43.2).

Дексипп — организатор и предводитель сопротивления

Действительно, ни в старых, ни в новых фрагментах «Скифской истории» описание самих событий, последовавших за избранием афинянами предводителя, не сохранилось, и предводительство Дексиппа прямо упоминается только в таком ненадежном источнике, как «Писатели истории Августов»²¹. Слово *dux* (предводитель, командующий) употреблено в данном пассаже не в терминологическом значении «стратег», так как Дексипп не занимал этой должности, тем более что после 250 г. упоминаний о ней нет в афинских источниках [56]. Это, наряду с отсутствием какого бы то ни было намека на подвиг Дексиппа при отражении герулов в процитированной выше надписи, дало основания для отрицания давно (как минимум, начиная

¹⁹ Чтение Ф. Якоби (*Bd.* IIА, p. 467): ἀνὴρ γένος μὲν τῶν ἀπόρων (?) μεταλου* φιλοσοφία δὲ ἄρα σοφῶν. К. Мюллер (*FHG* III, p. 676; V, p. LIX) предлагал читать этот испорченное место как τῶν εὐπόρων καὶ μεγάλων (ο. μετοίκων): человек «из зажиточных и видных (метеков?)»; либо как γένος μὲν ἀπὸ Ῥωμαέτα(κου): «...человек из рода Реметалка». Об этом Максиме и других возможных чтениях данного пассажа см.: [55. С. 246–249].

²⁰ Зонара (*ХП.26*) сообщает, что ведущую роль в отражении герулов сыграл некий афинянин Клеодам, который успешно атаковал герулов «с моря на кораблях». Ср. упоминание Клеодама и Афиня, византийцев, назначенных Галлиеном для восстановления и укрепления городов в районе Балкан, которые победили скифов в битве «около Понта» (*SHA. Gallien.* 13.6), по-видимому, примерно в то же время, что и морская победа Венериана (*SHA. Gallien.* 13.7).

²¹ *SHA. Gallien.* 13.8: ... Scythae... deinceps Achaia omnem vastarunt et ab Atheniensibus duce Dexippo, scriptore horum temporum, victi sunt («... скифы... затем опустошили всю Ахайю и были разбиты афинянами под предводительством Дексиппа, историка того времени»). К этому пассажи мы еще обратимся ниже.

с Э. Гиббона [57. С. 231]) принятого большинством исследователей отождествления афинского историка с лидером ополчения афинян, освободившего город от варваров²². Совсем недавно скептическая позиция получила дополнительную поддержку благодаря предложенной интерпретации новооткрытых фрагментов и текстологической переоценке известного пассажа из биографии Галлиена, да и в справочной литературе присутствует оттенок скептицизма²³. В нашем очерке о Дексиппе, опубликованном в 2012 г. [22], мы придерживались этой традиционной точки зрения. Но появление новых работ, как представляется, требует более пристального разбора как давно высказанных, так и новых аргументов за и против непосредственного участия Дексиппа в освобождении Афин от герулов.

Первым, кто возразил против отождествления обратившегося к афинянам оратора с Дексиппом, был Иоган Бергман [60. С. 19–22], который в связи с отсутствием соответствующих свидетельств у византийских авторов, во многом опиравшихся на труды Дексиппа в рассказе о варварских вторжениях, усомнился в достоверности свидетельства из сборника императорских биографий (Gallien. 13.8), предложив, на основе сопоставления с соответствующими выражениями в тексте «*Historia Augusta*», вместо «*duce Dexippo*» читать «*indice (или docente) Dexippo*», т.е. не «под предводительством Дексиппо», а «согласно указанию (сообщению) Дексиппа». По мнению Бергмана, лидером афинского сопротивления мог быть Клеодам, упомянутый Зонарой (XII.26).

Наиболее развернутую аргументацию против отождествления Геренния Дексиппа с освободителем Афин и оратором во фрагменте *FGrHist.* 100 F 28 = Martin, F 25 выдвинул Джеффри де Сент Круа [61. С. 654–655]. Он обратил внимание на пять моментов:

- 1) хотя в *FGrHist.* 100 F 28d Дексипп назван оратором, который обратился к «эллинам», нет никаких доказательств, что саму речь произнес сам историк;
- 2) свидетельство в биографии Галлиена (SHA. Gallien. 13.8) ненадежно, так как не подтверждается ни Евнапием (продолжателем труда Дексиппа), ни Зосимом, ни византийскими историками, не упоминающими Дексиппа в рассказе об отражении герулов;

²² Ср., например, мнения таких авторитетных специалистов, как Ф. Миллар (в лице Дексиппа «the writing and the making of history momentarily coalesced» [14. С. 12]) или Г. Андерсон («No less interesting as a reflexion of sophistic culture and heritage is P. Herennius Dexippus, who organised resistance against the invasion of the Heruli of his native Athens and was able afterwards to write a thoroughly classicising account of his exploit. Even in the chaos of the third century, patriotism, letters and action could be effectively interlinked» [58. С. 41]).

²³ Так, по заключению автора статьи о Дексиппе в «*The Encyclopedia of Ancient History*», организация Дексиппом сопротивления варварам «не может быть доказана, но не является невозможной» [59].

- 3) в надписи, сделанной Дексиппу его сыновьями, нет ни малейшего намека на его подвиг;
- 4) тот факт, что ни один из более поздних греческих авторов не упоминает о блестящем подвиге Дексиппа, является необычным. Евнапий говорит о Дексиппе исключительно как о человеке культуры и ораторских способностей (*Vitae Sophist.* IV.3.1). В словаре «Суда» также нет никаких других сведений о Дексиппе, за исключением краткого упоминания о нем как риторе (*FGrHist.* 100 T 1);
- 5) в рассматриваемой речи из фрагмента Афины упоминаются как «находящиеся в руках врага» и добавляется загадочная ссылка на «тех, кто был вынужден против своей воли сражаться на стороне врага». Если это действительно относится к 267 г., то, значит, герулы уже захватили Афины. Это, несомненно, сделало бы подвиг Дексиппа еще более выдающимся: города иногда могли отбрасывать осаждающих, но практически нет достоверных случаев, когда осажденные преследовали нападавших после их отступления.

Сомневается де Сент Круа и в том, что против таких профессиональных бойцов, какими были герулы, могли успешно действовать ополченцы, предводительствуемые литератором, которому, очевидно, было около шестидесяти лет и который почти наверняка не имел никакого опыта ведения боевых действий. Этот скептицизм разделяют немногие авторы (ср. прежде всего [20. С. 73–74]). Но некоторые все же выдвигают предположения о том, кто мог быть этим афинским героем, если не историк Дексипп. По мнению Е. Капетанопулоса [62. С. 134–135], им мог быть не сын Геренния Птолемея, а какой-то другой Дексипп из семьи историка или из какого-то другого, родственного или неродственного, семейства.

На все эти в свое время доводы вполне убедительно ответили Лаура Мечелла [55] и Гюнтер Мартин [17]. В частности, итальянская исследовательница отметила, что утрата имени оратора в изложении речи к афинянам не является достаточным основанием для отрицания ее принадлежности Дексиппу, поскольку последний прямо упоминается в заключительной части фрагмента *FGrHist.* 100 F 28d (= Martin, F 26c), который хотя и не относится непосредственно к речи, но, несомненно, происходит из того же контекста и является важным подтверждением традиционной атрибуции фрагмента. Этот отрывок сохранился в *Excerpta de sententiis* после собственно речи, обращенной к афинянам (*FGrHist.* 100 F 28a = Martin, F 25) и относится к речи, произнесенной самим Дексиппом перед общегреческим собранием, а явное указание на лидерство оратора и его прерогативы свидетельствует о высоком положении, которое историк занял в данных обстоятельствах. Таким образом, оба фрагмента являются тесно связанными, и все указывает на то, что, когда было произнесено напутствие грекам, историк уже принял на себя

командование, упомянутое в конце предыдущей речи [55. С. 255, п. 52]. Более того, весь отрывок насыщен интертекстуальными связями и стилистическими сходствами с остальными произведениями Дексиппа, что также недвусмысленно указывает на него как оратора [55. С. 255], как и слова об Афинах и предках, явно указывающие на оратора как афинянина, что согласуется с биографией Дексиппа [17. С. 38]. Пропуск имени Дексиппа в «Хронике» Синкелла можно объяснить тем, что последний, вероятно, черпал свою информацию из промежуточного источника, в конечном счете восходящего к Дексиппу, и мог опустить имя историка либо потому, что оно уже было опущено в этом *Zwischenquelle*, либо ради краткости. Отсутствие же каких бы то ни было ссылок на героизм Дексиппа в надписи IG II² 3669, по мнению Мечеллы и других исследователей, не имеет доказательной силы, поскольку надпись направлена прежде всего на увековечение его интеллектуальных свершений (ср. [19. С. 289; 14. С. 282 17. С. 39; 21. С. 171]). Хотя этот аргумент все же нельзя признать абсолютно убедительным, он звучит гораздо весомее чисто гипотетического предположения Э. Шварца, что о том, что военным заслугам Дексиппа мог быть посвящен отдельный почетный памятник [19. Sp. 289]. Кроме того, важно иметь в виду, что командование, врученное Дексиппу, было предоставлено *ad hoc* путем одобрения ополченцев, собравшихся в горах в чрезвычайной ситуации, а не посредством институциональной процедуры, в отличие от других должностей, упомянутых в надписи, и поэтому указание на него выглядело бы иностранным в этом перечне официальных постов.

Отсутствие же указаний на государственную и военную деятельность Дексиппа в сочинении Евнапия и в «Суде» обусловлено тем, что оба текста сосредоточены исключительно на литературной деятельности историка, а другие государственные должности (архонтат, жречество и т.д.), засвидетельствованные эпиграфическими документами, даже не упоминаются, что обусловлено краткостью упоминания и самой природой «*Vitae Sophistarum*» и зависимостью «Суды» от его источника (эпитомы «Ономатологона» Гесихия Милетского). Что касается свидетельства Зонары, то, учитывая общую невысокую достоверность его сведений и допускаемую им хронологическую путаницу, можно полагать, что он, по-видимому, спутал данные, касающиеся деятельности Клеодама в Понте, с известиями о морской битве Венериана и взятии Афин варварами, а затем отнес их к правлению Клавдия, вероятно, на основании успехов, достигнутых императором в борьбе с готами [55. С. 258–259].

Если Мартин в ответ на тезис Дж. Сент Круа о том, что Дексипп был неопытен в военном отношении и просто слишком стар, подчеркивает, что «его» речь демонстрирует знание риторики, а не тактики [17. С. 40], то Л. Мечелла резонно опровергает сомнения Сент Круа в способности ополченцев

из осажденных Афин атаковать варваров, обращая внимание на активное участие граждан полисов в сопротивлении захватчикам, которое часто было результатом автономной инициативы, не координируемой центральным правительством, и свидетельствует, что греки обрели новое осознание собственной автономии, возродив древний дух классической эпохи. Неслучайно в своей речи оратор ссылается не на величие Рима, владыки мира, а на превосходство Афин, призывая сограждан помнить о достоинстве отечества и быть для всех эллинов примером твердости и свободы [55. С. 262–263]. К этому следует добавить, что говоря об отсутствии достоверных случаев преследования осажденными нападавших после их отступления, Сент Круа упускает из виду, что отряд афинян был собран за городом²⁴ и атаковал неприятеля после подхода римского флота (Syncell. *Chronogr.*, р. 717 Mosshammer), который сыграл решающую роль в разгроме герулов [64. С. 70–71], а это явно не та ситуация, когда осажденные пускаются в преследование отступившего войска осаждающих (ср. [63. С. 51, п. 13]).

В связи с открытием новых фрагментов «Скифики» Дексиппа вновь была предпринята попытка доказать, что историк не был организатором афинской обороны против герулов. В частности, Роберт Суски пришел к выводу, что автор «*Historia Augusta*» (Gallien. 13.8), единственный прямо называющий Дексиппа предводителем афинского ополчения, именно в труде Дексиппа нашел информацию о том, что беотарх с таким именем, упоминаемый в новооткрытом фрагменте, стал одним из греческих полководцев, и отождествил одного Дексиппа с другим, не заметив того факта, что афинянин не мог быть беотархом, вероятно потому, что, будучи родом из Италии (или Рима), он не был знаком с греческими должностями. В итоге, перепутав две фигуры, он приписал заслуги гражданина Беотии афинскому историку по имени Дексипп, т.е. неверно истолковал свой источник. Следовательно, историк, известный как Дексипп, не был одним из афинских лидеров, возглавлявших оборону от вторжения готов и герулов [65]. Соответственно, Дексипп, обращающийся к эллинам в фрагменте *FGrHist.* 100 F 28d (= Martin, F 26c), вовсе не обязательно должен быть афинским историком, но может быть беотархом Дексиппом, известным из «*Scythica Vindobonensia*», так как он произнес свою речь на некоем собрании эллинов, что скорее соответствовало положению, которое занимал предводитель союзных римско-греческих войск, чем положению лидера афинян [65. С. 313].

Данная гипотеза, однако, вряд ли может быть принята, поскольку, во-первых, не стоит недооценивать известность и авторитет

²⁴ Согласно убедительной гипотезе Г. Фоудена [63], описанное место собрания сбежавших афинян было расположено в массиве Эгалеос, горном хребте между Парнасом на северо-востоке и Саламинским проливом на юго-западе.

Дексиппа-афинянина (на что указывает, помимо прочего, и надпись в честь его исторических трудов), который вполне мог выступить и как общегреческий лидер. Во-вторых, предположение Суски основывается на признании достоверности указанного пассажа из жизнеописания Галлиена, которая не без оснований была давно поставлена под сомнение И. Бергманом, чья эмendaция, возможно, нашла подтверждение благодаря текстологическому анализу новой рукописи части «*Historia Augusta*» из Эрлангена (Erlangen UB 647). Изучивший ряд содержащихся в ней пассажей, ранее не учтенных в изданиях (в т.ч. и главу 13.8 из биографии Галлиена) Джастин Стовер [66] пришел к выводу, что она дает прочтение этой главы, которое отражает архетип, общий с основными другими рукописями, а именно: *ab Atheniensium duce ut scribit Thesipus horum temporum scriptor* (fol. 48r), а не *ab Atheniensibus duce Dexippo*, т.е. Thesipus (искаженное «Дексипп») в этой фразе есть автор сообщения о победе афинян, а не их предводитель. Таким образом, давно предложенные поправки Бергмана [60. С. 18–22] могут быть весьма правдоподобными: *indice Dexippo* или *docente Dexippo* [66. С. 182–183]. Однако данный рукописный вариант тоже может быть испорченным местом (как видно, из неправильно переданного имени историка), и допустима его эмendaция, которая сохранила бы указание на предводительство Дексиппа, например, такая: *ab Atheniensium se duce ut scribit Thesipus* — была одержана победа «афинянами под **его** предводительством, как пишет Дексипп». Стовер никак не анализирует общую аргументацию Л. Мечеллы [55], а лишь характеризует ее как «неубедительную» [66. С. 182, п. 47], хотя, на наш взгляд, итальянская исследовательница совершенно права в своем объяснении того, почему военные заслуги Дексиппа не отмечены ни в надписи в его честь, ни у более поздних авторов, за исключением «*Historia Augusta*» (свидетельство которой она отнюдь не абсолютизирует).

Заключение

Таким образом, аргументы скептиков, отвергающих непосредственное участие Дексиппа в организации освобождения Афин от герулов, являются по преимуществу аргументами *ex silentio* или основаны на текстологических эмendaциях, не обладающих стопроцентной убедительностью. В обосновании своих выводов эти авторы не учитывают общую направленность труда Дексиппа, пронизанного идеалами греческого патриотизма, который, несомненно, был немаловажным фактором активного включения эллинов и их лидеров в дело обороны от варваров в условиях, когда императорская власть не располагала достаточными силами, чтобы справиться сразу со всеми угрозами. Думается, что афинский историк не только был способен в критической обстановке найти нужные

слова и примеры, чтобы воодушевить своих сограждан на борьбу с захватчиками, но, обладая и управленческим опытом, и авторитетом среди сограждан, вполне мог быть тем лидером, который, подобно другим представителям городской элиты, взял на себе организацию вооруженного сопротивления. Возможно, он следовал по стопам своего отца, который, как отмечено выше, мог участвовать в организации обороны за полтора десятилетия до событий 267 г.

Список литературы / References

1. Chiotti L. The Herulian Invasion in Athens (A.D. 267): the archaeological evidence. In: Fachard S, Harris EM. (eds.). *The Destruction of Cities in the Ancient Greek World: Integrating the Archaeological and Literary Evidence*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. P. 319–339. <https://doi.org/10.1017/9781108850292.014>
2. Kettenhofen E. Die Einfälle der Heruler ins Römische Reich im 3. Jh. n. Chr. *Klio*. 1992;(74): 291–313. <https://doi.org/10.1524/klio.1992.74.74.291>
3. Brown AR. Banditry or catastrophe?: history, archaeology, and the Barbarian Raids on Roman Greece. In: Mathisen RW, Shanzer D. (eds.). *Romans, Barbarians and the Transformation of the Roman World. Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity*. Farnham: Ashgate; 2011. P. 82–87.
4. Chiotti L. *The Herulian Invasion in Athens (267 C.E.). Contribution to the Study of the Invasion's Implications and the City's Reconstitution until the End of the 4th Century*: Ph.D. Thesis. Athens: University of Athens; 2018.
5. Gengler O. Eine neue Datierung des Goteneinfalls gegen Griechenland unter Valerianus und Gallienus. In: *Empire in Crisis: Gothic Invasions and Roman Historiography. Beiträge einer internationalen Tagung zu den Wiener Dexipp-Fragmenten (Dexippus Vindobonensis), Wien, 3.–6. Mai 2017*. F. Mithof, G. Martin, J. Grusková (Hg.). Wien: Verlag Holzhausen; 2020. P. 219–234.
6. Schwarcz A. Gotische und herulische maritime Einfälle in das Imperium Romanum in der zweiten Hälfte des 3. Jahrhunderts n.Chr. In: *Empire in Crisis: Gothic Invasions and Roman Historiography. Beiträge einer internationalen Tagung zu den Wiener Dexipp-Fragmenten (Dexippus Vindobonensis), Wien, 3.–6. Mai 2017*. F. Mitthof, G. Martin, J. Grusková (Hg.). Wien: Verlag Holzhausen; 2020. P. 389–400.
7. Castrén P. The Post-Herulan Revival of Athens. In: Walker S, Cameron A. (eds.). *The Greek Renaissance in the Roman Empire. Papers from the 10th British Museum Classical Colloquium*. London: University of London, Institute of Classical Studies; 1989. P. 45–49.
8. Castrén P. General aspects of life in Post-Herulan Athens. In: *Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens*. Helsinki: Finnish Institute at Athens; 1994. P. 4–7.
9. Watts EJ. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press; 2008. P. 38–40.
10. Chaniotis A. *Historie und Historiker in den griechischen Inschriften: Epigraphische Beiträge zur griechischen Historiographie*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1988. P. 325–326.
11. Sironen E. Life and administration in Post-Herulian Athens in the Light of Public Inscriptions. In: Castrén P. (ed.). *Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens*. Helsinki: Finnish Institute at Athens; 1994. P. 17–19.
12. Puech B. *Orateurs et Sophistes grecs dans les inscriptions d'époque impériale*. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin; 2002. P. 220–224.

13. *Vizantiiskie istoriki: Deksipp, Evnapii, Olimpiodor, Malkh, Petr Patristsii, Menandr, Kandid, Nonnos i Feofan Vizantiets, perevedennyye s grecheskogo Spiridonom Distunisom*. Primechaniya Gavriila Destunisa. Saint Peterburg: Tipografiya Leonida Demisa publ., 1860. P. 13–14. (In Russ.).
Византийские историки: Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дистунисом. Примечания Гавриила Дестуниса. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1860. С. 13–14.
14. Millar F.P. Herennius Dexippus: the Greek world and the Third-Century Invasions. *Journal of Roman Studies*. 1969;(59): 12–29. <https://doi.org/10.2307/299843>
15. Rostovtsev M.I. Sirisk — istorik Khersonesa Tavricheskogo. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1915;(4):151–170. (In Russ.).
Ростовцев М.И. Сирик — историк Херсонеса Таврического // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 151–170.
16. Karpetanopoulos E. The family of Dexippos I Hermeios. *Αρχαιολογική Εφημερίς*. 1972: 133–172.
17. Martin G. *Dexipp von Athen*. Edition, Übersetzung und begleitende Studien. Tübingen: Gunter Narr Verlag; 2006.
18. Macella L. Ῥήτωρ καὶ συγγραφεύς: cultura, politica e storiografia nell'opera di Dexippo di Atene. *Millennium: Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausend n.Chr.* 2009;(6):107–132. <https://doi.org/10.1515/9783110208887.107>
19. Schwartz E. Dexippos (5). In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd.V. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung; 1905, Sp. 288–293.
20. Potter D.S. *Prophecy and History in the Crisis of the Roman Empire. A Historical Commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle*. Oxford: Clarendon Press — New York: Oxford University Press; 1990.
21. Brandt H. Dexipp und Geschichtsschreibung des 3. Jh. n.Chr. In: *Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr. Kolloquium zu Ehren von Karl-Ernst Petzold (Juni 1998) anlässlich seines 80. Geburtstags*. M. Zimmermann (Hg.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1999. P. 169–182.
22. Makhlaiuk A.V. Publii Gerennii Deksipp v kontekste greko-rimskoi istoriografii III v.: missiya istorika v ehpkhu smuty. In: Bobkova M.S. (ed.). *Perekhodnye periody vo vsemirnoi istorii: transformatsii istoricheskogo znaniya*. Moscow: IVI RAN; 2012: 121–152. (In Russ.).
Махлаюк А.В. Публий Геренний Дексипп в контексте греко-римской историографии III в.: миссия историка в эпоху смуты // Переходные периоды во всемирной истории: трансформации исторического знания / отв. ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 121–152.
23. Paschoud F. L'Histoire Auguste et Dexippe. In: Bonamente G, Duval N. (eds.). *Historiae Augustae Colloquium Parisinum. Atti dei Convegni sulla Historia Augusta*. Nova Series 1. Macerata: Università degli Studi di Macerata; 1991. P. 217–269.
24. Rohrbacher D. The Sources of the *Historia Augusta* Re-Examined. *Histos*. 2013;(7):146–180. <https://doi.org/10.29173/histos243>
25. Blockley R.C. Dexippus' chronicle and the attack by Eunapius upon It. *Byzantiaka*. 1983;(3):23–35.
26. Buck D.F. A reconsideration of Dexippus' chronica. *Latomus*. 1984;(43):596–597. <https://doi.org/10.2307/41533167>
27. Mecella L. La Χρονική Ἱστορία di Dexippo e la fine della cronografia pagana. In: Roberto U, Mecella L. (eds.). *Dalla storiografia ellenistica alla storiografia tardoantica: aspetti, problemi, prospettive: Atti del Convegno Internazionale di Studi, Roma, 23–25 ottobre 2008*. Roma: Soveria Mannelli; 2010. P. 147–177.

28. Grusková J. *Untersuchungen zu den griechischen Palimpsesten der Österreichischen Nationalbibliothek: Codices historici, Codices philosophici et philologici, Codices iuridici*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften; 2010. <https://doi.org/10.1553/0x00236866>
29. Grusková J, Martin G. Ein neues Textstück aus den ‘Scythica Vindobonensia’ zu den Ereignissen nach der Eroberung von Philippopolis. *Tyche*. 2014;(29):29–43. <https://doi.org/10.15661/tyche.2014.029.04>
30. Martin G, Grusková J. ‘Dexippus Vindobonensis’? Ein neues Handschriftenfragment zum sog. Herulereinfall der Jahre 267/8. *Wiener Studien: Zeitschrift für Klassische Philologie und Patristik*. 2014;(127):101–120. <https://doi.org/10.1553/wst127s101>
31. Martin G, Grusková J. ‘Scythica Vindobonensia’ by Dexippus(?): New Fragments on Decius’ Gothic Wars. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2014;(54.4):728–754.
32. Grusková J, Martin G. Zum Angriff der Goten unter Kniva auf eine thrakische Stadt (*Scythica Vindobonensia*, f. 195v). *Tyche*. 2015;(30):35–53. <https://doi.org/10.15661/tyche.2015.030.06>
33. Martin G, Grusková J. “Scythia Vindobonensia”: Geschichte und Ausblick. Mit einer Vorbemerkung von Otto Kresten. *Geistes- und Kulturwissenschaftlicher Anzeiger*. 2019;(153):69–91. <https://doi.org/10.1553/anzeiger153-1s69>
34. Grusková J, Martin G. Neugelesener Text im Wiener Dexipp-Palimpsest (*Scythica Vindobonensia*, f. 195v, Z. 6–10) mit Hilfe der Röntgenfluoreszenzanalyse. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2017;(204):40–46. <https://doi.org/10.5167/uzh-142180>
35. Grusková J, Martin G, Kresten O, Mitthof F, Kaska K, Hofmann Ch, Kreuzer W, Phelps M, Boydston K, Easton RL, Jr., Knox KT, Kelbe D, Kasotakis D, Christens-Barry WA, Stewart D, Rabin I, Hahn O, Glaser L, Garrevoet J, Shevchuk I, Klumpp S, Deckers D, Buck J. Insights into the Digital Recovery of the *Scythica Vindobonensia*. In: Cronier M, Mondrain B. (eds.). *Le livre manuscrit grec: écritures, matériaux, histoire: Actes du IXe colloque international de paléographie grecque, Paris, 10–15 septembre 2018*. Paris: Association des Amis du Centre d’histoire et de civilisation de Byzance; 2020. P. 945–967.
36. Grusková J, Martin G. Neue Entzifferungsfortschritte in den Vatikanischen Dexipp-Fragmenten (Vat. gr. 73): Addenda zur Edition von Gunther Martin 2006. In: *Empire in Crisis: Gothic Invasions and Roman Historiography. Beiträge einer internationalen Tagung zu den Wiener Dexipp-Fragmenten (Dexippus Vindobonensis)*, Wien, 3.–6. Mai 2017. F. Mitthof, G. Martin, J. Grusková (Hg.). Wien: Verlag Holzhausen; 2020. P. 571–581.
37. Martin G, Grusková J. *Scythica Vindobonensia* alias *Dexippus Vindobonensis* Vorläufige Transkription. In: *Empire in Crisis: Gothic Invasions and Roman Historiography. Beiträge einer internationalen Tagung zu den Wiener Dexipp-Fragmenten (Dexippus Vindobonensis)*, Wien, 3.–6. Mai 2017. F. Mitthof, G. Martin, J. Grusková (Hg.). Wien: Verlag Holzhausen; 2020. P. 543–548.
38. Mallan C, Davenport C. Dexippus and the Gothic invasions: interpreting the New Vienna fragment (*Codex Vindobonensis* Hist. gr. 73, ff. 192v–193r). *Journal of Roman Studies*. 2015;(105):203–226. <https://doi.org/10.1017/S0075435815000970>
39. Robinson KB. *A Historical and Historiographical Commentary on the Scythica Vindobonensia*. Master of Philosophy Thesis. University of Western Australia, 2023.
40. Potter D. War as Theater, from Tacitus to Dexippus. In: Riess W, Fagan GG. (eds.). *The Topography of Violence in the Greco-Roman World*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2016.
41. Jones CP. *Further fragments of Dexippus*. URL: https://www.academia.edu/11913736/Further_Dexippus_online_ (Date of access: 10.01.2025).
42. Lucarini CM. Zum neuen Dexipp. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2016;(197): 42–45.

43. Martin G. Die Struktur von Dexipps *Skythika* und die *Historia Augusta*. In: *Historiae Augustae Colloquium Dusseldorpiense*. B. Bleckmann, H. Brandt (Hg.). Bari: Edipuglia; 2017. P. 97–114. <https://doi.org/10.4475/816>
44. Zecchini G. Il nuovo Dexippo e l'*Historia Augusta*. In: *Historiae Augustae Colloquium Dusseldorpiense*. B. Bleckmann, H. Brandt (Hg.). Bari: Edipuglia; 2017. P. 189–196.
45. Gengler O. Eine neue Datierung des Goteneinfalls gegen Griechenland unter Valerianus und Gallienus. In: *Empire in Crisis: Gothic Invasions and Roman Historiography. Beiträge einer internationalen Tagung zu den Wiener Dexipp-Fragmenten (Dexippus Vindobonensis)*, Wien, 3.–6. Mai 2017. F. Mitthof, G. Martin, J. Grusková (Hg.). Wien: Verlag Holzhausen; 2020. P. 219–234.
46. Piso I. Bemerkungen zu Dexippos Vindobonensis (I). *Göttinger Forum für Altertumswissenschaft*. 2015;(18):199–215. https://doi.org/10.14628/GFA_018_2015_A09
47. Eck W. Marianus, vice agens proconsulis Achaiae, im Dexippus Vindobonensis. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2018;(208):248–250.
48. Jones CP. The historian Philostratus of Athens. *Classical Quarterly*. 2011;(61):320–322. <https://doi.org/10.1017/s0009838810000583>
49. Bleckmann B, Groß J. *Historiker der Reichskrise des 3. Jahrhunderts, I. Kleine und fragmentarische Historiker der Spätantike*. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh; 2016.
50. Meritt BD, Trail JS. *The Athenian Councillors*. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens; 1974.
51. Gengler O. Johannes Malalas und seine Quellen: Überlegungen zum Fall Philostratos (Malalas XII 26). In: *Byzanz und das Abendland IV. Studia Byzantino-Occidentalia*. E. Juhász (Hg.). Budapest: Typotex; 2016. P. 175–185.
52. Jones 3 = Christopher P. Jones: further fragments of Dexippus (2). URL: https://www.academia.edu/26199041/Further_Dexippus_2 (Date of access: 10.01.2025).
53. Grusková J, Martin G. Rückkehr zu den Thermopylen: Die Fortsetzung einer Erfolgsgeschichte in den neuen Fragmenten Dexipps von Athen. In: Eich A, Freund S, Rühl M, Schubert C. (Hg.). *Das dritte Jahrhundert. Kontinuitäten, Brüche, Übergänge. Ergebnisse der Tagung der Mommsen-Gesellschaft am 21.–22.11.2014 an der Bergischen Universität Wuppertal*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2017. P. 267–281. <https://doi.org/10.25162/9783515118422>
54. Niebuhr G. De historicis quorum reliquae hic volumine continenti. In: Niebuhrii BG. (ed.). *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Pars I. Bonnae, 1829.
55. Mecella L. Πάντα μὲν ἦν ἀναρχία τε καὶ ἀβοήθητα. Le città dell'Oriente romano e le invasioni barbariche del III secolo d.C. *Mediterraneo Antico*. 2006;(9/1):241–266.
56. Kapetanopoulos E. The *Strategia* in Athens after A.D. 250. *Ελληνικά*. 1991/1992;(42):279–290.
57. Gibbon E. *The Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. I (A.D. 180–476). New York: The Modern Library; 1932.
58. Anderson G. *The Second Sophistic. A Cultural Phenomenon in the Roman Empire*. London — New York: Routledge; 1993.
59. McInerney J. Dexippos of Athens. In: *The Encyclopedia of Ancient History* (13 vols.). R.S. Bagnall et al. (ed.). Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781444338386.wbeah08046.pub2> (Date of access: 11.01.2025). <https://doi.org/10.1002/9781444338386.wbeah08046.pub2>
60. Bergman J. *De P. Herennio Dexippo et Gothorum illa in Atticam incursione quid scriptores et inscriptiones doceant*. Stockholm; 1897.
61. Ste. Croix GEM, de. *The Class Struggle in the Ancient Greek World*. London: Duckworth; 1981.
62. Kapetanopoulos EP. Herennius Dexippos (I) Hermeios. *Horos*. 2000–2003;(14–16):129–140.
63. Fowden G. City and mountain in Late Roman Attica. *Journal of Hellenic Studies*. 1988;(108):48–59. <https://doi.org/10.2307/632630>

64. Rappaport B. *Die Einfälle der Goten in das Römische Reich bis auf Constantin*. Leipzig: Verlag von C.L. Hirschfeld; 1899.
65. Suski R. Dexippus and the Repelling of the Gothic invasion in the years 267–268. A New Piece of Evidence (*Codex Vindobonensis Hist. Gr.* 73, ff. 192v–193r) with an explanation of an error committed by the author of the *Historia Augusta* (*HA Gall.* 13, 7). *Eos*. 2017;(104.2):303–316.
66. Stover J. New Light on the *Historia Augusta*. *Journal of Roman Studies*. 2020;(110):167–198. <https://doi.org/10.1017/S0075435820001239>

Информация об авторе:

Махлаук Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, e-mail: makhl@imomi.unn.ru ORCID: 0000-0002-7758-2374. SPIN-код: 7661-3512.

Information about the author:

Alexander V. Makhlaiuk — Dr. Habil. History, Professor, Chair of the Department of Ancient and Medieval History of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, e-mail: makhl@imomi.unn.ru ORCID: 0000-0002-7758-2374. SPIN-code: 7661-3512.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-337-355

EDN: SNPCRQ

Научная статья / Research article

Датировка казни Иоанна Крестителя и распятия Иисуса Христа

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ cicero74@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено уточнению хронологии таких знаковых событий евангельской истории, как казнь Иоанна Крестителя и распятие Иисуса Христа. Автор пытается согласовать противоречивые указания источников, в первую очередь текстов канонических Евангелий и таких произведений Иосифа Флавия, как «Иудейские древности» и «Иудейская война», для построения внутренне целостной хронологической версии последовательности событий от начала отношений между Иродом Антипой и Иродиадой и вплоть до распятия Иисуса Христа. Актуальность исследования заключается в том, что попытки согласовать данные, сообщаемые евангелистами, не подвергая их критике и принимая как безусловно отвечающие действительности свидетельские показания о жизни Иоанна Крестителя и Иисуса Христа, с выкладками астрономов и достижениями археологов на сегодня зашли в тупик. В этой связи назрела необходимость вновь по возможности непредвзято проанализировать весь комплекс источников, чтобы наконец-то внести ясность в давно обсуждаемый вопрос. В результате анализа источников и литературы автор пришел к следующим выводам: роман Ирода Антипы и Иродиады начался в 34 г. или немногим раньше, Иоанн Креститель был казнен в 35 г., а распятие Иисуса Христа произошло в пятницу 30 марта 36 г. Автор исходит из того, что Христос родился в сентябре 12 г. до н.э., когда библейские волхвы могли наблюдать комету Галлея — наиболее вероятный прообраз Вифлеемской звезды. В таком случае на момент распятия Христу должно было быть 46 полных лет, что косвенным образом в двух местах подтверждает евангелист Иоанн.

Ключевые слова: Ирод Антипа, Иродиада, Иосиф Флавий, Арета IV, Понтий Пилат, Тиберий, Луций Вителлий, Агриппа I

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30.12.2024; принята к публикации 24.02.2025.

© Никишин В.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Никишин В.О.* Датировка казни Иоанна Крестителя и распятия Иисуса Христа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 337–355. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-337-355>

Dating the execution of John the Baptist and the crucifixion of Jesus Christ

Vladimir O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ cicero74@mail.ru

Abstract. The study is devoted to clarifying the chronology of such significant events of gospel history as the execution of John the Baptist and the crucifixion of Jesus Christ. The author tries to reconcile the conflicting indications of the sources, primarily the texts of the canonical Gospels and such works of Josephus as “Antiquities of the Jews” and “The Jewish War”, in order to build an internally coherent chronological version of the sequence of events from the beginning of the relationship between Herod Antipas and Herodias until the crucifixion of Jesus Christ. The relevance of the study lies in the fact that attempts to reconcile the data reported by the evangelists, without criticizing them and accepting as unconditionally true the testimonies about the lives of John the Baptist and Jesus Christ, with the calculations of astronomers and the achievements of archaeologists have reached a dead end today. In this regard, there is a pressing need to once again, as impartially as possible, analyze the entire range of sources in order to finally bring clarity to this long-discussed issue. As a result of the undertaken analysis of sources and literature, the author came to the following conclusions: the romance of Herod Antipas and Herodias began in 34 or a little earlier, John the Baptist was executed in 35, and the crucifixion of Jesus Christ took place on Friday, March 30, 36 AD. The author proceeds from the fact that Christ was born in September 12 BC, when the biblical wise men could observe Halley’s Comet — the most likely prototype of the Star of Bethlehem. In this case, at the time of the crucifixion, Christ should have been 46 full years old, which is indirectly confirmed in two places by the Evangelist John.

Keywords: Herod Antipas, Herodias, Josephus, Aretas IV, Pontius Pilate, Tiberius, Lucius Vitellius, Agrippa I

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 30.12.2024. Accepted: 24.02.2025.

For citation: Nikishin VO. Dating the execution of John the Baptist and the crucifixion of Jesus Christ. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):337–355. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-337-355>

Введение

В этом исследовании мы сосредоточимся на проблеме датировки двух знаковых событий евангельской истории — казни Иоанна Крестителя и распятия Иисуса Христа. Приходится констатировать

факт, что при современном состоянии источников точно датировать эти события невозможно. Со своей стороны, мы намерены предложить свою версию датировки указанных событий. Для этого нам придется согласовать хронологию Иосифа Флавия (Йосефа бен Матитьягу) с хронологией евангелистов. В качестве источников используем преимущественно два главных сочинения Флавия¹ — «Иудейские древности» (далее оригинальный текст цитируется в переводе Г.Г. Генкеля с нашими уточнениями и исправлениями) и «Иудейская война», а также канонические евангелия в Синодальном переводе.

Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Перен

Как известно, в судьбе пророка Йоханана ха-Машбиля, вошедшего в историю под именем Иоанна Крестителя, роковую роль сыграли тетрарх Ирод Антипа и его вторая жена, а по совместительству и племянница Иродиада. Ирод Антипа — один из девяти сыновей царя Ирода I Великого, рожденный от четвертой жены царя, самарянки Малтаки, примерно в 20 г. до н.э. На протяжении 42 лет (4 г. до н.э. — 39 г. н.э.) он был тетрархом Галилеи и Перен (Ant. Iud. XVII. 8. 1; Bell. Iud. I. 7–8). В одном из вариантов своего завещания Ирод Великий назначил Антипу наследником престола (Ios. Ant. Iud. XVII. 6. 1; 8. 1; 9. 4). Впоследствии, правда, он переписал завещание в пользу другого сына, Ирода Архелая; после смерти отца тот отправился в Рим, чтобы Август утвердил его в качестве вассального царя Иудеи (Ios. Ant. Iud. XVII. 8. 1–2; 9. 3). Антипа не собирался уступать престол старшему брату, поэтому, в свою очередь, немедленно отплыл в Италию, чтобы оспорить завещание царя Ирода, заявив о своих притязаниях на власть (Ios. Ant. Iud. XVII. 9. 4; Bell. Iud. II. 2. 1–7; 6. 1–3). Вдгонку за двумя соискателями царской диадемы «лучшие люди» Иерусалима отправили в Рим весьма представительное посольство с просьбой к императору Августу заменить монархию Иродиадов иудейской автономией под властью императорского легата Сирии (Ios. Ant. Iud. XVII. 11. 1–2). В Евангелии от Луки одна из притч Иисусовых весьма прозрачно намекает на этот эпизод политической борьбы в Иудее: «Некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну,

¹ Об оценках Флавия как историка в историографии см.: [1. Р. 170–171]. По мнению Уриэля Раппапорта, Иосиф Флавий как историк, безусловно, стоит несколько ниже Фукидида, Полибия и Тацита, но много выше Диодора Сицилийского и Дионисия Галикарнасского [2. Р. 70, п. 4]. Относительно невысокая оценка уровня Флавия-историка обусловлена отсутствием в его сочинениях аналитики и того, что принято называть критическим подходом к источникам [2. С. 79]. Тем не менее, как нам представляется, все-таки главное — это то, что Флавий, безусловно, был самостоятельным автором, а не компилятором [3. С. 135]. В частности, этот тезис в своих работах блестяще обосновал Стив Мейсон [4; 5].

чтобы получить себе царство и возвратиться... Но граждане ненавидели его и отправили вслед за ним посольство, сказав: не хотим, чтобы он царствовал над нами» (Лк. 19:12; 14).

Август был осторожным и предусмотрительным политиком. С одной стороны, его не могло не тревожить то обстоятельство, что после кончины царя Ирода, который на протяжении 33 лет своего правления в целом неплохо справлялся с наведением порядка во вверенном его попечению царстве, «полная разнузданность овладела народом» (Ant. Iud. XVII. 10. 6), с другой — император, видимо, не считал для себя возможным совершенно не принять во внимание предсмертную волю человека, который в течение стольких лет служил ему верой и правдой, ни разу не изменив ни принцепсу, ни Империи, и который как-никак считался его личным другом. Поэтому Август принял компромиссное решение: присоединять бывшие владения Ирода к Сирии не стал, однако и Архелая, восстановившего против себя своих подданных и показавшего всем, что он никуда не годный администратор, царем не утвердил. Архелай стал всего лишь этнархом, удовольствовавшись устным обещанием императора в будущем наградить его царским титулом, если он, Архелай, покажет себя достойным этого титула (Ios. Ant. Iud. XVII. 9. 7; 11. 4; Bell. Iud. II. 6. 3–7). Архелай получил во владение три области: Иудею, Самарию и Идумею, а также приморские города; Антипе достались Галилея и Перее вместе с титулом тетрарха и 200 талантов годового дохода (Ios. Ant. Iud. XVII. 11. 4; Bell. Iud. II. 6. 3; 9. 1).

Оценки Ирода Антипы в историографии варьируют в диапазоне от успешного и дельного администратора, обеспечившего экономический подъем в Галилее, до флегматичного и трусливого деспота, слепо идущего на поводу у своей второй жены Иродиады. Очевидно, истина, как всегда, лежит где-то посередине [6. Р. 289, п. 1; 7. С. 8–11]. В историографии отсутствует единство по поводу степени приобщения населения Галилеи времен Ирода Антипы к благам греко-римской цивилизации: с одной стороны, существует мнение, что на территории тетрархии Антипы активно продолжался процесс эллинизации [8. Р. 88–89], с другой — Марк Ченси в своих работах создал убедительную картину «еврейской Галилеи», чуждой каким бы то ни было культурным и религиозным влияниям извне [9; 10]. Во всяком случае, если исходить из данных, полученных в результате археологических раскопок, ни о каком экономическом упадке Галилеи при Ироде Антипе говорить не приходится, как это убедительно показал Мортен Хёринг Йенсен, сторонник «гипотезы социальной гармонии» [11. Р. 162–178]. По мнению К.В. Неклюдова, тезис о том, что деспотическое правление Ирода Антипы привело к обострению социальной напряженности в Галилее, абсолютно несостоятелен: «Социально-экономические последствия его правления для региона не были такими заметными, как считают многие специалисты, а образ конфликта города и деревни, широко принятый в научной литературе,

не подтверждается данными источников и археологии. Из того, что известно о галилейском контексте движения Иисуса, нет, таким образом, никаких оснований рассматривать его как вызванное тяжелыми последствиями правления Антипы» [12. С. 158]².

Не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что Антипа был лояльным клиентом Рима. Столицу Галилеи Сепфорис он в честь императора переименовал в Автократиду (Ios. Ant. Iud. XVIII. 2. 1). В старой столице жили в основном евреи, и греко-римское культурное влияние ощущалось там в минимальной степени [13. Р. 23–61, 100–128; 14. С. 82–86; 11. Р. 150–161], поэтому Ирод основал на берегу Генисаретского озера новую столицу — Тивериаду, названную в честь императора Тиберия (Ios. Ant. Iud. XVIII. 2. 3; Bell. Iud. II. 9. 1; Vita. 64–69). Археологические изыскания в регионе свидетельствуют об урбанизации Галилеи вследствие активной строительной политики Ирода Антипы [15. С. 15]. Известно, что в 36 г. [17. С. 252] Ирод способствовал заключению договора между Римом и Парфией (Ios. Ant. Iud. XVIII. 4. 4–5). Наконец, сама продолжительность его правления свидетельствует, во-первых, об относительной внутривластной стабильности в тетрархии Антипы и, во-вторых, о том, что его римские патроны были им довольны [16. С. 57]. В самом деле, когда Ирод Агриппа пожаловался Тиберию на дядю, император пропустил эту жалобу мимо ушей (Ios. Bell. Iud. II. 9. 5). К роковому финалу Антипу привели лишь его собственные ошибки и стечение обстоятельств: в 39 г. у власти в Риме был уже не благоволивший тетрарху Тиберий, а давний друг Агриппы Гай Калигула (Ios. Ant. Iud. XVIII. 7. 1–2; Bell. Iud. II. 9. 6).

Ирод Антипа и Иродиада

Как известно благодаря Иосифу Флавию³, первым браком Антипа был женат на одной из пяти дочерей набатейского царя Ареты IV Великого (Ant. Iud. XVIII. 5. 1). По-видимому, женой Ирода стала Фазелис, старшая дочь Ареты [17. С. 151]. Этот брак отличался продолжительностью, однако детей у супругов не было. Роман Антипы с племянницей Иродиадой и затем разрыв с женой оказались роковым образом сопряжены с теми драматическими событиями, которые описаны в канонических евангелиях.

Когда же началась эта историческая драма? В историографии есть мнение, что сам Иосиф Флавий дает нам точный хронологический ориентир: не позже 24–25 гг. [18. С. 652]. Дело в том, что брат Иродиады, Ирод Агриппа, родившийся в 10 г. до н.э., попал в Рим еще в раннем

² Зарубежную литературу, посвященную Галилее I в., см.: [12. С. 160–166].

³ Несмотря на то, что Ирод Антипа слишком тесно был связан с римскими властями и порой пренебрегал иудейскими традициями, нарушая предписания Торы, отношение к нему Иосифа Флавия в целом можно охарактеризовать как вполне нейтральное [6. Р. 309–310].

детстве, при жизни своего деда, царя Ирода Великого (Ant. Iud. XVIII. 6. 1), а тот, как известно, умер в 4 г. до н.э. Ирод Агриппа, вошедший в историю как Агриппа Великий [16. Р. 108, п. 5; 30. Р. 232], жил в Риме на протяжении многих лет, прежде чем ему пришлось покинуть Вечный город из-за расточительства и огромных долгов. Когда именно это произошло, неизвестно. Единственное, что можно сказать точно, это то, что Агриппа, по сведениям того же Флавия, уехал из Рима спустя какое-то время после смерти Друза Младшего (23 г.), с которым они были дружны с детства, поскольку вместе воспитывались (loc. cit.). В известном переводе Г.Г. Генкеля мы сталкиваемся с неточностью: переводчик называет Друза «сверстником» Агриппы, чего нет в оригинале; там говорится лишь о «совместном воспитании» и «тесной дружбе» (ὁμοτροφίας καὶ συνηθείας αὐτῶ πολλῆς γενομένης) двух молодых людей (loc. cit.). К тому же Друз был тремя годами старше Агриппы, поэтому сверстниками, строго говоря, их не назовешь.

Сколько же времени прошло от смерти Друза до отъезда Агриппы в Палестину? Флавий в уже упомянутом месте в переводе Г.Г. Генкеля дает нам такие сведения на сей счет: «Кроме того и Тиберий запретил друзьям своего [недавно] скончавшегося сына показываться ему, чтобы вид их не вызывал в нем горестных воспоминаний о покойном» (loc. cit.). Заметим, что никакого «недавно» в оригинальном тексте «Иудейских древностей» нет; переводчик добавил его от себя, что, на наш взгляд, совершенно неоправданно и сбивает читателя с толку. Действительно, в таком случае из контекста можно сделать вывод, что Агриппа покинул Рим в 24 или 25 г., а это, по нашему глубокому убеждению, не соответствует действительности. К тому же сведения Флавия о мнимой «скорби» Тиберия по сыну опровергает Светоний: «Друз был противен ему своими пороками, так как жил легкомысленно и распушенно. Даже смерть его не вызвала в отце ложной скорби: чуть ли не сразу после похорон вернулся он к обычным делам, запретив продолжительный траур. Посланники из Илиона принесли ему соболезнование немного позже других, — а он, словно горе уже было забыто, насмешливо ответил, что и он в свой черед им сочувствует: ведь они лишились лучшего своего согражданина Гектора» (Tib. 52. 1–2. Пер. М.Л. Гаспарова). Вряд ли Светоний пользовался недостоверной информацией: известно, что в течение ряда лет он занимал пост секретаря императора Адриана (SHA. Adrian. 11. 3) и, соответственно, имел доступ к императорскому архиву. В этой связи нам представляется, что указание Флавия на кончину Друза Младшего носит самый приблизительный характер и привязывать к ней дату отъезда Агриппы из Рима не стоит. Что же касается безденежья, которое, по версии Флавия, вынудило его покинуть Рим (Ant. Iud. XVIII. 6. 1), то сомневаться в этом у нас оснований нет никаких, имея в виду последующие

события (ibid. 3–4). Важно одно: если строго следовать изложению Флавия (см. ниже), то выходит, что Агриппа уехал из Рима не в 24 или 25 г., а десятью годами позже.

Что же дальше? Прибыв в Палестину и по-прежнему страдая от хронического безденежья (на родине в долг никто не давал, в Риме же его ждали неумолимые кредиторы, да и прижимистый Тиберий не любил тех, кто жил не по средствам), Агриппа погрузился было в депрессию, как вдруг на помощь ему пришла жена — и одновременно кузина — Кипра. Как пишет Флавий, «она отправила *жене* тетрарха Ирода, *сестре своей* Иродиаде, письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила ее как родственницу помочь ее мужу выпутаться, причем указывала на свои собственные в этом направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж ее послали за Агриппой, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агоранома (смотрителя рынка. — В.Н.)» (Ant. Iud. XVIII. 6. 2). В процитированном переводе Г.Г. Генкель допустил две неточности. Во-первых, в оригинальном тексте Флавий употребил применительно к Иродиаде причастие от глагола *συνοικέω* — «жить вместе», а Г.Г. Генкель в переводе использовал существительное «жена»; по нашему мнению, его следовало бы заменить словом «сожительница», что в большей степени отвечает ортодоксальным взглядам Иосифа Флавия. Во-вторых, по версии Г.Г. Генкеля, Кипра написала письмо «сестре своей» Иродиаде, тогда как в оригинале у Флавия стоит «его сестре». В самом деле, Иродиада была родной сестрой Агриппы, тогда как Кипра доводилась Иродиаде кузиной.

На основании указанного фрагмента некоторые исследователи делают вывод, что в 24–25 гг. Ирод Антипа и Иродиада *уже* были мужем и женой [18. С. 652]. Мы с этой версией категорически не согласны. По нашему мнению, история отношений Ирода Антипы и Иродиады началась десятилетием позже — в 34 г. или незадолго до того. И здесь в повествовании Иосифа Флавия имеется более точный хронологический ориентир, чем тот, о котором мы упомянули выше: это кончина тетрарха Филиппа, брата Ирода Антипы, последовавшая «на двадцатом году правления Тиберия», т.е. в 34 г. (Ant. Iud. XVIII. 4. 6). Далее историк подробно описывает, как Антипа влюбился в свою племянницу, Иродиаду, как уговорил ее бросить мужа и как из-за этого романа вспыхнул конфликт Антипы с его тестем, царем Набатей Аретой IV (Ant. Iud. XVIII. 5. 1). Благодаря все тому же Флавию известно, что Иродиада была дочерью Аристобула, одного из сыновей Ирода I, и Береники, племянницы Ирода I (Ant. Iud. XVI. 1. 2; Bell. Iud. I. 23. 1). Кроме нее, в семье было еще четверо детей: Ирод Агриппа I, Ирод II Халкидский, Аристобул Младший и Мариамна III (Ant. Iud. XVII. 1. 2). Иродиада стала женой Ирода Боэты, сводного брата Ирода Антипы и своего дяди, которого современные

историки обычно называют Иродом Филиппом I — в отличие от тетрарха Филиппа, которого принято именовать Иродом Филиппом II, поскольку имя Ирод было династическим [16. Р. 132–136; 19. S. 51–56; 20. Р. 40; 11. С. 43–44]. У Ирода Боэты и Иродиады родилась единственная дочь Саломея (Ios. Ant. Iud. XVII. 1. 2; XVIII. 5. 1; 4), которая впоследствии вышла замуж за тетрарха Филиппа (Ios. Ant. Iud. XVIII. 5. 4).

Сколько же лет было Иродиаде, когда Ирод Антипа сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться? Если исходить из допущения, что родилась она между 9 и 7 гг. до н.э. [16. С. 154; 18. С. 651], то выходит, что ей должно было быть тогда немногим более сорока лет. Полагаем, что возраст Иродиады — «слегка за 40» — не должен нас сильно смущать: в конце концов, как сказал классик, «любви все возрасты покорны». Ирод Антипа, в таком случае, был на 11–12 лет старше Иродиады. Само по себе это еще ни о чем не говорит: как известно, Цезарь был на 32 года старше Клеопатры, а Генрих II был моложе Дианы де Пуатье на целых 20 лет!

Характерно, что Иродиада согласилась выйти замуж за Ирода лишь при условии, что тот прогонит дочь Ареты. Очевидно, Иродиада не собиралась мириться с полигамией, ставшей обычным делом среди представителей династии Ирода Великого. Как пишет Иосиф Флавий, «у нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет нескольких жен» (Ant. Iud. XVII. 1. 2). Источники свидетельствуют о том, что во времена Ирода Великого и Иоанна Крестителя полигамия в иудейском обществе вовсе не была таким уж редким явлением, причем не только в среде правящей элиты, но и в самых широких слоях населения [21. С. 194–195].

В итоге началась война: Арета IV вторгся во владения зятя, в битве Антипа потерпел поражение и обратился к императору с жалобой на действия Ареты, который сам был римским вассалом. Тиберий в гневе приказал Луцию Вителлию, наместнику Сирии в 35–39 гг., объявить войну набатейскому царю и «представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать ему его голову» (Ant. Iud. XVIII. 5. 1). Война Ареты IV с Иродом Антипой (36–37 гг.) вскоре завершилась без решительного результата вследствие смерти Тиберия (ibid. 2–3), последовавшей, как известно, 16 марта 37 г. Таким образом, получается следующая последовательность событий: в 34 г. или немногим ранее начался роман Ирода Антипы и Иродиады, тогда же или в следующем году дочь Ареты IV вернулась к отцу, а Ирод и Иродиада официально стали мужем и женой, наконец, в 36 г. разгорелся военный конфликт между Аретой и Антипой, завершившийся несколько месяцев спустя (весной 37 г.) без решительного результата ни для одной из сторон.

Наконец, есть еще одно соображение в пользу приведенной выше версии. Получив от Ирода Антипы упомянутые «благодетения» (Ios. Ant. Iud. XVIII. 6. 2), Агриппа, видимо, остался недоволен, рассорился с дядей и отправился к сирийскому наместнику Публию Помпонию Флакку в надежде

хоть чем-нибудь поживиться (loc. cit.). Известно, что Флакк был наместником Сирии в 32–35 гг., а это косвенным образом подтверждает наше предположение о том, что Агриппа прибегнул к великодушию Ирода Антипы и Иродиады отнюдь не в 24 или 25 г., а в 34 или, скорее, 35 г. Вскоре, однако, Агриппа оказался замешан в коррупционном скандале и был вынужден уехать в Египет, а оттуда в Италию, где благодаря новым займам — его выручили, во-первых, подруга его матери Береники Антония Младшая, мать Клавдия и бабка Калигулы, с которыми в дальнейшем Агриппа поддерживал дружеские отношения⁴, и, во-вторых, ростовщик Фалл, — он уплатил старые долги и, казалось, вернул расположение Тиберия (Ios. Ant. Iud. XVIII. 6. 3–4). Недаром Т.Ю. Фрибус назвала Агриппу «чужестранцем-приспособленцем» [31. С. 120]: воспользовавшись ситуацией, неблагодарный племянник пожаловался императору на дядю, однако Тиберий, благоволивший Ироду Антипе, оставил эту жалобу без внимания (Ios. Bell. Iud. II. 9. 5). Все эти события, по-видимому, происходили в 36 г., ибо 16 марта 37 г. 77-летний Тиберий скончался.

Казнь Иоанна Крестителя

Теперь обратимся к фигуре Иоанна Крестителя. Пророк начал свою проповедь еще в 29 г. (Лк. 3:1–2). В греческом варианте его прозвище означает буквально «Погружатель» (ὁ βαπτιστής). Имеется в виду характерная особенность таинства, которое совершал Иоанн над своими последователями — омовение с погружением в воду. В античной и иудейской традиции аналогов этому нет [22. С. 528]. Благодаря Флавию и евангелистам мы знаем, что Иоанн Креститель подверг резкой критике брак Ирода Антипы и Иродиады как незаконный и кровосмесительный [23. С. 203–204]. Кстати сказать, Иосиф Флавий, который, как известно, сперва был ортодоксальным иудеем, а впоследствии стал ренегатом, осуждал Иродиаду вовсе не за то, что она вышла замуж за брата своего первого мужа и собственного дядю, а за то, что она это сделала, когда Ирод Боэт был еще жив, «διαστᾶσα ζῶντος» (Ant. Iud. XVIII. 5. 4); именно последнее обстоятельство шло вразрез с иудейскими традициями. Г.Г. Генкель в своем переводе слова «еще при его жизни» ошибочно отнес к Ироду Антипе; на самом деле и по смыслу, и грамматически они относятся к Ироду Боэту, поскольку ниже Флавий сообщает, что Иродиада хранила верность Антипе даже тогда, когда тот попал в опалу при Калигуле (39 г.), и добровольно отправилась вслед за мужем в ссылку (Ant. Iud. XVIII. 7. 2) [24. С. 199–202].

⁴ Воспользовавшись расположением императоров Калигулы и Клавдия, к 41 г. Агриппа Великий, еще в 37 г. получивший царский титул, сосредоточил в своих руках все бывшие владения Ирода Великого [32. С. 313].

Как бы то ни было, именно с женитьбой на Иродиаде ослепленного страстью Антипы оказалось тесно связано такое значительное событие в истории раннего христианства, как казнь Иоанна Крестителя. Вот что на сей счет сообщает Иосиф Флавий, весьма осведомленный и «в высшей степени творческий писатель» [7. С. 11]: «Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. ...Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон... и там казнен» (Ant. Iud. XVIII. 5. 2). Никаких дополнительных деталей вроде пресловутого «танца Саломеи» в тексте Флавия нет. Подробности драмы в Махероне — крепости в Перее, на границе с Набатеей, — изложены в Евангелиях от Марка (Мк. 6:19–29) и от Матфея (Мф. 14:1–12). Лука (Лк. 9:7–9) упомянул лишь сам факт расправы над пророком, Иоанн же вообще проигнорировал данный сюжет.

Самый загадочный эпизод в этой темной истории — танец пресловутой «дочери» Иродиады, якобы выпросившей у «отчима» себе в награду голову Иоанна Крестителя на блюде. О том, что чисто теоретически пляска некой куртизанки на пиру в Махероне по случаю γενέσια, т.е. очередной годовщины восшествия на престол Ирода [16. Р. 160, п. 5; 25. Р. 342, п. 26], особенно если учесть вкусы и нравы как самого Антипы, который получил воспитание и образование в Риме (Ios. Ant. Iud. XVII. 1. 3), так и его эллинизированного окружения, безусловно, могла иметь место, но что этой куртизанкой никак не могла быть единственная известная нам дочь Иродиады Саломея, мы уже писали в другом месте [23. С. 205–206]. Когда же произошла казнь Иоанна Крестителя? Очевидно, вскоре после того, как Антипа заключил брак с Иродиадой, т.е. в 35 г. Почему не позже? Дело в том, что с момента гибели Иоанна и до распятия Иисуса прошло несколько месяцев (возможно, полгода, может быть, чуть больше), между тем известно, что Иисус был распят, когда префектом Иудеи был Понтий Пилат, лишившийся своего поста в 36 г.⁵

Отставка Пилата

Собственно говоря, тот же Флавий сообщает кое-какие детали на сей счет: за несколько дней до наступления Пасхи императорский легат Сирии Луций Вителлий отстранил Пилата от занимаемой должности за учиненную им бессудную расправу над знатными и влиятельными самарянами

⁵ О Пилате см.: [27. С. 17–22].

и назначил ему преемника — Марцелла (Ant. Iud. XVIII. 4. 2). Флавий так описывает финал десятилетнего наместничества Пилата: «Тогда Вителлий послал Марцелла, одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на него обвинениях. Проведя в Иудее десять лет, Пилат поехал в Рим, так как не смел ослушаться приказания Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиберий умер» (loc. cit.). Однако, странное дело: Пилат лишился поста префекта в апреле 36 г., Тиберий умер в марте 37 г. Получается, что Пилат добирался до Рима целый год? Либо он ехал в соответствии с поговоркой *festina lente* («поспешай медленно»), либо Флавий что-то напутал. Как бы там ни было, ничего о дальнейшей судьбе Понтия Пилата он не сообщает. Тот факт, что Калигула не вернул Пилату пост префекта Иудеи, вовсе не означает, что его служебная карьера на этом завершилась [26. Р. 92–93]. Несомненно, Марцелл сменил Пилата уже после наступления Пасхи, так что решение о казни Христа было одним из последних решений Пилата в должности префекта Иудеи. Сам Вителлий тут же выехал из Антиохии в Иерусалим и прибыл туда в один из пасхальных дней (Ant. Iud. XVIII. 4. 3).

Возникает вопрос: по какой причине наместник Сирии поспешил в Иерусалим накануне Пасхи? У Светония в биографии императора Клавдия есть сообщение о том, что Христос пытался взбунтовать евреев против римской власти (Claud. 25. 4). Вместе с тем версия Флавия, будто причиной отставки Пилата стала санкционированная им казнь без суда представителей самаритянской элиты, не выдерживает критики: префект нанес превентивный удар и покарал мятежников, которые были вооружены и представляли собой серьезную опасность для мира и спокойствия в Иудее. В этом случае Пилат поступил абсолютно оправданно и своевременно [26. С. 91]. Однако в ситуации с Христом и его последователями префект явно оказался не на высоте. В этой связи рискнем предложить свою версию развития событий: до Вителлия дошли слухи о том, что Христос на Пасху намерен поднять в Иерусалиме антиримское восстание и провозгласить себя царем иудейским (возможно, легат получил донос от кого-то из недоброжелателей Иисуса). Получалось так, что Пилат упустил из виду опасного мятежника, который агитировал своих сторонников, можно сказать, под носом у префекта! Пилат должен был решительно пресечь на корню проповедническую деятельность новоявленного «царя иудейского» (Мк. 15:2; Мф. 27:11; Лк. 23:3; Ин. 18:33) во избежание беспорядков в городе, переполненном паломниками, а он этого не сделал! Отсюда недовольство Вителлия и стремительная отставка Пилата. Чтобы увериться в благонадежности иудеев, Вителлий поспешно отправился в Иерусалим, однако там все было тихо и спокойно: иудеи мирно праздновали Пасху и радушно встретили легата, который на радостях поощрил их рядом благодеяний

(Ant. Iud. XVIII. 4. 3). По нашему мнению, Пилат, которому предстояло дать отчет в своих действиях (или в преступном бездействии?) перед императором, решил заранее подстраховаться и поспешил навсегда избавиться от главного и самого опасного свидетеля своей вопиющей нераспорядительности — Христа⁶. Вот почему и суд был таким стремительным, и приговор максимально суровым, и казнь в высшей степени поспешной: Пилату надо было успеть до приезда Марцелла и Вителлия — с последним у него должен был состояться и, видимо, состоялся крайне неприятный разговор.

В этом контексте вызывает известное недоумение сообщение евангелиста Луки о суде Ирода Антипы над Христом (Лк. 23:7–12). Узнав, что Антипа в Иерусалиме, Пилат направил к нему Христа для разбирательства (Лк. 23:7). Человеку, всю свою сознательную жизнь мечтавшему занять иудейский престол, безусловно, хотелось посмотреть в глаза названному «царю иудейскому». Как пишет Лука, «Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что многое слышал о Нем, и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо, и предлагал ему многие вопросы, но Он ничего не отвечал ему» (Лк. 23:8–9). Ничего не добившись, Ирод «одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лк. 23:11). Зачем Пилат осуществил все эти в общем-то бесполезные действия? Только для того, чтобы помириться с Иродом, с которым он прежде враждовал? (Лк. 23:12). Вряд ли, ведь дело шло о его собственной жизни и карьере. В результате выходит, что Пилат, как и Ирод, ничего не добился, только время даром потерял. Между тем, как мы помним, в тот роковой день он не мог позволить себе даром терять драгоценные часы и минуты, ведь ему надо было успеть до приезда сирийского наместника в Иерусалим. В итоге, как мы знаем, Пилат все же «успел» и тем самым навсегда вошел в историю христианства как своего рода «черный стереотип». Как же быть с рассказом Луки, который, к слову сказать, не подтверждается более никем из евангелистов? Приходится отвергнуть его как недостоверный. Видимо, Луке очень хотелось снять с Пилата всю тяжесть вины за смертный приговор Иисусу и переложить ее на иудеев — народ, Синедрион и Ирода Антипу, уже повинного в казни Иоанна Крестителя.

Сколько лет было Христу, когда Его распяли?

Итак, если следовать хронологии Иосифа Флавия, получается, что Христа распяли накануне Пасхи в 36 г. — не раньше и не позже. На современном этапе абсолютное большинство ученых датируют распятие Христа 7 апреля 30 г. или 3 апреля 33 г., причем последняя дата многим кажется более предпочтительной в силу ряда причин [28. Р. 339–340]. Из канонических

⁶ Скорее всего, Пилат полагал, что главное — это лишить мятежников их вождя, и тогда беспорядки быстро сойдут на нет [26. С. 89].

евангелий мы знаем, что Христос был распят в пятницу накануне Пасхи, которая в том году начиналась в субботу (Мф. 27:62; Мк. 15:42; Лк. 23:54; Ин. 19:14). Как известно, 15 нисана — это первый день еврейской Пасхи, или праздника Песах, который длится семь дней. В 36 г. день 15 нисана пришелся на великую субботу, или 31 марта по юлианскому календарю [28. С. 335]. Если строго следовать текстам евангелистов, выходит, что Христа распяли вечером в пятницу 14 нисана (30 марта), а умер Он после захода солнца, т.е. по еврейскому календарю уже в субботу 15 нисана (Мф. 27:45–50; Мк. 15:34–37; Лк. 23:44–46). Иоанн, напротив, подчеркивает, что Иисус умер в пятницу (Ин. 19:31). Откуда такие разночтения? Все дело в том, что у древних греков и римлян сутки начинались с рассветом и рассветом же заканчивались; напротив, в соответствии с предписаниями Торы еврейские сутки начинаются с заходом солнца и заканчиваются на заходе солнца следующего дня.

Сколько было лет Христу, когда Он умер? Разумеется, ответ на этот вопрос зависит от того, когда Он родился. Согласно весьма убедительной версии А.И. Резникова, рождение Христа следует отнести к первым числам сентября 12 г. до н.э., точнее, к периоду с 1 по 7 сентября, когда волхвы могли наблюдать прохождение через созвездие Льва кометы Галлея — наиболее вероятного прототипа Вифлеемской звезды [29. С. 70–71]. Если так, то простой арифметический подсчет показывает, что на момент смерти Христу было 46 полных лет. Это подтверждает евангелист Иоанн: «Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего» (Ин. 2:19–21). И в другом месте: «На это сказали ему иудеи: тебе нет еще пятидесяти лет, и ты видел Авраама?» (Ин. 8:57). О том же говорит Иринеи Лионский (Iren. Adv. haer. II. 22. 5–6).

Почему же именно 12 г. до н.э. и никакой другой? Казалось бы, точное указание на дату Рождества Христова дает евангелист Лука, который связывает ее с той переписью, которую проводил в Иудее наместник Сирии Публий Сульпиций Квириний (Лк. 2:2). Лука пишет: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сирией. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома Давидова, записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей. И родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2:1–7). Известно, что никакой «переписи по всей земле» ни тогда, ни когда-либо еще Август не проводил. Лука что-то напутал. Здесь на помощь нам приходят античные авторы. Дион Кассий сообщает об опале иудейского этнарха Архелая (Dio Cass. LV. 27. 6), а Иосиф Флавий добавляет

к этому следующую информацию: Август направил сирийского наместника Квирина в Иудею для конфискации имущества репрессированного Архелая и переписи податного населения (Ant. Iud. XVIII. 1. 1). Что еще важнее, Флавий датирует эту акцию: «...окончив перепись в тридцать седьмом году после поражения Антония Цезарем Августом при Акции, Квирий сместил первосвященника Иоазара...» (Ant. Iud. XVIII. 2. 1).

Таким образом, Квирий проводил свою перепись в 6/7 г. Следовательно, в этом временном диапазоне (6–7 гг.) и должен был родиться Христос. Однако снова у нас концы с концами не сходятся: по сообщению того же Луки, Иисус принял крещение от Иоанна Предтечи в пятнадцатый год правления «Тиверия Кесаря», т.е. в 28/29 г., и тогда он был «лет тридцати» (Лк. 3:1; 23). Но если Иисус родился в 6/7 г., то в 28/29 г. Ему было всего 22 года. Стало быть, Лука не знал точной даты рождения Христа, и к переписи Квирия ее «привязать» точно не получится: евангелист Матфей пишет о том, что Христос родился «во дни царя Ирода» (Мф. 2:1), т.е. Ирода Великого, а Ирод, как известно, умер в 4 г. до н.э. Хотя и на Евангелие от Матфея мы не можем твердо полагаться в вопросах точности датировок. Так, в 27-й главе говорится о тридцати сребрениках, якобы возвращенных Иудой первосвященникам: «Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та “землею крови” до сего дня» (Мф. 27:7–8). Слова «до сего дня» указывают на более или менее значительную временную дистанцию, отделявшую автора этих слов от тех событий, которые описываются в Евангелии. Безусловно, это может быть позднейшая вставка одного из тех бесчисленных и безымянных «справщиков», которые на протяжении нескольких веков нещадно переписывали и редактировали текст Матфея. Во всяком случае, если принять во внимание слова «во дни царя Ирода», то придется отнести дату Рождества Христова до 4 г. до н.э.

И здесь снова возникает 12 г. до н.э. Во-первых, это год прохождения над Палестиной кометы Галлея — наиболее вероятной «кандидатуры» на роль прототипа Вифлеемской звезды. Во-вторых, это год консульства того самого Квирина, о котором упомянул Лука, правда, с другой хронологической привязкой. Наша версия заключается в следующем: Лука знал, что Квирий как-то связан с рождением Христа, но не знал деталей. Поэтому он сочинил историю с переездом Святого семейства из Назарета в Вифлеем в тот самый год, когда Квирий проводил в Иудее свою пресловутую перепись. О переписи он знал, о консульстве Квирина — нет, тем более что эти события отделяли друг от друга целых восемнадцать лет. На самом деле, как нам представляется, источник Луки сообщал о рождении Иисуса в год консульства Квирина, которое пришлось как раз на 12 г. до н.э. Эта дата удовлетворяет и условию Матфея («во дни царя Ирода»), и весьма вероятно предположению, что именно комета Галлея стала прообразом всем известной Вифлеемской звезды, которая привела волхвов к младенцу Христу.

Таким образом, наши изыскания приводят нас к необходимости максимально раздвинуть хронологические рамки земного пути Иисуса: от рождения в начале сентября 12 г. до н.э. до смерти в пятницу 30 марта 36 г. н.э.

Людей, повинных в смерти Иоанна Крестителя и Иисуса Христа, постигла справедливая кара: в 36 г. Пилат лишился своей должности и навсегда исчез из поля зрения историков, спустя три года был отправлен в ссылку и там сгинул Ирод Антипа (вместе со злосчастной Иродиадой). Царем иудейским стал внук первого Ирода, Ирод Агриппа, вошедший в историю, как и дед, с титулом «Великий» (насколько это справедливо, отдельный вопрос). Человек неглупый и дипломатичный, Агриппа I, воспользовавшись расположением императоров Гая Калигулы и Клавдия, к 41 г. сосредоточил в своих руках все бывшие владения Ирода Великого. Но ненадолго: в 44 г. Агриппа I скоропостижно умирает, и на этом, по сути, закончилась блестящая эпоха Ирода и Иродиадов. Еще около полувека длилась история вассального Иудейского царства, но это была всего лишь затянувшаяся деградация. Правление Ирода II Халкидского (44–48 гг.), брата Агриппы I, промелькнуло незаметно, и в 48 г. престол унаследовал сын Агриппы I, последний царь иудейский Агриппа II. После его смерти (предположительно в 93/94 г.) римляне ввели в Иудее прямое управление. Династия Иродиадов канула в Лету. Иоанн Креститель и Христос были отомщены.

Заключение

Проанализировав источники и историографию, мы предлагаем свой вариант хронологии таких знаковых событий евангельской истории, как казнь Иоанна Крестителя и распятие Иисуса Христа. По нашему глубокому убеждению, Иоанн Креститель был казнен по приказу Ирода Антипы в 35 г. (не раньше и не позже), а распятие Иисуса Христа произошло в пятницу 30 марта 36 г. Если исходить из того, что Христос родился в сентябре 12 г. до н.э., когда библейские волхвы могли наблюдать комету Галлея — наиболее вероятный, на наш взгляд, прообраз Вифлеемской звезды, то на момент распятия Христу должно было быть 46 полных лет.

Список литературы

1. *Klausner J.G.* History of the Second temple. Vol. 5. Jerusalem : Ahiassaf, 1952.
2. *Rappaport U.* Josephus' personality and the credibility of his narrative // Making History. Josephus and Historical Method / ed. by Z. Rodgers (Supplements to the Journal for the Study of Judaism, 110). Leiden; Boston, 2007. P. 68–81.
3. *Schwartz D.R.* Composition and Sources in *Antiquities* 18: The Case of Pontius Pilate // Making History. Josephus and Historical Method / ed. by Z. Rodgers (Supplements to the Journal for the Study of Judaism, 110). Leiden; Boston, 2007. P. 125–146.
4. *Mason S.* Contradiction or counterpoint? Josephus and Historical Method // The Review of Rabbinic Judaism. 2003. Vol. 6. № 2. P. 145–158.

5. *Mason S.* Figured speech and irony in T. Flavius Josephus // *Flavius Josephus and Flavian Rome* / ed. by J. Edmondson, S. Mason, J. Rives. Oxford, 2005. P. 243–288.
6. *Jensen M.H.* Josephus and Antipas: a case study of Josephus' narratives on Herod Antipas // *Making History. Josephus and Historical Method* / ed. by Z. Rodgers (Supplements to the Journal for the Study of Judaism, 110). Leiden; Boston, 2007. P. 289–312.
7. *Jensen M.H.* Herod Antipas in Galilee: friend or foe of the historical Jesus? // *Journal for the Study of the Historical Jesus*. 2007. Vol. 5. № 1. P. 7–32.
8. *Smith M.J.* The political context of the Gospels // *The Content and Setting of the Gospel Tradition* / ed. by M. Harding, A.M. Nobbs. Grand Rapids, Michigan; Cambridge, 2010. P. 79–104.
9. *Chancey M.A.* The myth of a gentile Galilee (Society for New Testament Studies monograph series: 118). Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
10. *Chancey M.A.* The ethnicities of Galileans // *Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods*. Vol. 1. Life, Culture, and Society / ed. by D.A. Fiensy and J.R. Strange. Minneapolis, 2014. P. 112–127.
11. *Jensen M.H.* Herod Antipas in Galilee: the literary and archaeological sources on the Reign of Herod Antipas and its socio-economic impact on Galilee. Tübingen : Mohr Siebeck, 2006.
12. *Неклюдов К.В.* Проблема Галилеи раннеримского времени как культурного и политического контекста провозвестия Иисуса (по материалам западной историографии XIX — начала XXI вв.). Ч. 2 // *Христианское чтение*. 2016. № 2. С. 123–166. EDN: VUECCP
13. *Reed J.L.* Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-examination of the Evidence. Harrisburg, Pennsylvania : Trinity Press International, 2000.
14. *Chancey M.A.* Greco-Roman culture and the Galilee of Jesus (Society for New Testament Studies monograph series, 134). Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2005.
15. *Aviam M.* First Century Jewish Galilee: an archaeological perspective // *Religion and Society in Roman Palestine: Old Questions, New Approaches* / ed. by D.R. Edwards. New York, 2004. P. 27–47.
16. *Hoehner H.W.* Herod Antipas. Cambridge : Cambridge University Press, 1972.
17. *Shillam M.W.* Imperial Matchmaker: the involvement of the Roman Emperor in the arrangement of marriages between Client Kings : PhD thesis. University of New England, 2016.
18. *Неклюдов К.В., Ткаченко А.А.* Иродиада // *Православная энциклопедия*. Т. XXVI. М., 2011. С. 651–654.
19. *Krieger K.-S.* Geschichtsschreibung als Apologetik bei Flavius Josephus // *Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter* / Hrsg. von K. Berger, M. Klinghardt, G. Röhser, S. Schreiber, M. Vogel. Bd. 9. Tübingen; Basel : Francke Verlag, 1994.
20. *Gillman F.M.* Herodias: At home in that Fox's Den. Collegeville, Minnesota : Liturgical Press, 2003.
21. *Григер М.В.* Социальный аспект взаимодействия Восток — Запад в римской Иудее (37 г. до н.э. — 135 г. н.э.) // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007. Т. 149. Кн. 4. С. 193–202. EDN: JJWKRR
22. *Ткаченко А.А., Э.П.Л., Лисовой Н.Н., Артюхова Т.А., Королёв А.А., Турилов А.А., Устинова Ю.В., Иванова Ю.В.* Иоанн Предтеча // *Православная энциклопедия*. Т. XXIV. М., 2010. С. 528–577.
23. *Гвоздева И.А., Никишин В.О.* Танец Саломеи: к вопросу о семейных отношениях в Древней Иудее // *Чувства добрые я лирой пробуждал... : сб. докл. Междунар. науч. конф. «Усадебные комплексы России как центры культуры и хранители материальной и нематериальной культуры» и «XLVIII Добролюбовские чтения»* / под ред. Г.А. Дмитриевской, В.М. Строгоцкого. Нижний Новгород, 2024. С. 198–207. EDN: RVLQWK

24. Никишин В.О. Рим и Иудея: три эпизода из истории взаимоотношений // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения : материалы науч. конф. «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2023. С. 187–207. EDN: HICSFX
25. Schürer E. The history of the Jewish People in the age of Jesus Christ (175 B.C. — A.D. 135) / ed. by G. Vermes, F. Millar. Vol. 1. Edinburgh : T. & T. Clark, 1973.
26. Bond H.K. Pontius Pilate in history and interpretation (Society for New Testament Studies Monograph Series, 100). Cambridge : Cambridge University Press, 1998.
27. Иисус Христос в документах истории / сост., ст. и комм. Б.Г. Деревенского. СПб. : Алетей, 2013. EDN: QUFFBR
28. Humphreys C.J., Waddington W.G. The Jewish calendar, a Lunar Eclipse and the Date of Christ's Crucifixion // Tyndale Bulletin. Vol. 43. 1992. P. 331–451.
29. Резников А.И. Комета Галлея: демистификация рождественской легенды? // Историко-астрономические исследования. Вып. XVIII. М., 1986. С. 65–78.
30. Meshorer Y. A Treasury of Jewish Coins: from the Persian period to Bar Kokhba. Jerusalem; New York : Amphora, 2001.
31. Фрибус Т.Ю. Юлии-Клавдии глазами римлян и варваров // Античный мир и археология. 2002. № 11. С. 117–123.
32. Никишин В.О. Институт заложенничества в римской политической практике в конце Республики и в начале Империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 304–315. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-304-315> EDN: JRKYAY

References

1. Klausner JG. *History of the Second Temple*. Vol. 5. Jerusalem: Ahiassaf; 1952.
2. Rappaport U. Josephus' personality and the credibility of his narrative. *Making History. Josephus and Historical Method*. In: Rodgers Z, editor. Supplements to the Journal for the Study of Judaism, 110. Leiden; Boston; 2007. P. 68–81.
3. Schwartz DR. Composition and sources in *Antiquities* 18: The Case of Pontius Pilate. *Making History. Josephus and Historical Method*. In: Rodgers Z, editor. Supplements to the Journal for the Study of Judaism, 110. Leiden; Boston; 2007. P. 125–146.
4. Mason S. Contradiction or counterpoint? Josephus and historical method. *The Review of Rabbinic Judaism*;2003;6(2):145–158.
5. Mason S. Figured speech and Irony in T. Flavius Josephus. In: Edmondson J, Mason S, Rives J, editors. *Flavius Josephus and Flavian Rome*. Oxford, 2005. P. 243–288.
6. Jensen MH. Josephus and Antipas: a case study of Josephus' narratives on Herod Antipas. *Making History. Josephus and Historical Method*. In: Rodgers Z, editor. Supplements to the Journal for the Study of Judaism, 110. Leiden; Boston, 2007. P. 289–312.
7. Jensen MH. Herod Antipas in Galilee: friend or foe of the historical Jesus? *Journal for the Study of the Historical Jesus*;2007;5(1):7–32.
8. Smith MJ. The political context of the Gospels. In: Harding M, Nobbs AM, editors. *The Content and Setting of the Gospel Tradition*. Grand Rapids, Michigan; Cambridge, 2010. P. 79–104.
9. Chancey MA. *The Myth of a Gentile Galilee*. In: Society for New Testament Studies monograph series, 118. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
10. Chancey MA. The ethnicities of Galileans. In: Fiensy DA, Strange JR, editors. *Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods*. Vol. 1. Life, Culture, and Society. Minneapolis, 2014. P. 112–127.

11. Jensen MH. *Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006.
12. Neklyudov KV. The problem of Galilee in the early Roman period as a cultural and political context for the proclamation of Jesus (based on materials from Western historiography of the 19th — early 21st centuries). Ch. 2. *Hristianskoe chtenie*. 2016;(2):123–166. (In Russ.). EDN: VUECCP
13. Reed JL. *Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-examination of the Evidence*. Harrisburg, Pennsylvania: Trinity Press International, 2000.
14. Chancey MA. *Greco-Roman Culture and the Galilee of Jesus*. In: Society for New Testament Studies monograph series, 134. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005.
15. Aviam M. First century Jewish Galilee: an archaeological perspective. In: Edwards DR, editor. *Religion and Society in Roman Palestine: Old Questions, New Approaches*. New York, 2004. P. 27–47.
16. Hoehner HW. *Herod Antipas*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
17. Shillam MW. *Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings*. PhD thesis. University of New England, 2016.
18. Neklyudov KV, Tkachenko AA. *Irodiada Pravoslavnaya enciklopediya*. T. XXVI. Moscow; 2011:651–654. (In Russ.).
19. Krieger KS. *Geschichtsschreibung als Apologetik bei Flavius Josephus*. In: Berger Hrsq von K, Klinghardt M, Röhser G, Schreiber S, Vogel M. *Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter*. Bd. 9. Tübingen; Basel: Francke Verlag, 1994.
20. Gillman FM. *Herodias: At Home in That Fox's Den*. Collegeville, Minnesota: Liturgical Press, 2003.
21. Griger MV. The social aspect of East-West interaction in Roman Judea (37 BC — 135 AD). *Uchyonye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2007;149(4):193–202. (In Russ.). EDN: JJWKRR
22. Tkachenko AA, E.P.L., Lisovoi NN, Artyuhova TA, Korolyov AA, Turilov AA, Ustinova YuV, Ivanova YuV. *Ioann Predtechka* [Ioann Predtechka]. *Pravoslavnaya enciklopediya*. T. XXIV. Moscow; 2010:528–577. (In Russ.).
23. Gvozdeva IA, Nikishin VO. Salome's dance: on the question of family relations in Ancient Judea. In: Dmitrievskaya GA, Strogetskii VM, editors. *Chuvstva dobrye ya liroi probuzhdal... : sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. «Usadebnye komplekсы Rossii kak tsentry kul'tury i khraniteli material'noi i nematerial'noi kul'tury» i «XLVIII Dobrolyubovskie chteniya»*. Nizhnii Novgorod; 2024:198–207. (In Russ.). EDN: RVLQWK
24. Nikishin VO. Rome and Judea: three episodes from the history of relations. In: Mahlayuk AV, editor. *Professor Evgenii Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedeniya: materialy nauchnoi konferentsii «Istoriko-arkheologicheskii simposium pamyati professora Evgeniya Aleksandrovicha Moleva»*, Institut mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi istorii NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhnii Novgorod, 22 yanvarya 2022 g. Nizhnii Novgorod; 2023:187–207. (In Russ.). EDN: PKBFMV
25. Schürer E. *The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C. — A.D. 135)*. Vermes G, Millar F, editors. Vol. 1. Edinburgh: T. & T. Clark, 1973.
26. Bond HK. *Pontius Pilate in History and Interpretation*. In: Society for New Testament Studies Monograph Series, 100. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
27. *Iisus Hristos v dokumentah istorii* [Jesus Christ in the documents of history]. Sost., st. i komm. Derevenskogo BG. Saint Peterburg: Aleteiya publ., 2013. (In Russ.). EDN: QUFFBR
28. Humphreys CJ, Waddington WG. The Jewish calendar, a lunar eclipse and the Date of Christ's crucifixion. *Tyndale Bulletin*. 1992;(43):331–451.

29. Reznikov AI. Halley's comet: demystifying a Christmas legend? *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya*. 1986;(18):65–78. (In Russ.).
30. Meshorer Y. *A Treasury of Jewish Coins: From the Persian Period to Bar Kokhba*. Jerusalem; New York: Amphora, 2001.
31. Fribus TYu. Julio-Claudius through the eyes of Romans and barbarians. *Antichnyi mir i arheologiya*. 2002;(11):117–123. (In Russ.).
32. Nikishin VO. The institution of hostage-taking in Roman political practice at the end of the Republic and at the beginning of the Empire. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):304–315. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-304-315>
EDN: JRKYAY

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-код: 8961-2880.

Information about the author:

Vladimir O. Nikishin — PhD in Historical Sciences, Associate professor, Department of History of the Ancient World, Faculty of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovsky Avenue, bldg. 4, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-code: 8961-2880.

СПОРТ В АНТИЧНОСТИ SPORTS IN ANTIQUITY

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-356-380

EDN: SNNDUU

Научная статья / Research article

Победа «без пыли» — победа за явным преимуществом

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ tbgvozdeva@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования — выяснить причины, по которым атлетам на панэллинских и местных играх присуждали победу «без пыли» (ἄκονίτι), неоспоримую, безоговорочную победу. Такие победы были большой редкостью в архаику и классику, очень высоко ценились и всегда особо отмечались в перечне побед атлетов и их почетных надписях. На основе письменных источников и данных эпиграфики показано, что причинами побед «без пыли» могли быть грозная репутация атлета, прессинг во время тренировки или жеребьевки атлетами-тяжеловесами своих соперников. Известны случаи победы «без пыли» в результате нарушения правил игр, например, опоздание к началу состязаний. Часто атлеты жаловались на злосчастный случай, укравший у них победу, т.е. результат жеребьевки, который ставил их в пару с борцом-тяжеловесом и приводил к проигрышу. Позор и унижение, которые ожидали атлетов в этом случае, также заставляли их отказаться от участия в соревнованиях с сильным противником, ибо такой отказ считался менее унижительным, чем поражение. Статистический анализ данных о победах атлетов «без пыли» дает возможность автору предположить, что такие победы чаще всего присуждались в единоборствах как на панэллинских, так и на местных играх.

Ключевые слова: ἄκονίτι, борьба, кулачный бой, панкратион, Олимпийские игры, Павсаний

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10.01.2025; принята к публикации 25.03.2025.

Для цитирования: Гвоздева Т.Б. Победа «без пыли» — победа за явным преимуществом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 356–380. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-356-380>

© Гвоздева Т.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Victory ‘dustlessly’ — victory by a clear advantage

Tatiana B. Gvozdeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ tbgvozdeva@rambler.ru

Abstract. The purpose of the study is to find out the reasons why athletes at the Panhellenic and local games were awarded victory ‘dustlessly’ (ἀκοντί), an undisputed, unqualified victory. Such victories were a great rarity in the Archaic and Classical periods, very highly valued and always specially noted in the list of athletes’ victories and their inscriptions of honour. Based on written sources and epigraphic data, it is shown that the reasons for the victories of “without dust” could be the formidable reputation of the athlete, pressure during training or the draw of heavyweight athletes of their rivals. There have been cases of winning “without dust” as a result of violating the rules of the games, for example, being late for the start of competitions. Athletes often complained about the unfortunate event that robbed them of victory — that is, the result of the draw, which paired them with a heavyweight wrestler and led to a loss. The shame and humiliation that awaited athletes in this case also forced them to refuse to participate in competitions with a strong opponent, because such a refusal was considered less humiliating than defeat. Statistical analysis of data on the victories of athletes ‘dustlessly’ allows the author to assume that such victories were most often awarded in martial arts at both Panhellenic and local games.

Keywords: ἀκοντί, wrestling, boxing, pankration, Olympic Games, Pausanias

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 10.01.2025 Accepted: 25.03.2025.

For citation: Gvozdeva TB. Victory ‘dustlessly’ — victory by a clear advantage. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):356–380. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-356-380>

Введение

Общим правилом эллинской агонистики было стремление атлетов к победе. Лозунг современных соревнований «Главное не победа, а участие!» едва ли мог подойти атлетам античных Олимпиад. Практически не сохранилось свидетельств радости античных атлетов «от простого участия» в пан-эллинских и местных играх¹, зато достаточно упоминаний о горечи поражения и позоре, который сопровождал проигравших. Пиндар отмечал, что побежденные атлеты, крадучись закоулками, пробираются домой, вернувшись в свой родной город, где их ожидали «бесславная молва» и «помраченный

¹ Подобные надписи в основном относятся к поздней античности (SEG XLIV, 1191; XLI, 1351): «юный Валерий «с отличием» участвовал в соревнованиях по борьбе среди мальчиков, ничего не выиграл, однако получил поощрительный приз, так как его отец был агонифетом» [1. С. 299].

путь» (Pind. Ol. VIII. 68–69; Pyth. VIII. 81–87. Пер. М.Л. Гаспарова). Однако, несмотря на страх поражения, большинство эллинов, особенно состоятельных, чувствовали сильный социальный стимул соревноваться и побеждать на играх, особенно на крупных панэллинских состязаниях. Причем, в отличие от современных чемпионатов и олимпиад, где мы можем увидеть целый пьедестал почета, на крупных панэллинских играх победитель был один. Только ему присуждали почетный титул олимпионика (на Олимпиадах) или пифионика (на Пифиадах), и только ему вручали почетную награду — священный венок (на панэллинских играх) [2] или ценные призы (на местных играх) [3; 4]. Одним из самых почетных способов одержать победу в играх было победить «без пыли», т.е. одержать «неоспоримую» победу (ἀκονίτι), когда атлет по той или иной причине не сталкивался со своим соперником и побеждал, не участвуя в бою или в соревнованиях в целом [5. С. 43]. Т.Ф. Скэнлон отмечал, что спортсмены, которые принимали неотъемлемый риск поражения как принцип соревнований, обходили угрозу позора во многом благодаря так называемым победам ἀκονίτι (букв. «без пыли») [6. Р. 11]. По мнению М. Полякова, греки так ценили признание лучших атлетов в каком-либо виде спорта, что с гордостью отмечали победы ἀκονίτι в их победных надписях [7. Р. 106]. Свидетельств о победах «без пыли» в источниках довольно много²: в большинстве случаев они зафиксированы в единоборствах, но также встречались и в легкой атлетике — в пятиборье [14] и беге³.

Терминология победы «без пыли»

Название победы «без пыли» — ἀκονίτι — связывают обычно с термином конис (κόνις — «пыль»). Конис — это особым образом измельченный песок (или пыль), возможно, по своей консистенции напоминавший тальк (Vitr. V. 11. 2), необходимый для гигиены атлетов [16. С. 1146–1147]. Конис покрывал тело атлета после умащения его маслом и по завершении массажа. Тонкий слой пыли очищал кожу и защищал ее от внешних воздействий. Кроме того, покрытые пылью тела борцов во время поединков уменьшали скольжение от оливкового масла, давая возможность совершить более крепкий захват соперника (Luc. Anach. 2, 29) [16. С. 1147]. После тренировок или состязаний пыль с тела атлета соскребали с помощью специальных скребков [17. Р. 26]. Подробно о конис в трактате «О гимнастике» писал автор III в. н.э. Филострат. Он выделял пять видов пыли. Первая из них, «глиняная» пыль, помогала при очищении тела и излишней полноте атлета; вторая, «пыль от черепков», регулировала потоотделение путем раскрытия пор;

² О победы «без пыли» см.: [8. S. 1178;9;10; 11. Р. 6–7, 263, 266; 12; 13; 5. С. 42–45].

³ Л. Роберс отмечает несколько случаев побед ἀκονίτι в соревнованиях по длинному бегу в Аргосе [15. п°76] и на Родосе [10. Р. 108–112].

третья, «асфальтовая» или «битумная» пыль, обладала разогревающими свойствами; четвертая и пятая (черная и желтая) — были разновидностями земляной пыли, они смягчали и питали кожу, причем желтая пыль придавала телу атлета блеск (Philostr. Gymn. 56) [16. С. 1147; 18. С. 103]. Таким образом, видимо, первоначальное значение термина *ἄkovití* подразумевало под собой тот факт, что тела атлетов не были покрыты пылью, т.е. они не провели ни одной схватки, и победа присуждалась одному из них без борьбы. С. Миллер полагал, что первоначально этот термин означал победу «без падения», но впоследствии он стал означать любую победу, одержанную без борьбы или соревнования [19. Р. 50].

Помимо свидетельств спортивных побед термин *ἄkovití* метафорически использовался вне какого-либо спортивного контекста. В. Свит отмечал, что термин *ἄkovití*, как показывает цитата из словаря Суды (XI в. н.э.), также мог иметь следующее значение: «*ἄkovití* означает „без состязания или битвы“, т.е. „легко“, взято из языка атлетов, которые побеждают так легко, что не покрываются пылью» (Suda, s.v. *ἄkovití*) [11. Р. 6–7]. В судебном контексте его упоминает Эсхин в своей жалобе на Тимарха об отступлении Питталака в его судебном процессе против Гегесандра, и тот факт, что последний одержал победу над своим противником «без боя» (*ἄkovití*) (Esch. Tim. 64). Согласно Ксенофону, победа *ἄkovití* имела такое же значение, что и победа в бою: «Ведь и во время гимнастических состязаний победивших благодаря отказу противника от борьбы награждают веками ничуть не менее тех, кто одержал победу в схватке с противником» (пер. В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова) (Xen. Ages. VI. 3). Фотий писал о варварах, которые, убежденные в том, какой эффект они произведут на своих противников, полагают, что им будет достаточно только показать себя, и, как в случае с состязаниями, все сразу сдадутся без боя (*ἄkovití*) (Phot. Bibl. cod. 246 (502a)).

Таким образом, термин *ἄkovití* в греческой атлетике обозначал победу без борьбы — по счастливой случайности или по умолчанию [11. Р. 266]. Такая победа являлась указанием на явное преимущество атлета, соперники которого отказывались от соревнований с ним, сдаваясь без боя, и очень высоко ценилась [17. Р. 3]. Кроме того, победа *ἄkovití* была большой редкостью и поэтому очень почетной; ее всегда особо подчеркивали в перечне побед атлета, даже в самых кратких [12]. Первое, известно нам свидетельство о подобной победе содержится в надписи пятиборца Акматиды из Спарты⁴, и возможно, относится к ок. 500 г. до н.э. (70-я Олимпиада (?)) [15. п. 15–19; 20. С. 304], когда он победил в пятиборье «без пыли» [14. С. 375–376; 22. С. 125]. В честь своей победы Акматид посвятил Зевсу халтер (приспособление

⁴ К V в. до н.э. относятся победы «без пыли» Феоген с Фасоса ок. 480 г. до н.э. (Paus. VI. 11. 4; Syll³ 64A) [15. No. 51–56; 21. Р. 26] и Дориея, сына Диагора с Родоса (2-я пол. V в. до н.э.) (Paus. VI. 7. 4; CIG 1715).

для прыжков в длину, по форме напоминающее гантель), на котором была надпись — одна из наиболее ранних надписей олимпийского пентатлона: «Акматид из Лакедемона, победивший „пятерых без пыли“, посвящает [это]» [19. Р. 64]. Л. Моретти полагал, что термин *ἄκωνίτι* в данном случае относился к борьбе, а не ко всему пятиборью, т.е. Акматид выиграл не все состязания «без пыли», а победил в пятиборье без финальной борьбы после четвертого состязания [15. Р. 19]. От эллинистической и римской эпох надписей с упоминанием победы «без пыли» сохранилось гораздо больше. Атлеты с удовольствием указывали в победных списках особые характеристики своих побед, и особенно победу *ἄκωνίτι* [6. Р. 11].

Победа «без пыли» в мифологии

Впервые спортивные состязания были описаны в «Илиаде» Гомера (Ном. II. XXIII). Игры в честь Патрокла, организованные Ахиллом, включали в себя ристания колесниц, бег, борьбу, кулачный бой, метание диска, стрельбу из лука, гопломахию и метание копья на дальность [23; 24]. Последнее состязание, по сути, не состоялось, хотя и было объявлено Ахиллом, который вызвал на него участников, назвав награду в состязании: «Вынес потом Ахиллес копье и в огне не бывавший / Медный котел, ценою в быка, расцвеченный цветами, / И положил на арену. И встали метатели копий: / Встал Атреид, пространно-властительный царь Агамемнон, / Встал Мерион, товарищ блистательный Идоменея» (Ном. II. XXIII. 885–887) (здесь и далее *пер. В.В. Вересаева*). На зов Ахилла вышли микенский царь Агамемнон и Мерион с Крита. Однако, внезапно Ахилл заявил, что Агамемнон превосходит всех и лучший «в силе», т.е. за явным превосходством Агамемнона не стоит это состязание проводить: «Остановился меж них Ахиллес быстроногий и молвил: / “Сын Атрея, мы знаем, *насколько ты всех превосходишь, / Выше насколько и силой, и ловкостью в копьеметанье.* / Эту награду прими от меня и с наградой отправься / К полым своим кораблям. А копье мы дадим Мериону, / Если ты с этим согласен. А я — я так предложил бы“» (Ном. II. XXIII. 890–894. Курсив наш — *Т.Г.*). После чего Ахилл раздал награды: «С ним согласился вполне повелитель мужей Агамемнон. / Медную пику вручил Ахиллес Мериону. Атрид же / Ценный свой дар передал Талфибию-вестнику в руки» (Ном. II. XXIII. 895–897). Таким образом, Ахилл присудил Агамемнону победу, как «лучшему» из всех ахейцев, не дав Мериону состязаться с Агамемноном. А. Келли предполагает, что в данном эпизоде не очень ясна цель Ахилла — или он не хотел дать возможность Агамемнону продемонстрировать свое мастерство копьеметателя, или, наоборот, зная о его слабости и силе Мериона, он хотел спасти Агамемнона от позора поражения [25. Р. 19–20]. Р. Ричардсен высказал мнение, что эта сцена является параллельной к сцене ссоры Ахилла с Агамемноном (Ном. II. I.122–129;

149–150), где Ахилл называет Агамемнона самыми дурными словами, здесь же, после примирения, признает его прекрасные качества [26. Р. 270]. Т. Перри сделал вывод, что данная сцена «возможно, самый яркий пример подчинения соперничества и поощрения духа примирения», когда игры завершаются не состязанием, а финальным, венчающим жестом примирения (Агамемнон и Мерион участвуют в состязании, но Ахилл отговаривает их от участия и объявляет, что приз достанется Агамемнону) [27. Р. 62–63]. Едва ли этот эпизод можно трактовать как победу Агамемнона «без пыли», так как она была одержана волевым решением организатора игр Ахилла, но эта победа была одержана без поединка, независимо от мотивации Ахилла.

Поэт III в. н.э. Квинт Смирнский в эпосе «После Гомера» описывает погребальные игры по Ахиллу. Когда наступило время кулачного боя и были выкликнуты желающие принять в нем участие, на вызов вышел царь Крита Идомей: «Дальше на битву кулачную Идомеева сила / Первой выходит — герой сей был сведущ в любых состязаньях. / Против него же никто не идет — сохраняя почтенье / К возрасту Идомея — в летах был владыка немалых» (Quint. Smyrn. Hom. IV. 284–287) (Здесь и далее *пер. О.В. Смыки*; курсив наш — *Т.Г.*). Идомей одержал победу «без пыли», ибо из почтения к его *возрасту* более молодые атлеты не вышли с ним на битву. Таким образом, Идомей забирает награду (лошадей с колесницей), которую предлагает мать Ахилла Фетида. Однако Феникс отмечает, что герою досталась победа «даром»: «Идомею досталась награда блестящая *даром* / Волей богов — не напряг для борьбы не рамен он, не дланей — / Дали *бескров-но* ему, уважая почтенные лета» (Quint. Smyrn. Hom. IV. 294–296) (курсив наш — *Т.Г.*). Феникс снова вызвал молодых борцов на поединок, дабы «потешить душу Пелида», однако, этот призыв не нашел отклика. Тогда к ним обратился царь Пилоса Нестор, рассказав им о погребальных играх Пелия, на которых он принимал участие в двух единоборствах — в борьбе и в кулачном бою. Сначала Нестор говорит о том, как в кулачном бою он бился с Полидевком, и бой завершился ничьей (Quint. Smyrn. Hom. IV. 309–310). А в борьбе с «многомошным» Анкеем, с которым Нестор ранее уже сразился на погребальных играх Амаринка и победил его, Нестор одержал победы «без пыли»: «Что ж до искусства борьбы — предо мной оробел и сильнейший / В этой забаве Анкей — *не посмел он со мной состязаться*. / Все потому, что допрежь еще среди воев эпейских / Я одолел его, как ни силен был Анкей многомошный, / На спину в пыль он упал — а случилось нам вместе бороться / Некогда в честь погребенья погибшего Амаринкея. / Многие силу и крепость мою тогда лицезрели / *Стало быть, он не посмел в этот раз на меня воздвигаться*, / Хоть и силен был, и взял я награду, *в пыли не валяясь*. / Ныне же давят меня и годы и болести, — вас же / Я призываю — к лицу вам награду добыть в состязаньи!» (Quint. Smyrn. Hom. IV. 311–320) (курсив наш — *Т.Г.*). Таким образом, в борьбе на погребальных

играх Пелея Нестор победил «без пыли»⁵, ибо его противник Анкей испугался и не осмелился выйти на бой, чтобы поспорить с ним за победу, ибо атлеты уже сходились в поединке, и победа осталась за Нестором (Quint. Smyrn. Hom. IV. 311–319)⁶.

У Диодора Сицилийского в мифе об учреждении Гераклом Олимпийских игр находим интересное описание первых состязаний на этих играх. После того, как герой очистил конюшни Авгия, он основал Олимпийские игры в честь Зевса, а в качестве награды учредил венок. На состязаниях первых игр в Олимпии победителем вышел сам Геракл без боя (ἀδρήτως), причем Диодор отмечает, что «все состязания были им выиграны без серьезной конкуренции, так как никто не чувствовал себя достаточно уверенным, для того чтобы с ним состязаться на равных, потому что сила Геракла была чрезвычайна» (Diod. IV. 14. 1–2). Следовательно, решение других атлетов не участвовать в соревнованиях могло быть продиктовано репутацией Геракла, поэтому никто и не решился соревноваться с ним из-за его выдающейся силы (ibid).

Таким образом, уже в мифах можно увидеть ситуацию, когда решение атлета не вступать в бой со своим противником может быть продиктовано разными причинами: уважением к его мастерству (как в случае с Агамемноном?), возрасту (Идомей) или репутации противника, вызывающей страх у его соперников (Геракл).

Единоборства на панэллинских и местных играх

Победы ἀκović были известны в разных видах спорта, однако, чаще всего атлеты побеждали «без пыли» в единоборствах, т.е. в борьбе, кулачном бою и в панкратионе, или в пентатлоне, финальным состязанием которого была борьба [14]. Возможно, первоначально победы ἀκović относились только к борьбе, но позднее были известны примеры подобных побед в кулачном бою и в панкратионе. Стоит отметить, что правила в единоборствах отличались друг от друга⁷. Считается, что на Олимпийских играх соревнования по всем трем «тяжелым» видам спорта проходили в один и тот же день и по всей вероятности, в порядке «борьба — кулачный бой — панкратион». Борьба (πάλη) проходила в положении стоя и включала в себя множество сложных приемов и бросков. Поединки борцов проводились на площадке взрыхленной земли (σκάμμα) на стадионе [28. Р. 104; 29. Р. 57]. В борьбе допускались различные захваты и броски, толчки

⁵ Квинт Смирнский называет такую победу без боя ἀνιδρώτι (Quint. Smyrn. Hom. IV. 329).

⁶ Псевдо-Аполлодор, описывая игры в честь Пелия, победительницей в борьбе называет Аталанту (Apoll. III. 9. 2), тогда как Гигин — Пелея (Hug. Fab. 273).

⁷ О правилах единоборств в греческом спорте см.: [7. Р. 23–88].

и подножки. Бой завершался в случае трех падений⁸, а также вплоть до отказа одного из соперников продолжать борьбу в результате приема «удушения» (Jul. Afric. Ol. 147; Anth. Pal. XI. 316; Philostr. Gymn. 11; Suda. s.v. ἄκονιτί) [7. Р. 23–53; 19. Р. 50; 31. Р. 29]. Э.В. Янзина отмечает, что «применение в античной борьбе приемов удушения может свидетельствовать о том, что победа присуждалась не только при проведении атлетом трех бросков противника, но и в случае добровольного признания одним из борцов своего поражения» [30. С. 111]. Наиболее признанной формой успеха в борьбе была победа без боя (ἄκονιτί), которая устанавливалась в результате признания явного превосходства одного из соперников [8. С. 1178; 32. Р. 110; 21. Р. 53; 29. Р. 58; 33. С. 11–12]. Борцы особенно гордились такой победой, одержанной «без боя», когда участник соревнований вошел на стадион, и был единственным атлетом, который соревновался в данной дисциплине и возрастной категории (παράδειω)⁹.

Греческий кулачный бой (πυγμή) был более опасным состязанием. Борцы обматывали кисти и запястья длинными ремнями из бычьей кожи для увеличения силы удара. Большинство ударов наносилось по лицу и голове¹⁰. Поединок в кулачном бою длился до тех пор, пока один из противников не признал свое поражение или не был нокаутирован [31. Р. 29–30]. Как и в борьбе, явное превосходство одного из соперников могло завершиться победой «без пыли» (ἄκονιτί) (IvO. 153; Paus. V. 21. 14; VI. 7. 4) [33. С. 19–20]. Что касается панкратиона (παγκράτιον), то это был самый жестокий вид спорта, сочетающим правила борьбы и кулачного боя (Plut. Quaest. conv. II. 4. 638d; Philostr. Gymn. 11) с добавлением техники работы ногами (Theocr. XXII. 66) [7. Р. 54–63]. Как и в кулачном бою, поединки продолжались до тех пор, пока кто-то из участников не признавал свое поражение, или не становился недееспособным в результате травмы, или не умирал [33. Р. 29–33]¹¹. Поэтому в панкратии считалось особенно почетным, когда победа досталась атлету на основании признанного превосходства без боя (ἄκονιτί) (Paus. VI. 11. 4; Jul. Afric. Ol. 118; Plin. NH. 35. 139) [33. С. 28]. Во всех трех единоборствах не было разделений

⁸ Правило «трех падений», в соответствии с которым побеждал тот атлет, кто первым трижды сбил своего соперника с ног, при условии касания его земли плечом или бедром (Aeschyl. Eum. 589; Sen. Ben. V. 3) [30. С. 106–107].

⁹ Такую победу в Олимпии ок. 520 г. до н.э. одержал Милон из Кротона (Anth. Gr. XI. 316) [33. С. 11–12].

¹⁰ В греческой вазописи сохранилось много изображений истекающих кровью и обезображенных кулачных бойцов, со шрамами, разорванными ушами и сломанными носами [34].

¹¹ Панкратиаст Аррихион из Фигалеи погиб в Олимпии в 564 г. до н.э. (54-я Олимпиада) (Paus. VIII. 40. 1–2; Philostr. Imag. II. 6. 2–5) [7. Р. 400–402; 20. С. 300]; кулачный боец Икк из Эпидавра погиб в Олимпии в 492 г. до н.э. (72-я Олимпиада) (Paus. VI. 9. 6) [20. С. 305]; кулачный боец Кревг из Эпидамна погиб в Немее в 401 или 399 г. до н.э. (Paus. VIII. 40. 3–5).

атлетов по весовым категориям, только по возрастным группам¹², а также не существовало ограничений по времени поединка. В кулачном бою и в панкратионе поединок прекращается, как только один из двух соперников заявляет о своем намерении сдаться и, таким образом, официально признавал свое поражение, тогда как в борьбе в первую очередь значение имело «правило трех бросков» (Philostr. *Gymn.* 9).

Единоборства были одним из самых зрелищных состязаний. На крупные панэллинские игры съезжались самые знаменитые атлеты Эллады, которые демонстрировали высочайший уровень физической подготовки благодаря постоянным тренировкам и развитию атлетики. Это позволяло атлетам демонстрировать такое высокое мастерство, что лучшие из них иногда добивались успеха без особых усилий, т.е. одерживали победу «без пыли». И хотя такие победы были единичны в архаику или классику, на Олимпиадах в этот период они встречались гораздо чаще, чем на других панэллинских играх. В результате победы ἀκονίτι атлет получал почетный титул «олимпионика», оливковый венок за победу за явным преимуществом, так как его соперники не желали бороться с ним из-за его славы, силы или мастерства. Однако, такая «быстрая» победа лишала зрителей волнующего финала в том или ином виде спорта. Н. Кровтер подчеркивает, что целью игр в Греции было выявить и наградить (!) лучшего атлета, а не устраивать обязательную демонстрацию его силы на соревнованиях для публики [35. Р. 10]. В этом отношении цель античных Олимпиад отличалась от современных Олимпийских игр. В античности не было зафиксировано ни одного случая негативной реакции зрителей, которые несколько дней, а то и недель добирались до места проведения игр, когда великий атлет побеждал «без пыли», и зрители так и не увидели его в финальной схватке. Они, очевидно, не чувствовали себя обманутыми, если атлет побеждал ἀκονίτι, и с радостью приветствовали победителя¹³. Как иронично отмечает Н. Кровтер, в античности у олимпийских чиновников не было спонсоров или телевизионных боссов, с которыми им надо было считаться, если приходилось отменять важные соревнования [36. Р. 52].

Подобные правила были и на местных играх. Несмотря на то, что они нередко повторяли особенности программы и административную структуру крупных игр, существовала также значительная гибкость в решении вопросов отбора, возрастных категорий атлетов, программы игр, состава призов и др.¹⁴ Правила таких игр были четко ориентированы на местные интере-

¹² С 632 г. до н.э. (37-я Олимпиада) были введены состязания для «мальчиков» в борьбе (Paus. V. 8. 7–9), с 616 г. до н.э. (41-я Олимпиада) — в кулачном бою (Paus. V. 8. 10; Philostr. *Gymn.* 13), а с 200 г. до н.э. (145-я Олимпиада) — в панкратионе (Paus. V. 8. 11).

¹³ Н. Кровтер полагает, что хотя древние зрители выражали большое волнение во время спортивных состязаний, смотреть и развлекаться было скорее идеалом римлян, чем греков [35. С. 11].

¹⁴ О Панафинейских играх см.: [37; 38].

сы и ценности, где гораздо чаще встречаются случаи победы по счастливой случайности или по умолчанию [39. Р. 97]. Это подтверждают почетные надписи спортсменов-победителей и местных «спонсоров». Например, в указе Сиде III в. н.э. о неизвестном атлете, который, возможно, был участником одного из единоборств, есть указание, что он был награжден венком победителя в соответствии с «законами местной фемиды»; вероятно, речь шла о победе *ákovití* (IK Side 11.132)¹⁵.

Репутация атлета — залог победы «без пыли»

На Олимпийских играх атлеты получали возможность в течение нескольких дней доказать свою силу и ловкость и продемонстрировать свою прекрасную физическую подготовку. Одни из них приехали в Олимпию уже в статусе признанных «фаворитов», олимпиоников прошлых лет, другие — впервые оказались на играх. Легендарные и прославленные борцы подчас обладали более внушительным телосложением, чем их противники, и то впечатление, которое знаменитый атлет производил на своих потенциальных соперников перед соревнованиями, в конечном итоге могло стать достаточным основанием, чтобы отпугнуть последних от участия с ним в поединке. Пиндар отмечал, что великий кулачный боец Диагор с Родоса был человеком огромного роста, что вероятно устрашало его соперников (Pind. Ol. VII. 16)¹⁶. Победа неизвестного атлета-тяжеловеса была вызваны тем, что он должен был обладать таким внушительным, прямо-таки устрашающим ростом, что, как только он разделся для тренировки, все соперники снялись с соревнований. Таким образом, он победил без боя (*ákovití*) [33. S. 177]. В эпиграмме Дамагета (III в. до н.э.) некий спартанский атлет хвастается своей необычной силой (AP. XVI. 1): «Не из Мессены атлет я, и я не из Аргоса вовсе; / Спарта — отчизна моя, что прославляет мужей. / Те превосходят искусством; а я вот, — как то подобает / Лакедемона сынам, — силою выше других» (*пер. Ю. Шульца*). Репутация таких борцов, как Милон из Кротона или Феаген с Фасоса, была такова, что, как верно заметил Г. Плекет, такие атлеты «...побеждали *ákovití*, т.е. без боя, потому что все соперники отступали перед началом игр, опасаясь „суперзвезды“» [41. Р. 302]. Филон Александрийский писал, что есть атлеты, которые находятся в такой идеальной физической форме, что их противники отказываются от борьбы с ними. Такие атлеты «увенчаны» без боя, и их несравненная сила приносит им главную награду, даже если им не нужно было готовиться к борьбе (Phil. Quod deter. 29) [13. Р. 18. No. 71]. Таким образом, то впечатление, которое знаменитый атлет производил

¹⁵ IK — Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien.

¹⁶ Диагор, сын Дамагета с Родоса, прославленный борец, периодоник. В Олимпии ему была поставлена статуя скульптора Калликла [7. Р. 119–120; 17. Р. 51; 40. С. 64–65].

на других потенциальных участников перед началом соревнований, в конечном итоге могло отпугнуть последних от поединка с ним. Следует, отметить, что атлеты, которые были уже «зарегистрированы» для участия в играх Олимпиады, не могли отказаться от выступления, иначе им грозил крупный штраф [35. Р. 10]. И победа *ἄκοντι*, таким образом, была для них прекрасным выходом из положения.

Одним из самых легендарных атлетов древности был Феоген с Фасоса, острова в северной части Эгейского моря [7. Р. 120–122; 17. Р. 163; 19. Р. 163; 20. С. 306; 40. С. 66]. Его карьера стала примером невероятного спортивного долголетия. Можно предположить, что Феоген все еще выступал в свои сорок с лишним лет, поскольку источники утверждают, что он оставался непобедимым в кулачном бою в течение 22 лет (Syll³ 64A) [36. Р. 141]. Феоген одержал победу на 75-й Олимпиаде (480 г. до н.э.) в кулачном бою, а на 76-й Олимпиаде (476 г. до н.э.) — в панкратионе. В память о своих олимпийских победах он даже назвал своего сына Диолимпосом (букв. «Дважды в Олимпии») [7. Р. 121]. В Альтисе ему была установлена статуя работы скульптора Главкия из Эгины (Paus. VI. 11. 3). Три раза в кулачном бою Феоген побеждал на Пифийских играх и по девять раз — на Истмийских и Немейских играх. В 486 г. до н.э. ему удалось на Истмийских играх победить в один день и в кулачном бою, и в панкратионе! Поскольку эти изнурительные соревнования были запланированы в программе одно за другим, совместная победа в кулачном бою и в панкратионе случалась редко и приносила борцу дополнительную славу [42. Р. 107; 43. Р. 278–281].

Надпись Феогане в Дельфах датируется ок. 370–365 гг. до н.э. (Syll³ 64A), хотя Феоген одержал свои победы примерно на столетие раньше. Особо в ней выделены панэллинские победы Феогена — в частности, подчеркивается, что «ни один человек не был увенчан победой в Олимпии, как ты, и в боксе, и в панкратионе». Также в ней указано, что «из трех венков, завоеванных тобой в Дельфах, одна была получена *ἄκοντι*, ибо никто из смертных не стремился к ней». И особо выделен истмийский «дубль» Феогена, когда только его, «одного из всех смертных» на собрании глашатай объявил дважды в один и тот же день победителем — в кулачном бою и в панкратионе. Таким образом, одна из пифийских побед Феогена была также одержана *ἄκοντι*, по причине того, что ни один из соперников Феогена не вышел на бой против него из-за его выдающейся репутации. Это был высший признак успеха легендарного атлета.

Феоген принимал участие не только в единоборствах, но и в состязаниях бегунов на длинную дистанцию на играх в Аргосе, а также в метании копья на Пифийских играх — и на всех стал победителем (Paus. VI. 9. 2). В дельфийской надписи Феогена также сообщается, что он дважды одержал победу в длинном беге. Интересно, что одна из этих побед была одержана в Фессалии (Центральная Греция), где он стремился превзойти в беге

«быстроногого» Ахилла, участвуя в забеге на родине легендарного героя (Syll³ 64A; ср.: Paus. VI. 9. 2). Н. Кровтер отмечал, что тот факт, что спортсмен, специализирующийся на единоборствах без ограничений по весу, смог выиграть длинный бег, свидетельствует о его большой разносторонности и амбициозности [36. Р. 140].

Феаген одержал множество побед на различных местных играх (Dio Chrys. XXXI. 95–97; Plut. Moral. 811d–e; Luc. Deor. Coun. 12; Paus. VI. 6. 5–6; VI. 9. 2; VI. 11. 2–9; VI. 15. 3; Athen. X. 412d–e; SIG³ 36A, Moretti, no. 21; 23, 37) [19. Р. 163]. Павсаний пишет о 1400 победных венках Феагена (Paus. VI. 11. 5), но Плутарх сообщает о 1200 венках (Plut. praes. rei publ. ger. 15. 7), а в надписи на базе статуи атлета в Дельфах речь идет о 1300 венках (Syll³ 36A). В любом случае, Феагену приписывается огромное количество побед на местных играх, число которых подчас подвергается критике. Н. Кровтер отмечает, что количество его побед может быть явным преувеличением, особенно из-за короткого сезона судоходства в Греции. Действительно, Феагену потребовалось бы значительное время находиться в пути, чтобы добраться до широко разбросанных по эллинскому миру праздников, которых в то время, вероятно, насчитывалось несколько сотен. Но, подобно успешным современным спортсменам, он мог выбирать, в каких соревнованиях ему стоило участвовать. Н. Кровтер полагает, что выиграть так много поединков на соревнованиях по единоборствам в современном мире было бы практически невозможно, но в Древней Греции можно предположить, что Феаген одержал так много побед из-за отсутствия реальной конкуренции на местных играх, когда его противники отступали из-за его выдающейся репутации, т.е. это были победы *ákovití* [36. Р. 140–141].

Панкратиаст Дорией с Родоса, периодоник, сын прославленного борца Диагора, превзошел победами всех членов своей легендарной семьи. Его отец Диагор был первым из династии спортсменов-единоборцев. В 464 г. до н.э. Диагор победил на 79-й Олимпиаде в кулачном бою. Начиная с 470 г. до н.э. он четыре раза побеждал на Истмийских играх, два — на Немейских, один раз на Пифийских играх. Его победы на панэллинских играх и на праздниках в Афинах, Аргосе, Беотии, Мегарах и других городах воспел в хвалебной оде Пиндар (Pind. Ol. VII). Старшие сыновья Диагора одержали свои олимпийские победы в один день на 83-й Олимпиаде (448 г. до н.э.). Акусилаи победил в кулачном бою, а Дамогет второй раз стал победителем в панкратионе¹⁷. Их младший брат Дорией, кулачный борец и панкратиаст, в одиночку одержал почти столько же побед, сколько его отец и братья вместе взятые: три победы в Олимпии (87–89 Олимпиады = 432–424 гг. до н.э.), четыре — на Пифийских играх (один раз «без пыли»), восемь — на Истмийских играх, семь — на Немейских играх, а также многократно на местных играх (Paus.

¹⁷ Первый раз Дамагет победил в панкратионе на 82-й Олимпиаде (452 г. до н.э.) [20. С. 309].

VI.7. 1–5)¹⁸. Во время Пелопоннесской войны Дорией сражался против Афин, но, когда попал к афинянам в плен, был освобожден в знак признания его спортивных побед. Его репутация великого борца помогла ему в первый раз избежать смерти. Однако во второй раз, когда он попал в руки спартанцев, а его родной Родос был тогда союзником Афин, Дорией был предан смерти (Thuc. III. 8. 1; Xen. Hist. I. 5. 19) [20. С. 311].

Знаменитый панкратиаст Астианакт из Милета (IV в. до н.э.) трижды побеждал в Олимпии (114–116 Олимпиады = 324–316 гг. до н.э.). Астианакт был самым могучим борцом в панкратионе среди современников; также он выступал и в кулачном бою [17. Р. 18]. Как и о многих спортсменах-тяжеловесах, о нем ходили легенды из-за его роста и обжорства. Приглашенный на обед персом Ариобарзаном, он съел еду, рассчитанную на девятых мужчин, а когда его попросили спеть за ужином, отломил от кушетки бронзовое украшение в форме чечевицы и голыми руками расплющил его (Athen. X. 413AC). Имя Астианакта часто упоминали авторы комедий, например, Менандр в комедии «Льстец» (Menand. Colax, 100). В схолиях к этой комедии подчеркивается, что Астианакт превосходит любого другого панкратиаста своего времени (Р.Оху. III, 409). Похоже, что другие панкратиасты были очень хорошо осведомлены об этом факте, поскольку Астианакс, как говорят, выиграл весь период «без остатка» (ἀκοκίτη), что означает, что у других спортсменов не хватило смелости соревноваться с ним или даже появиться на состязаниях в его присутствии [44. Р. 100; 45. Р. 68]. Возможно, что Астианакт был уникальным борцом и непревзойденным периодоником, который победил весь «период» «чистыми» победами, т.е. ἀκοκίτη.

Победа «без пыли» из-за страха противника

Внешний вид грозного соперника, наглядно демонстрировавшего силу и физическое превосходство, мог заставить его противника сдаться без боя, чтобы не столкнуться с серьезными травмами в процессе поединка и унижением от поражения после него. Так, в борьбе перелом пальцев рук не считался допустимым приемом [46. Р. 20]. Э.В. Янзина отмечает, что в 80-х гг. XX в. на территории Олимпии был найден декрет (кон. VI в. до н.э.), согласно которому борцам было запрещено «выполнять болевые рычаги пальцев рук», более того, судьям было разрешено наказывать провинившегося борца — бить его прутом (SEG. LVIII. 541) [30. С. 113]. Однако, уже в 1-й пол. V в. до н.э. эти правила не всегда соблюдались.

¹⁸ На 94-й Олимпиаде (404 г. до н.э.) две победы в кулачном бою одержали внуки Диагора: старший внук Эвкл победил во взрослой группе бойцов, а младший Пейсирод — в категории «мальчиков» [7. Р. 120; 20. С. 313].

Борец Леонтиск из Мессены (Сицилия) дважды победил на Олимпийских играх (81–82-я Олимпиады = 456–452 гг. до н.э.) и один раз на Пифийских играх [20. С. 309]. Павсаний пишет, что Леонтиск побеждал своих противников не бросками, а ломая им пальцы рук (Paus. VI. 4. 3)¹⁹. Техника болевых приемов еще чаще встречалась в панкратионе. Знаменитый перифоник, Сострат из Сикиона по прозвищу «Акрохерсит» (Аκροχέρσιτης — букв. «Палечник»), захватив пальцы рук своего соперника, начинал их ломать, и не отпускал до тех пор, пока тот не признавал себя побежденным²⁰. Таким способом он двенадцать раз победил на Немейских и Истмийских играх, дважды в Дельфах и трижды в Олимпии (104–106-е Олимпиады = 364–356 гг. до н.э.) (Paus. VI. 4. 1–4) [20. С. 316–317]. Обоим атлетам были поставлены статуи в Олимпии, о которых пишет Павсаний²¹, а изображение Сострата чеканили на монетах Сикиона (Paus. VI.4.1–3). Имея такую репутацию, оба атлета легко одерживали «чистую победу», т.е. ἀκονίτι [48. С. 224]²².

Травмы могли надолго вывести атлета из строя, и привести к тому, что он не смог бы выступать на будущих играх, которые он планировал посетить. Особенно это было важно для тех атлетов, которые принимали участие не только в «играх венка»²³, но и в местных играх с ценными призами [3; 4]. В 218-ю Олимпиаду (93 г. н.э.) кулачный боец Аполлоний из Александрии по прозвищу Рантес опоздал к началу игр в Олимпии. Он оправдал свою задержку встречными ветрами, которые задержали его при пересечении Киклад: «Он прибыл не в назначенный срок, и элейцы, на основании своего закона, не внесли его в списки и не допустили до состязаний, а его оправдание, будто в Кикладских островах он был задержан встречными ветрами, было уличено как обманное Гераклидом, тоже родом из Александрии, который показал, что Аполлоний опоздал потому, что останавливался, зарабатывая деньги на состязаниях в Ионии» (Paus. V. 21. 14. Здесь и далее перевод С.П. Кондратьева). В этих условиях Аполлоний и все участники соревнований, которые не присутствовали на играх

¹⁹ «Безусловно, подобная техника ведения боя была совершенно не зрелищной, но тем не менее она позволяла атлету добиться столь желанного успеха» [30. С. 113].

²⁰ «Рычаг пальцев является очень эффективным способом подчинения противника. Он не требует применения большой физической силы. Нужна лишь быстрота и ловкость» [47. С. 504–505].

²¹ Статуи Сострата и Леонτισка стояли недалеко друг от друга. Статуя Леонτισка была выполнена скульптором Пифагором из Регия (Paus. VI. 4. 2).

²² Х. Харрис считал, что ломание пальцев было запрещено, так как в дальнейшем не упоминаются победы, достигнутые в результате этого болевого приема [28. Р. 103].

²³ Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры входили в так называемые «игры венка» (στέφανιται — букв. «награждающие победителя венком»). Наградой на этих праздниках был венок из листьев или ветвей священного растения того божества, которому были посвящены игры [2].

в соответствии с правилами, отстранялись от участия в соревнованиях. А победа *ἄκοντι* была отдана другому атлету, Гераклиду из Александрии, который разоблачил обман Аполлония, без его участия в поединке (*ἄκοντι*). Вzbешенный Аполлоний бросился избивать своего соперника, за что, как отмечает Павсаний первым из египтян, был подвергнут большому штрафу (Paus. V. 21. 12–14). Конкуренция, которая на местных играх была не такой острой, означала, что менее именитые атлеты могли надеяться на них на победу или почетное место, а также на ценные награды: на местных играх соединялись и вкус к победе, присущий эллинской атлетике, и экономические интересы спортсмена. Финансирование тренировок и поездки с одного соревнования на другое обходились дорого, до такой степени, что некоторые атлеты вынуждены брать займы у своих тренеров [13. Р. 20–21]. Каждый спортсмен стремится оптимизировать свои шансы на успех, и, в меру своих возможностей, участвовать в соревнованиях, в которых у него были больше возможностей победить.

Кроме того, страх поражения, возможных травм и унижения, которое они могли испытать от сограждан, также могли вынудить атлета пытаться избежать поединка с противником, заведомо превосходящим его по физическим качествам. Из-за осознания того, что у него нет шансов против явного «фаворита», атлет мог «уступить» ему победу, не потеряв при этом свое достоинство. Это охраняло его от неминуемых травм, которые были возможны при поединке с более сильным противником, и не было так унижительно, как проигрыш. Однако, подчас случались и курьезные ситуации. В 201-ю Олимпиаду (25 г. н.э.) Сарапион, панкратиаст из Александрии, был оштрафован за трусость. Он так испугался своих соперников, что сбежал еще до боя! «Говорят, что панкратиаст из Александрии — имя ему было Сарапион — в 201-ю олимпиаду настолько испугался своих соперников, что за день до объявления о начале панкратия собирался обратиться в бегство. Это был единственный человек из всех, не говоря уже, что он был единственный из египтян, о ком сохранилась память, что он был оштрафован за трусость» (Paus. V. 21. 7) [17. Р. 151]. Сократ заявлял о том, что атлетически сложенный мужчина, способный завоевать венки на играх и почести для себя и своего полиса, будет считаться слабым трусом, если откажется от участия в соревнованиях (Xen. Mem. III. 7. 1). Соперник Сарапиона одержал победу *ἄκοντι*, победу, достигнутую спортсменом без боя из-за отсутствия соперника [6. Р. 11]. И Аполлоний и Сарапион были оштрафованы на большие суммы, часть которых пошла на установление бронзовых статуй Зевса (Занов)²⁴.

²⁴ О Занах см.: [49].

Победа из-за нарочитого прессинга

Ж.-М. Робино подчеркивает, что в единоборствах часто решающее значение имел момент жеребьевки [13. Р. 18]. Так как спортсмены выступали обнаженными, то и на жеребьевку (или тренировку) являлись без одежды, и если это позволяла их физическая форма, то могли только одним своим внешним видом полностью сломить мужество своих противников [32. Р. 110]. Поскольку между каждым этапом борьбы проводилась новая жеребьевка, то демонстрация физического превосходства такого тяжеловеса повторялась несколько раз за время соревнования. Впечатление от телосложения противника, которое могло быть усилено зрелищем его последнего боя, подчас приводило атлетов к необходимости признать безоговорочную победу противника [13. Р. 18–19]²⁵. Ж.-М. Робино приводит примеры некоторых спортивных надписях эпохи римской империи, где упоминается тот момент, когда победивший атлет сумел сломить волю своих потенциальных противников и заставить их сдаться [13. Р. 19; 50. S. 110–112]. Уникальной является надпись в честь победы борца Тиберия Клавдия Марциана из Антиохии в Писиде, из которой сохранились только первые восемнадцать строк. В ней речь идет о победе атлета, который, только раздевшись, заставил своих противников сдаться: «Когда он разделся, его противники попросили, чтобы их сняли с соревнования» [13. Р. 19; 7. Р. 106; 33. S. 11–12; 51. Р. 287. № 12]. Подробный отчет о достижениях панкратиаста Марка Аврелия Асклепиада Дамасского на основании статуи, найденной в Риме, показывает, что такая победа может быть совершена на разных этапах состязаний. Победитель с гордостью заявляет, что «остановил своих противников либо до того, как началась жеребьевка [для составления пар], либо во время жеребьевки второго или третьего раунда» (IG XIV, 1102) [32. Р. 106, lin. 13–14; 42. Р. 107]. Марк Аврелий Асклепиад из Александрии, знаменитый борец и панкратиаст (II в. н.э.), периодоник в панкратионе, помимо победы в Олимпии, побеждал на Пифийских играх, дважды — на Истмийских и дважды — на Немейских играх, а также на многих местных играх в состязаниях «среди трех народов: Италии, Греции и Азии» [7. Р. 126; 17. Р. 22; 20. С. 329; 43]. Он был настолько грозным панкратистом, что, увидев его выступление в первых раундах турнира, его потенциальные соперники предпочли не встречаться с ним в поединке («останавливал своих противников после первого раунда») (IG 14 1102–1104) [7. Р. 125–127]. Агонистическая надпись из Смирны в честь Марка Аврелия Антония, чья карьера развивалась в период 160–180 гг. до н.э., напоминает об идентичном эпизоде, произошедшем во время жеребьевки второго тура: во время состязаний, проходивших в Смирне, атлет буквально «остановил» своих соперников (ἵσταναι) [32. Р. 105, lin. 13–14; 13. Р. 19]. О других единоборцах-победителях известно, что из-за их включения в список

²⁵ О процедуре жеребьевки см.: [Luc, Herm, 39–41].

состязаний все атлеты отказались от участия в соревнованиях, и в результате им была присуждена победа «без пыли» [32. С. 110; 51. Р. 287. No 12; 9. Р. 77].

Самым знаменитым борцом Эллады по праву считался Милон из Кротона, сын Диотима. Он был учеником Пифагора, который разработал особую систему подготовки атлетов (Strab. VI. I. 12). Слава Милона в Элладе была недостижима, по количеству его побед с ним не мог сравниться ни один атлет древности²⁶. Впервые Милон победил на Олимпийских играх в категории «мальчиков» (60-я Олимпиада = 540 г. до н.э.) [52. С. 32–33], а с 532 по 520 (516?) гг. до н.э. Милон был победителем среди взрослых борцов пять (шесть?) Олимпиад подряд [31. Р. 29]. Кроме того, Милон семь раз побеждал на Пифийских играх, и по десять раз на Истмийских и на Немейских играх, и многократно — на других местных играх (V в. до н.э.)²⁷. Пять раз он становился периодоником в борьбе [28. Р. 111; 29. Р. 59; 53. Р. 119]. На панэллинских играх он одерживал победы на протяжении как минимум 24 лет (536–512 гг. до н.э.). История побед Милона кратко изложена у Павсания (Paus. VI. 14. 5–8) и у других авторов (Ael. HN. II. 24; Diod. XII. 9. 5–6). Свою олимпийскую карьеру Милон завершил на 67-й Олимпиаде (512 г. до н.э.). Он в седьмой раз попытался завоевать олимпийский венок, будучи уже, видимо, в возрасте, по меньшей мере, сорока лет, и потерпел поражение в финале борьбы от панкратиста и борца Тимасифея из Кротона (Paus. VI. 14. 5) [7. Р. 117–119; 19. Р. 50; 31. Р. 29–32].

Статую Милона для Олимпии изваял его соотечественник кротонский скульптор Дамей. Утверждали, что Милон принес в Альтис эту статую на своих плечах (Paus. VI. 14. 6; Diod. XII. 9. 5–6; AP. XVI. 24). Автором стихов на пьедестале его статуи, фрагменты которых были найдены во время раскопок в Олимпии, был не кто иной, как один из самых известных греческих поэтов Симонид Кеосский, который подчеркнул, что Милон из Кротона одержал в Олимпии семь побед, ни разу не упав на колени (Anth. Gr. XVI. 24) [30. С. 110]. Репутация атлета была такова, что нет ничего удивительного в том, что именно с Милоном произошел случай, когда на играх в Олимпии ок. 520 г. до н.э. (65-я Олимпиада?) он остался единственным участником соревнований, и ни один борец не захотел встретиться с ним лицом к лицу в поединке. Вследствие этого Милон победил «без пыли». Когда он вышел вперед, чтобы заявить о своей бесспорной победе, то поскользнулся и упал

²⁶ Из атлетов античности с Милоном мог сравниться только Гиппосфен из Спарты, который был первым олимпиоником в борьбе среди «мальчиков» (37-я Олимпиада = 632 г. до н.э.). Позже он побеждал среди взрослых атлетов на пяти Олимпиадах подряд (39–43 Олимпиады = 624–608 гг. до н.э.) [20. С. 298–299]. Его сын Гетеймокл одержал в общей сложности пять олимпийских побед (44–48 Олимпиады = 604–588 гг. до н.э.), на 44-й Олимпиаде победив в борьбе среди «мальчиков», а на 45–48 Олимпиадах — среди взрослых борцов (Paus. III. 15. 7) [20. С. 299–300].

²⁷ Количество побед Милона на местных играх неизвестно [53. Р. 99].

на колени. Знаменитый поэт Лукиллий, современник римского императора Нерона, описал этот случай в своей эпитагме. Он утверждал, что Милон все-таки коснулся коленом земли (АР. XI. 316; А 33), а толпа кричала, что его не следует короновать, поскольку он упал. Тогда Милон встал посреди толпы и крикнул в ответ, что это было не третье падение, а упал он только один раз. Однако, главное в этой истории то, что это была победа *ákovití*. Возможно, что в эпитагме Лукиллия, хоть и в комической форме, описан реальный эпизод биографии Милона, который мог быть связан с травмой атлета, полученной им в предыдущих раундах, когда он поскользнулся и упал по пути за своим победным венком [54. Р. 192].

Таким образом, атлет также мог одержать победу *ákovití*, если противники признавали его превосходство и отступали, чтобы избежать травм. Такая победа считалась почетной, так как являлась результатом репутации атлета и его мастерства [11. Р. 62]! Также это случалось и в тех случаях, когда спортсмен был единственным участником соревнований.

Победа «без пыли» по умолчанию

Однако победа *ákovití* могла произойти не только по причине того, что против прославленного атлета никто из соперников не решался выйти на бой. Такая победа могла произойти и по другой причине, например, если из состязаний по той или иной причине выбывал явный фаворит. Одна из таких побед имела место на 75-й Олимпиаде (480 г. до н.э.), когда в панкратионе победителем «без пыли» был объявлен Дромей из Мантинеи. Этот случай представляет интерес, так как победителем Дромей стал не столько благодаря своим заслугам, сколько из-за отказа явного фаворита Феагена с Фасоса, вступить в борьбу за титул олимпийщика. Поскольку все единоборства (борьба, кулачный бой и панкратион) были запланированы в программе Олимпийских игр в один день, совместная победа в кулачном бою и в панкратионе случалась редко [43. Р. 278–281]. А так как это были крайне изнурительные соревнования, то победа в них приносила дополнительную славу [42. Р. 107]. На 75-й Олимпиаде Феаген заявил себя не только в панкратион, но и в кулачный бой, в финале которого он встретился с еще одним великим борцом — Евфимом, сыном Астиклея из Локр (Paus. VI. 6. 5–6; VI. 11. 4)²⁸. Два великих борца сошлись в финальном поединке, в котором Феаген с большим трудом одолел Евфима (Paus. VI. 6. 4–11) [7. Р. 26]. Однако, Евфим настолько измотал своего противника, что достойно выступить в панкратионе Феаген уже не смог. Возможно, что Феаген был травмирован, или просто потерял слишком много

²⁸ Евфим из Локр, сын Астиклея был победителем в кулачном бою на предыдущей, 74-й Олимпиаде (484 г. до н.э.). Он также станет победителем на 76-й и 77-й Олимпиадах (476 и 472 гг. до н.э.) (Paus. VI. 6. 4) [7. Р. 122–123; 17. Р. 26; 19. Р. 163; 20. С. 305–306; 54. Р. 192].

сил. А так как панкратион шел вслед за кулачным боем, то это не позволило Феагену достойно выступить в нем²⁹. Феагену пришлось отказаться от финальной схватки в панкратионе с Дромеем и впервые в этом виде единоборств судьи присудили победу «без пыли» (Paus. VI. 9. 2; VI. 11. 4)³⁰.

Таким образом, атлет мог выиграть *ἀκovićí* по счастливой случайности или в результате выбывания соперника из-за травмы или по другой причине [11. Р. 62]. Феаген предоставил Дромее легкую победу, о которой писал Павсаний. Павсаний считал такой вид победы бесполезной и о таких победах предпочитает не говорить, или говорить мало: «Но даже не о всех тех, статуи которых здесь стоят, я буду говорить, хорошо зная, что многие из них получили победную маслину случайно, волею жребия, а не за свою силу. Но я расскажу лишь о тех, которые или сами <чем-либо> особенно прославились или чьи статуи сделаны лучше других» (Paus. VI. 1. 1). Интересно, что, достаточно подробно описав карьеру Феагена, Павсаний почти ничего не пишет о Дромее, кроме упоминания его победы, да и то в перечне побед Феагена³¹. Феаген сам отказался от борьбы, но не потому что был «испуган» силой Дромея или знал о его репутации великого борца, которая внушала ему страх или уважение, а по тому, что затратил слишком много усилий на равного ему по моще борца Евфима. Победы «без пыли», как подразумевал Павсаний, должны доставаться только тем, кто в любом случае победит. Дромее победить помог отказ Феагена, который был признан олимпийскими властями недостойным победы и не только оштрафован, но и лишен возможности участвовать в соревнованиях по кулачному бою на следующей Олимпиаде (Paus. VI. 6. 6).

Заключение

Таким образом, победа «без пыли» — это была победа за явным преимуществом атлета, фаворита состязаний, которая могла произойти в результате целого ряда причин. Чаще всего в ее основе было впечатление от грозной

²⁹ Интересно, что в 212 г. до н.э. (142-я Олимпиада) знаменитый борец Клитомах из Фив заявил себя в панкратион и в кулачный бой. Поэтому, он обратился к судьям с просьбой, поставить состязание в панкратионе до кулачного боя, так как считал, что в последнем может получить серьезные травмы и это помешает ему победить в панкратионе. Судьи сочли его требования справедливыми и провели панкратион до кулачного боя. Однако эта предосторожность не помогла Клитомаху одержать победу в панкратионе, в котором он был побежден Капром (Paus. VI. 15. 3).

³⁰ Феаген смог стать олимпиоником в этой дисциплине на 76-й Олимпиаде (476 г. до н.э.) (Paus. VI. 9. 2; VI. 11. 4) [20. С. 306].

³¹ «Тогда победу в панкратии, говорят, получил мантинеец Дромей, первым, насколько мы знаем, без боя; а в следующую олимпиаду в панкратии одержал верх Феаген. У него были и на Пифийских состязаниях три победы, все в кулачном бою, девять на Немейских состязаниях и десять на Истмийских, вместе в панкратии и в кулачном бою» (Paus. VI. 11. 2).

репутации атлета, как правила борца тяжеловеса, с которым его соперники не решались вступать в поединок. Это подчас приводило к тому, что такой борец становился единственным участником состязаний. Подчас атлеты-тяжеловесы на тренировках или жеребьевках специально так запугивали своих соперников своим ростом и телосложением, что те отказывались от поединка еще до схватки. Победа «без пыли» давала возможность атлетам избежать травм, возможных при получении в схватке с более сильным борцом и продолжить свою карьеру на местных играх с ценными призами. Также победа «без пыли» позволяла избавиться от страха позора и унижения, который сопровождал проигравшего состязания атлета, и сохранить достоинство перед зрителями и родственниками. Отдельные случаи показывают, что победа не всегда доставалась сильнейшему атлету. Иногда именно фаворит по какой-либо причине выбывал из состязания, и тогда победа доставалась его менее известному сопернику без боя.

Список литературы

1. *Пантелеев А.Д., Поникаровская М.В.* Греческая атлетика в Малой Азии и Египте римского времени (II–III вв.) // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций : сб. статей. СПб., 2023. С. 293–301. <https://doi.org/10.31119/berst.2023.3.23> EDN: CFUIBQ
2. *Гвоздева Т.Б., Дурново М.В., Никишин В.О.* Награды на панэллинских играх (перевод, вступительная статья и комментарии) // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013. С. 296–311.
3. *Гвоздева Т.Б.* Награды на Панафинейских играх (вступительная статья, перевод и комментарий) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 3. С. 85–95. EDN: RANFTF
4. *Булычева Е.В.* Награды победителей игр в Древней Аттике и в Северном Причерноморье // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013. С. 280–295. EDN: SDGSOZ
5. *Гвоздева Т.Б.* Атлеты Древней Греции — вкус победы // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2024. № 2–3. С. 36–65. <https://doi.org/10.24412/2408-9451-2024-2-3-36-65> EDN: PHUHBB
6. *Scanlon T.F.* Eros and Greek Athletics. Oxford : Oxford University Press, 2002. 468 p.
7. *Poliakoff M.B.* Combat Sports in the Ancient World. Competition, Violence and Culture. New Haven, 1987. 202 p.
8. *Reisch E.* Ακονίτι // Paulys Real-Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart 1893–1980. Bd. 1. (1894). S. 1178.
9. *Jüthner J.* Akoniton — akoniti // Glotta. 29. 1942. P. 73–77.
10. *Robert L.* Deux inscriptions agonistiques de Rhodes // Archaiologikè Ephéméris. 1966. P. 108–118.
11. *Sweet W.E.* Sport and recreation in Ancient Greece. A Soucebook with Translations. Oxford, 1987. 302 p.
12. *Crowther N.B.* Victories without competition in the Greek games // Nikephoros. Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum. Bd. 14. 2001. P. 29–44.
13. *Roubineau J.-M.* Quand l'important était de gagner: Indignité de la défaite et stratégies athlétiques en Grèce ancienne // Revue belge de philologie et d'histoire. T. 94. Fasc. 1. 2016. Antiquité — Ouheid. P. 5–26.

14. Гвоздева Т.Б. Греческие пятиборцы: путь к победе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 369–383. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-369-383> EDN: IWJBZN
15. Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma, 1953. 286 p.
16. Янзина Э.В., Корнеев О.В. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. 20. С. 1143–1161. EDN: WJDNPR
17. Golden M. *Sport in the ancient world from A to Z*. London, N.Y., 2004. 184 p.
18. Рушкин И.П. Филострат. О гимнастике. (Перевод с древнегреческого и комментарий) // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2022. Т. XXVI. С. 63–105. https://doi.org/10.53084/22209050_2022_26_63 EDN: RUUSXC
19. Miller S.G. *Ancient Greek Athletics*. New Haven; London, 2004. 288 p.
20. Гвоздева Т.Б. Хронология Олимпийских игр (от античности до наших дней) // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности) / отв. ред. В.О. Никишин. СПб. : Алетей, 2021. С. 292–424. EDN:TVHRCN
21. Ebert J. *Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen*. Berlin, 1972. 280 p.
22. Гвоздева Т.Б. Греческий пентатлон: состав, участники, итоги // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: материалы науч. конф. «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2023. С. 112–132. EDN: PSBBYD
23. Гвоздева Т.Б., Логинов А.В. Суд и судейство Ахилла на погребальных играх в «Илиаде» Гомера // Древний восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. 2018. Вып. 8. С. 122–146.
24. Гвоздева Т.Б. Правонарушения на погребальных играх в «Илиаде» Гомера // Современный юрист. 2017. № 2 (19). С. 108–120. EDN: YURQTN
25. Kelly A. Akhilleus in control? Managing oneself and others in the funeral games // conflict and consensus in early Greek hexameter poetry / eds. by P. Bassino, L.G. Canevaro, B. Graziosi. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 87–108.
26. Richardson N. *The Iliad. The commentary* / ed. by G.S. Kirk. Vol. VI. Books 21–24. Cambridge, 1985.
27. Timothy P.J. Perry sport in the Early Iron Age and Homeric Epic // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / eds. by P. Christesen, D.G. Kyle. Wiley-Blackwell, 2014. P. 53–67.
28. Harris H.A. *Greek athletes and athletics*. London, 1964. 244 p.
29. Swaddling J. *The Ancient olympic games*. London, 2008. 80 p.
30. Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // Вестник древней истории. 2014. № 1 (288). С. 102–131. EDN: RZHILV
31. Kyle D.G. Greek athletic competitions: The Ancient olympics and more // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity / eds. by P. Christesen, D.G. Kyle. Wiley-Blackwell, 2014. P. 21–35.
32. Robert L. *Inscription agonistique de Smyrne* // Hellenica: recueil d'épigraphie, de numismatique et d'antiquités grecques. Vol. VII. Paris, 1949. 254 p.
33. Ramba D. *Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike*. PhD. Göttingen, 2014. 277 s.
34. Янзина Э.В. Античный кулачный бой. Опыт интерпретации греческих и латинских терминов // Discipuli Magistro: к 80-летию Н.А. Фёдорова. М., 2008. С. 292–232.

35. Crowther N.B. The spirit of competition (Agon) in the Olympic games: from the Ancient to the modern world // *Cultural Imperialism in Action: Critiques in the Global Olympic Trust* / eds. by N. Crowther, R. Barney, M. Heine. London, 2006. P. 1–18.
36. Crowther N.B. *Sport in Ancient Times*. London, 2007. 208 p.
37. Гвоздева Т.Б. Эрихтоний или Тесей — кто основал Панафиней? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. 2021. С. 259–268. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-259-268> EDN: THPKDV
38. Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. 2022. С. 243–256. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256> EDN: CFTTOE
39. Papakonstantinou Z. *Sport and Identity in Ancient Greece*. Routledge : Lnd., N.Y., 2019. 221 p.
40. Гвоздева Т.Б. Олимпионики древней Эллады — «вторые после Геракла» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2016. № 4. С. 59–72. EDN: XXAVBV
41. Pleket H.W. Sport and Leibesübungen in der griechischen Welt des hellenistisch-römischen Zeitalters // ed. by H. Überhorst. *Geschichte der Leibesübungen*. Berlin, München, Frankfurt, 1972–1988. Bd. 2. P. 280–311.
42. Pleket H.W. Inscriptions as Evidence for Greek Sport // *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity* / eds. by P. Christesen, D.G. Kyle. Wiley-Blackwell, 2014. P. 98–111.
43. Strasser J.-Y. La carrière du pancratiaste Markos Aurelios Demonstratos Damas // *Bulletin de correspondance hellénique*. 2003. Vol. 127. № 1. P. 251–299.
44. Decker W. *Antike Spitzensportler. Athletenbiographien aus dem Alten Orient, Ägypten und Griechenland*. Hildesheim: Arete Verlag, 2014. 201 p.
45. Scharff S. *Hellenistic athletes: agonistic cultures and self-presentation*. New York, NY: Cambridge University Press, 2024. 384 p.
46. Miller S.G. *Arete. Ancient Writers, Papyri, and Inscriptions on the History and Ideals of Greek Athletics and Games*. Chicago, 1979. 235 p.
47. Янзина Э.В. Панкратион. К вопросу об интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // *Вопросы классической филологии*. 2010. Вып. 15. С. 494–513.
48. Селиванова Л.Л. Бык, Александрийский верблюд и другие атлеты // *Адам и Ева*. 2013. № 21. С. 216–240. EDN: YOEXCR
49. Herrmann H.-V. Zanes // *Paulys Real-Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart 1893–1980. 1974. Suppl. 14. S. 977–981.
50. Gaebler H. Die Losurne in der Agonistik // *Zeitschrift für Numismatik*. Bd. 39. 1929. S. 271–312.
51. Anderson J.G.C. Festivals of Mên Askaēnos in the Roman Colonia at Antioch of Pisidia // *Journal of Roman Studies*. 1913. Vol. 3. № 2. P. 267–300.
52. Гвоздева Т.Б. Возрастные категории атлетов на Олимпийских играх античности // *Современный юрист*. 2019. № 3 (28). С. 28–37. EDN: HTXQVD
53. Olivova V. *Sports and games in the Ancient world*. London, 1984. 207 p.
54. Kyle D. *Sport and spectacle in the Ancient world*. Malden, MA, 2007. 376 p.

References

1. Panteleev AD, Ponikarovskaya MV. Greek athletics in Asia Minor and Egypt in Roman times (II–III centuries). In: *Vizantiya, Evropa, Rossiya: sotsial'nye praktiki i vzaimosvyaz' dukhovnykh traditsii: sb. statei*. Saint Petersburg, 2023, p. 293–301. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/berst.2023.3.23> EDN: CFUIBQ

2. Gvozdeva TB, Durnovo MV, Nikishin VO. Awards at the panhellenic games (translation, introductory article and comments). In: *Olimpiiskie igry v politike i kul'ture*. Moscow, 2013, p. 296–311. (In Russ.).
3. Gvozdeva TB. Awards at the panathenaic games (introductory article, translation and commentary). *RUDN Journal of World History*. 2013;(3):85–95. (In Russ.). EDN: RANFTF
4. Bulychева EV. Awards of the winners of the games in Ancient Attica and the Northern Black Sea coast. In: *Olimpiiskie igry v politike i kul'ture*. Moscow, 2013, p. 280–295. (In Russ.). EDN: SDGSOZ
5. Gvozdeva TB. Athletes of Ancient Greece — the taste of victory. *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo*. 2024;(2–3):36–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2408-9451-2024-2-3-36-65> EDN: PHUHBB
6. Scanlon TF. *Eros and Greek Athletics*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
7. Poliakoff MB. *Combat Sports in the Ancient World. Competition, Violence and Culture*. New Haven, 1987.
8. Reisch E. Ακοντί. In: *Paulys Real-Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894;(1):1178.
9. Jüthner J. Akoniton — akoniti. *Glotta*. 1942;(29):73–77.
10. Robert L. Deux inscriptions agonistiques de Rhodes. *Archaiologikè Ephéméris*. 1966;108–118.
11. Sweet WE. *Sport and Recreation in Ancient Greece. A Sourcebook with Translations*. Oxford, 1987.
12. Crowther NB. Victories without competition in the Greek games. *Nikephoros. Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum*. 2001;(14):29–44.
13. Roubineau J-M. Quand l'important était de gagner: Indignité de la défaite et stratégies athlétiques en Grèce ancienne. *Revue belge de philologie et d'histoire*. Antiquité — Ouheid. 2016;94(1):5–26.
14. Gvozdeva TB. Greek pentathletes: the path to victory. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):369–383. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-369-383> EDN: IWJBZN
15. Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma, 1953.
16. Janzina JV, Korneev OV. About some aspects of preparation of ancient athletes-athletes for competitions: practice and terminology of the training process. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2016;(20):1143–1161. (In Russ.). EDN: WJDNPR
17. Golden M. *Sport in the ancient world from A to Z*. London, N.Y., 2004.
18. Rushkin IP. Philostratus. On Gymnastics. (Translation from Ancient Greek and commentary)]. *Aristei. Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*. 2022;(26):63–105. (In Russ.). https://doi.org/10.53084/22209050_2022_26_63 EDN: RUUSXC
19. Miller SG. *Ancient Greek Athletics*. New Haven; London, 2004.
20. Gvozdeva TB. Chronology of the Olympic Games (from antiquity to the present day). In: Nikishin VO, editor. *Olimpiiskie igry v politike, povsednevnoj zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. Saint Petersburg: Aleteiya, 2021, p. 292–424. (In Russ.). EDN: TVHRCN
21. Ebert J. *Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen*. Berlin 1972. 280 p.
22. Gvozdeva TB. Greek Pentathlon: composition, participants, results. In: Mahlajuk AV, editor. *Professor Evgenii Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedeniya: materialy nauch. konf. «Istoriko-arkheologicheskii simpozium pamyati professora Evgeniya Aleksandrovicha Moleva»*, Institut mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi istorii NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet; 2023, p. 112–132. (In Russ.). EDN: PSBBYD
23. Gvozdeva TB, Loginov AV. Judgment and judgement of Achilles at the funeral games in Homer's 'Iliad'. In: *Drevnij vostok i antichnyi mir. Trudy kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU*. 2018;(8):122–146. (In Russ.).

24. Gvozdeva TB. Offences at funeral games in Homer's 'Iliad'. *Sovremennyyi yurist*. 2017;(2):108–120. (In Russ.). EDN: YURQTN
25. Kelly A. Akhilleus in control? Managing oneself and others in the Funeral Games. In: Bassino P, Canevaro LG, Graziosi B, editors. *Conflict and Consensus in early Greek hexameter poetry*. Cambridge, Cambridge University Press; 2016, p. 87–108.
26. Richardson N. The commentary. In: Kirk GS, editor. *The Iliad*. VI. Cambridge; 1985, p. 21–24.
27. Timothy P. Perry Sport in the Early Iron Age and Homeric Epic. In: Christesen P, Kyle DG, editors. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Wiley-Blackwell; 2014, p. 53–67.
28. Harris HA. *Sport in Greece and Rome*. London and Ithaca, NY; 1972.
29. Swaddling J. *The Ancient Olympic Games*. London, 2008.
30. Janzina JV. Antique wrestling. Experience in interpreting Greek and Latin sports terms. *Vestnik drevnei istorii*. 2014;(1):102–131. (In Russ.). EDN: RZHILV
31. Kyle DG. Greek athletic competitions: The Ancient Olympics and More. In: Christesen P, Kyle DG, editors. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Wiley-Blackwell; 2014, p. 21–35.
32. Robert L. Inscription agonistique de Smyrne. In: *Hellenica: recueil d'épigraphie, de numismatique et d'antiquités grecques*. Vol. VII. Paris, 1949.
33. Ramba D. *Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike*. PhD. Göttingen, 2014.
34. Janzina JV. Antique fist fighting. Experience in interpreting Greek and Latin terms. In: *Discipuli Magistro: k 80-letiyu N.A. Fedorova*. M., 2008, p. 292–232. (In Russ.).
35. Crowther NB. The spirit of competition (Agon) in the Olympic Games: From the Ancient to the modern world. In: Crowther N, Barney R, Heine M, editors. *Cultural Imperialism in Action: Critiques in the Global Olympic Trust*. London; 2006, p. 1–18.
36. Crowther NB. *Sport in Ancient Times*. London, 2007.
37. Gvozdeva TB. Erichthonius or Theseus, who established the Panathenaea? *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):259–268. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-3-259-268> EDN: THPKDV
38. Gvozdeva TB. Juniors age categories of athletes at the panathenaic games. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):243–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256> EDN: CFTTOE
39. Papakonstantinou Z. *Sport and Identity in Ancient Greece*. Routledge: London, N.Y., 2019.
40. Gvozdeva TB. The Olympians of ancient Hellas were the 'second after Hercules'. *RUDN Journal of World History*. 2016;(4):59–72. (In Russ.). EDN: XXAVBV
41. Pleket HW. Sport und Leibesübungen in der griechischen Welt des hellenistisch-römischen Zeitalters. In: Überhorst H, editor. *Geschichte der Leibesübungen*. Berlin, München, Frankfurt; 1972–1988;(2):280–311.
42. Pleket HW. Inscriptions as Evidence for Greek Sport. In: Christesen P, Kyle DG, editors. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Wiley-Blackwell; 2014, p. 98–111.
43. Strasser JY. La carrière du pancratiaste Markos Aurelios Demonstratos Damas. *Bulletin de correspondance hellénique*. 2003;127(1):251–299.
44. Decker W. *Antike Spitzensportler: Athletenbiographien aus dem Alten Orient, Ägypten und Griechenland*. Hildesheim: Arete Verlag, 2014.
45. Scharff S. *Hellenistic athletes: agonistic cultures and self-presentation*. New York, NY: Cambridge University Press, 2024.
46. Miller SG. *Arete. Ancient Writers, Papyri, and Inscriptions on the History and Ideals of Greek Athletics and Games*. Chicago, 1979.
47. Janzina JV. Pankration. To the question of interpretation of Greek and Latin sports terms. *Voprosy klassicheskoi filologii*. 2010;(15):494–513. (In Russ.).

48. Selivanova LL. The bull, the Alexandrian camel and other athletes. *Adam i Eva*. 2013;(21):216–240. (In Russ.). EDN: YOEXCR
49. Herrmann HV. Zanes. In: *Paulys Real-Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Suppl. 14. Stuttgart; 1974, S. 977–981.
50. Gaebler H. Die Losurne in der Agonistik. *Zeitschrift für Numismatik*. 1929;(39):271–312.
51. Anderson JGC. Festivals of Mên Askaēnos in the Roman Colonia at Antioch of Pisidia. *Journal of Roman Studies*. 1913;3(2):267–300.
52. Gvozdeva TB. Age categories of athletes at the Olympic Games of antiquity. *Sovremenniy yurist*. 2019;(3):28–37. (In Russ.). EDN: HTXQVD
53. Olivova V. *Sports and Games in the Ancient World*. London, 1984.
54. Kyle DG. *Sport and Spectacle in the Ancient World*. Malden, MA, 2007.

Информация об авторе:

Гвоздева Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru ORCID: 0000-0003-0400-4589. SPIN-код: 1913-8520.

Information about the author:

Tatiana B. Gvozdeva — Phd in History, associate Professor of the department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru ORCID: 0000-0003-0400-4589. SPIN-code: 1913-8520.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-381-401

EDN: SJGAOA

Научная статья / Research article

«О зрелищах» Тертуллиана в контексте античной и христианской литературы первых веков новой эры

А.Д. Пантелеев¹ , М.В. Поникаровская²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

²Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 a.panteleev@spbu.ru

Аннотация. Исследованы источники, использованные Тертуллианом при написании сочинения «О зрелищах» (кон. II в.). Это время господства Второй софистики, где главную роль играли эрудиция, изощренность в риторике и приверженность классическим образцам. Все эти элементы заметны в трактате «О зрелищах», рассмотренном как часть античной традиции, где можно встретить самые разные оценки состязаний и представлений. Дан очерк критических замечаний в адрес зрелищ, содержащихся в трудах греческих и римских авторов, иудейских законоучителей и христианских писателей. Отмечено, что Тертуллиан, по собственному его признанию, воспользовался материалом историков Тимея, Кальпурния Пизона, Варрона и Светония, и в основном он опирался на двух последних. Указано на параллели между трактатом и сочинениями Сенеки и Плиния Младшего. В отношении христианской традиции выделены общие подходы Тертуллиана и Татиана: оба обращают особое внимание на посвящение игр языческим богам, указывают на моральную недостаточность представлений и их участников, негодуют из-за гладиаторских игр. Высказано предположение о знакомстве Тертуллиана с написанным в то же время «Педагогом» Климента Александрийского, с рассуждениями которого Тертуллиан отчасти соглашается, а отчасти оспаривает их, как в случае полезности состязательного начала для христиан. При сходстве некоторых пассажей «О зрелищах» с иудейскими сочинениями, их воздействие на Тертуллиана оценивается как маловероятное. Анализ использованных для написания трактата источников позволил определить круг его читателей как преимущественно обеспеченных и хорошо образованных носителей римской культуры, владевших и латынью, и греческим. Несмотря на принятое крещение, эти люди не спешили расставаться с привычным образом жизни, с чем боролся Тертуллиан, в какой-то степени уподобляясь христианскому софисту.

© Пантелеев А.Д., Поникаровская М.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Римская империя, раннее христианство, римские зрелища, Варрон, Светоний, Климент Александрийский

Вклад авторов. Пантелеев А.Д. — написание текста статьи, подготовка статьи для публикации; Поникировская М.В. — участие в подготовке раздела о критике зрелищ в античной традиции, редактирование текста статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 21.01.2025; принята к публикации 20.03.2025.

Для цитирования: Пантелеев А.Д., Поникировская М.В. «О зрелищах» Тертуллиана в контексте античной и христианской литературы первых веков новой эры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 381–401. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-381-401>

Tertullian's "On shows" in the context of Ancient and Christian literature of the first centuries

Aleksey D. Pantelev¹ , Marina V. Ponikarovskaya²

St. Petersburg State University, *Saint Petersburg, Russian Federation*

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, *Saint Petersburg, Russian Federation*

 a.pantelev@spbu.ru

Abstract. The study observes the sources used by Tertullian during the writing of his essay "On the Spectacles" (the end of the 2nd century). This was the time of the domination of the Second Sophistic, where erudition, sophistication in rhetoric and adherence to classical models played a major role. All these elements are noticeable in this treatise. We consider "On the Spectacles" as part of the antique tradition, where it is possible to find a variety of assessments of competitions and performances. The study provides an outline of the critical remarks about the spectacles contained in the works of Greek and Roman authors, Rabbinic sages and Christian writers. Tertullian noted that he had used the material of the historians Timaeus, Calpurnius Piso, Varro and Suetonius. He mainly relied on the last two. In "On the Spectacles" one can also find parallels with the writings of Seneca and Pliny the Younger. Speaking of the Christian tradition, it is necessary to single out Tatian. Both of these authors pay special attention to the dedication of games to pagan gods, point out the moral insufficiency of performances and their participants, and resent gladiatorial games. We suppose that Tertullian was familiar with "Paedagogus", written at the same time by Clement of Alexandria, partly agreeing with his arguments, partly challenging them, as in the case of the usefulness of the adversarial principle for Christians. Although some passages of "On the Spectacles" have similarities with Judaic writings, we assess their impact on Tertullian as improbable. The analysis of the used sources makes it possible to determine the circle of readers of this treatise as mostly wealthy and well-educated bearers of Roman culture, who knew both Latin and Greek. Despite being baptized, these people were in no hurry to give up their usual way of life. Tertullian struggled with this, to some extent resembling a Christian sophist.

Keywords: Roman Empire, early Christianity, Roman spectacles, Varro, Suetonius, Clement of Alexandria

Contribution. Panteleev A.D. — writing the text and preparing the article for publication; Ponikarovskaya M.V. — participated in the preparation of the section on the criticism of spectacles in the ancient tradition, editing the text of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: Received: 21.01.2025. Accepted: 20.03.2025.

For citation: Panteleev AD, Ponikarovskaya MV. Tertullian's "On shows" in the context of Ancient and Christian literature of the first centuries. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):381–401. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-381-401>

Введение

Небольшой трактат Тертуллиана «О зрелищах» (*De spectaculis*) [1] уже много лет привлекает внимание историков, филологов, культурологов, религиоведов и всех, кто занимается историей Римской империи, ранним христианством и античной зрелищной культурой. Он был написан в конце 190-х или в начале 200-х гг. в Карфагене: Т.Д. Барнс датирует этот трактат 196/7 г. [2. Р. 54–55], М. Туркан, рассматривая период со 197 по 202 г., склоняется к 197 г. [1. Р. 37–45], А.Р. Фокин относит его к 198–206 гг. [3. С. 54–55]. У Тертуллиана было еще одно сочинение о зрелищах на греческом языке, он сам упоминает о нем (*De cor.* 6. 3), но что это за текст, в какой степени его содержание совпадало с латинской версией, когда он был написан и для кого — всех жителей восточной части империи или грекоязычных христиан Карфагена — точно сказать сложно [4]. Тертуллиана часто называют творцом христианской латыни, а его наследие — уникальным явлением, однако составить адекватное представление о его творчестве можно только при учете исторического и культурного контекста. Время, в которое он живет и творит, — период Второй софистики, феномена, определявшего интеллектуальную жизнь в первые века новой эры. Это явление как правило относят к греческому миру, но в последнее время ученые считают возможным говорить о проявлениях Второй софистики в латинской литературе [5; 6], а некоторые находят ее элементы у иудеев [7; 8] и христиан [9–11]. Так, Т.Д. Барнс называет Тертуллиана «христианским софистом», обращая особое внимание на его обширную эрудицию, изощренность в риторике и приверженность классическим образцам [2. С. 213]. Этот подход, выводящий Тертуллиана за пределы исключительно христианского мира, представляется весьма плодотворным, и мы попытаемся рассмотреть «О зрелищах» не как образец христианской полемики с языческим миром, а как органическую часть античной традиции, где можно встретить самые разные оценки гладиаторских боев, атлетики, гонок на колесницах, театра, мимов и других видов увеселений. Это позволит

нам понять, как этот трактат воспринимали слушатели и читатели, находившиеся внутри той же системы цитат, знаков, образов, аллюзий и литературной игры, т.е. всего того, что составляло живую ткань культуры рубежа II–III вв. Полемика Тертуллиана носила не абстрактный, а вполне конкретный характер: в римское время в Карфагене, крупнейшем городе Северной Африки, находились два амфитеатра, один большой, другой поменьше, цирк, театр, одеон, стадион и несколько палестр [1. Р. 51–52; 12. С. 52–55]. Многие верующие не видели ничего зазорного в посещении привычных зрелищ, и иногда они отправлялись туда после христианских собраний.

Критика зрелищ в античной, иудейской и христианской традиции

Тертуллиан, желая отвратить христиан от игр, стремится показать связь зрелищ с идолопоклонством, которое является «величайшим оскорблением Бога» (Tert. De Spect. 2. 9; здесь и далее пер. Э.Г. Юнца), зрелища — жертвоприношение сатане и ангелам его (4), идолопоклонство господствует во всех видах игр (14. 1). Он говорит, что для доказательства этого придется провести разыскания о происхождении игр в языческих книгах, так как об этом писали многие авторы (auctores multi qui super ista re commentaries ediderunt. — De Spect. 5. 2). Что это за писатели? В «О зрелищах» по именам названы греческий историк Тимей (5. 2), Варрон (5. 3), историки Кальпурний Пизон (5. 8) и Светоний (5. 8), а кроме того, некий Герматель (8. 5); скорее всего, последнее имя искажено переписчиками [1. С. 162]. С большой долей вероятности, основными источниками послужили «Божественные древности» Варрона, которые активно использовались Тертуллианом в «К язычникам» и в других произведениях, и особенно сочинения Светония. По названиям нам известны его недошедшие труды, посвященные играм у греков, зрелищам и состязаниям у римлян и детским играм; возможно, они были частями большой «Истории зрелищ» (Historia ludrica), о которой мельком упоминает Авл Геллий (NA. IX. 7. 3) [13. Р. 226–227; 14. Р. 58]. Вполне вероятно, что Светоний в своих изысканиях пользовался Варроном [13. С. 233], и тогда встает вопрос, видел ли Тертуллиан сочинения последнего своими глазами. Э. Нельдеген полагал, что Тертуллиан прочел всех названных авторов и был даже знаком с работами тех, кого он не назвал [15. S. 727–766], но М. Туркан и другие ученые считают, что большинство этих книг, особенно использованные Варроном или Светонием, цитируются из вторых рук [1. Р. 122–123; 16. С. 348–349]. Однако Тертуллиан не ограничился антикварными экскурсами в историю Либералий, Консуалий, Эквирий или Капитолийских игр, но яростно критиковал происходящее во время этих представлений и их участников. Каков был литературный фон этой полемики? Многие античные авторы воспевали зрелища, но состязания имели и своих критиков.

Если обратиться к греческой традиции, то самой влиятельной фигурой здесь, конечно, оказывается Платон. Афинский философ утверждал, что искусства, обладая способностью нести красоту, относятся, в лучшем случае, к безвредным удовольствиям, так как носят подражательный характер и привлекают зрителей, не достигших мудрости. В идеальном государстве им нет места, и поэты, исполнители стихов, рапсоды, актеры, хоревты, подрядчики, мастера различной утвари объявляются народом, в котором нет необходимости (Plato. Rep. II. 373b–c). Что касается профессиональных атлетов, то и им достается из-за их диеты, «ведущей к сонливости и опасной для здоровья», они «спят всю жизнь» по причине изнуряющих тренировок (Rep. II. 338c–d; 403e–404a). Сам образ их жизни, направленной исключительно на достижение спортивных побед, ведет к тому, что они не участвуют во многих делах, связанных с семейной, общественной и политической жизнью (Plato. Leg. 807c). Платон не был первым на этом поприще: до него поэт Тиртей убеждал спартанцев в том, что воинская доблесть превосходит атлетическую (fr. 12 West), а спустя несколько десятилетий Солон сократил слишком щедрые награды, которые получали от города победители на Олимпийских и Истмийских играх (Plut. Sol. 23. 3; Diog. Laert. I. 55–56) [17. Р. 515–518]. Награды и привилегии олимпиоников критиковал Ксенофан: эти люди, среди которых не только атлеты, выступавшие лично, но и владельцы упряжек, получают подарки, лучшие места в театре и содержание за государственный счет, причем они не могут помочь ни процветанию родного города, ни установлению благозакония в нем (fr. 2 West). В какой степени здесь содержится критика собственно атлетики, а в какой — кичащейся своими успехами аристократии, сказать сложно. В классическую эпоху на атлетов из-за их обжорства и чрезмерных наград нападали Еврипид, Аристофан, поэт Ахей и другие, а медики гиппократовой школы оценивали тела спортсменов как нарушение нормы [18. Р. 324–325].

Спор о зрелищах имел и социально-политическое измерение. С одной стороны, участие в играх требовало все большей подготовки и финансовых затрат, что привело к появлению экономического барьера и профессионализации спорта, и некоторые виды состязаний стали символом социального статуса. Алкивиад отказался от участия в беге, борьбе и других соревнованиях из-за участников «низкого происхождения, представляющих незначительные города и получивших лишь самое жалкое воспитание», и ограничился только выставлением скаковых лошадей, «которое по силам лишь самым состоятельным людям и за которое не возьмется какой-нибудь дрянной человек» (Isocr. Or. XVI. 33; пер. Э.Д. Фролова). С другой стороны, мы читаем в «Афинской политике» псевдо-Ксенофонта о том, что чернь захватила традиционные области занятий аристократов — гимнастические и мусические выступления, при этом желая получать деньги и за пение, и за бег, и за танцы (1. 13; 2. 10). Эта доступность в большой степени была следствием

сформировавшейся в V в. до н.э. системы афинских литургий, в число которых входили хорегия, агонифесия и гимнасиархия [19. С. 15–97]. Дискуссия о зрелищах, их участниках и зрителях переросла рамки мира игр и превратилась в спор между аристократией и демосом. Однако не стоит переоценивать ее значение: афиняне по-прежнему щедро награждали своих победителей на общегреческих играх и проводили много состязаний в родном городе. Как замечает З. Папаконстантину, уже в это время, во-первых, необходимо оценивать похвалу и критику зрелищ и атлетики не саму по себе, а с учетом взаимосвязи спортивных практик, идеологических установок и социальных отношений, а во-вторых, отделять позицию отдельных интеллектуалов от взглядов большей части народа [18. С. 326].

В эпоху эллинизма у атлетических и мусических игр появляются новые функции: они становятся средством приобщения жителей покоренных восточных земель к эллинской культуре, а кроме того, зрелища часто используются царями для демонстрации своей власти и могущества и упрочения культа правителя [20. С. 209–210]. Видимо, отчасти из-за этих политических аспектов, а отчасти из-за фрагментарного состояния нашей традиции, у нас нет образцов критики игр и представлений в это время, но с уверенностью можно сказать, что отношение к ним было, как минимум, двойственным. Так, Плутарх в жизнеописании Александра и в других трактатах отмечал, что македонский владыка не любил атлетов и пренебрегал общегреческими играми (Plut. Alex. 4. 5–6; Mor. 179d) и иронически спрашивал, глядя в Милете на статуи знаменитых спортсменов-победителей в Олимпии и Дельфах, где они были, когда город брали персы (Mor. 180a). Однако, нам известно, что Александр много раз проводил игры для развлечения своих воинов, причем в них участвовали профессиональные борцы, музыканты и актеры [21; 22. С. 332–345]. Возможно, эти замечания показывают отношение к состязаниям скорее самого Плутарха, чем Александра, ведь в «Наставлении о государственных делах» он писал: «Должно не терять достоинства и не дивиться славе, которую можно завоевать у черни зрелищами и кухней, ибо слава эта недолговечна; конец ей приходит одновременно с играми гладиаторов и театральными подмостками, и ничего почетного и достойного в ней нет» (Mor. 823e; пер. С.С. Аверинцева). Другие историки рассказывают об эпизоде, который Плутарх не счел нужным упомянуть, — о поединке профессионального кулачного бойца афинянина Диоксиппа и македонянина Горрата (Ruf. IX. 7. 16–26; Diod. XVII. 100–101). Спор возник из-за того, что некоторые македоняне насмехались над Горратом, говоря, что за войском следует бесполезное животное в военном плаще, и когда они вступают в бой, оно умашается и готовит свое брюхо для пира. Благодаря своим навыкам Диоксипп без особого труда одолел Горрата, что опечалило Александра, «поскольку при этом присутствовали варвары; он опасался, что прославленное мужество македонян

может быть в их глазах развенчано» (Ruf. IX. 7. 22); кроме того, стало видно разногласие среди войска: греки болели за Диоксиппа, македоняне и сам Александр — за Горрата. Позже клеветники обвинили Диоксиппа в краже, и тот, не вынеся позора, покончил с собой; Диодор по этому поводу замечает: «Не подумав толком, согласился этот человек на поединок, но гораздо более безрассудно поступил, избрав себе такую смерть... тяжело человеку иметь много телесной силы и мало ума» (Diod. XVII. 101. 4–5). Этот анекдот о зрелище-поединке, оказавшись включен в социально-политический контекст, обретает новое звучание. Еще один образец такого взаимопроникновения атлетики и политики — рассказ Полибия о том, как Птолемей IV Филопатор выставил на Олимпийских играх Аристоника против фиванца Клитомаха, пользовавшегося славой непобедимого бойца (Polyb. XXVII. 9). Зрители, сначала болевшие за Аристоника, изменили свои предпочтения после речи Клитомаха, заявившего, что он борется за честь эллинов, а Аристоник за славу царя Птолемея, и неужели они предпочтут видеть египтянина победителем эллинов? Можно вспомнить красочное описание шествия, устроенного в 167 г. до н.э. в Риме, где участие принимали греческие актеры и музыканты. Их выступление было слишком скучно для римлян, и для оживления им было приказано устроить шутовскую драку: «Зрелище всех этих состязаний получалось неописуемое. Что касается трагических актеров, прибавляет Полибий, то мои слова покажутся глумлением над читателем, если я вздумаю что-нибудь передать о них» (Athen. XIV. 615). Зрелища и состязания постепенно становятся ареной противостояния не только спортсменов, актеров и музыкантов, но и их царственных покровителей, а иногда целых культур.

Постепенно на первый план стали выходить римские зрелища. Они отличались от греческих жестокостью и кровопролитием, но это насилие ценилось и одобрялось зрителями из-за символического значения и образовательной ценности: умирающие гладиаторы были примером мужества и презрения к смерти, казненные преступники демонстрировали торжество римского закона и неотвратимость наказания, арена давала простым людям едва ли не единственную возможность увидеть экзотических зверей [23. С. 382–383; 24. С. 76–77; 25. Р. 603–604]. Убийство животных в цирке не считалось чем-то предосудительным, и описание сочувствия зрителей по поводу гибели слонов в 55 г. до н.э. было вызвано в большей степени антипомпеянскими настроениями, чем угрызениями совести (Cic. Ad fam. VII. 1. 3; Plin. NH. VIII. 20) [25. С. 604]. Та критика зрелищ, что встречается в римской литературе, часто направлена против усвоения иноземных обычаев («правильные» традиционные римские игры против «неправильной» новомодной греческой атлетики) [26; 27], и исходит она от небольшой группы писателей-моралистов и философов, противопоставлявших свои изысканные вкусы взглядам римского плебса [28. Р. 141–144].

Впрочем, иногда римляне выражали недовольство и своими обычными развлечениями. Цицерон в середине I в. до н.э. хвалит своего друга Марка Мария за то, что он остался дома и не поехал на игры, которые устроил Помпей. Он критикует состязания атлетов: «сам Помпей признает, что понапрасну истратил на них масло и труд», травлю животных: «что за удовольствие для образованного человека смотреть, либо как слабый человек будет растерзан могучим зверем, либо как прекрасный зверь пронзен охотничьим копьем?», и драматические представления: «ради почета на сцену снова вышли те, кто, как я полагал, ради почета оставил сцену». Все это отличалось великолепием и пышностью, но на взгляд искушенного знатока, здесь не хватало прелести, что обычно бывает даже в посредственных играх (Cic. *Ad fam.* VII. 1; пер. В.О. Горенштейна). Спустя полтора века Плиний Младший с презрением описывал цирковые игры и болельщиков за синих и зеленых: «Тут нет ничего нового, ничего разнообразного, ничего, что стоило бы посмотреть больше одного раза... они (зрители. — *А.П.*) благоволят к тряпке, тряпку любят, и если бы во время самих бегов в середине состязания этот цвет перенести туда, а тот сюда, то вместе с ней перейдет и страстное сочувствие, и люди сразу же забудут тех возниц и тех лошадей, которых они издали узнавали, чьи имена выкрикивали» (Plin. *Epist.* IX. 6; пер. А.И. Доватура). Марк Аврелий таким же образом критиковал постоянное повторение представлений в амфитеатре, ведь это однообразие делает зрелище докучным (Marc. *Aug.* VI. 46). Серьезному человеку там больше одного раза делать было нечего, ему следовало заняться чем-то более полезным — размышлениями, литературным творчеством или просто загорать (Sen. *Epist.* 83. 7; *Juv. Sat.* XI. 204). Игры не только отвлекали от возвышенных устремлений, но могли подчинить себе: толпа развращала даже мудрого человека, заражая его страстями и буквально затягивая в то порочное состояние, которое он с таким трудом покинул: «Чем сборище многочисленней, тем больше опасности. И нет ничего губительней для добрых нравов, чем зрелища: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки» (Sen. *Epist.* 7; пер. С.А. Ошерова). В целом, критика римских игр элитой была связана с их популярностью у толпы, с защитой своих ценностей в противовес простонародью и с опасностями, которые развлечения несли для тех, кто только начал идти путем философского самосовершенствования, или для слабых духом [25. Р. 606–607].

Что касается греческой атлетики, то римская элита нападала на нее с позиций защитников древних обычаев: она вела к изнеженности, роскоши, разврату и отвлекала от действительно полезных упражнений в воинских искусствах (Lucan. VII. 270–272; Plin. *NH.* XV. 19; XXIX. 26–27; Mart. VII. 32; Plin. *Epist.* IV. 22) [29. Р. 3–7; 27. С. 147–148]. С другого фланга выступали врачи — против чрезмерных несбалансированных нагрузок при упражнениях и спортивных диет [30. С. 254–301]. В частности, знаменитый Гален отстаивал превосходство врачебного искусства над неверным подходом

тренеров-педотрибов: «Во время занятий спортом атлеты испытывают сильную усталость и страдания — усталость от тренировок и страдания от переедания. После ухода на покой они становятся калеками во всех отношениях» (Gal. Exhort. 11). Эта критика перекликалась с замечаниями философов — Цицерона и Сенеки, которые, продолжая линию Платона, утверждали, что большие нагрузки приводят к пренебрежению разумом и душой. Гален замечает, что в природе есть блага для души и блага для тела, но атлеты не могут наслаждаться ни теми, ни другими, поскольку они слишком невежественны, чтобы оценить даже то, что у них есть разум; не развиваясь, он остается таким же тупым, как у животных.

Ритору Элию Аристиду принадлежала утраченная речь, которая критиковала танцы и танцоров, а в другой он призывал к отказу от постановки комедий (Arist. Or. 29). Он нападал на эти зрелища из-за злословия, ведущего к злонравию, из-за пагубного воздействия на молодежь и на все общество в целом, и того, что «злословящие» актеры не только осмеивают всех подряд, и порочных, и порядочных, но и извлекают из этого выгоду. Лукиан в «О пляске», наоборот, защищает мимы от обвинений в распущенности и убеждения, что пляска является «женским делом» и зрелищем, недостойным добродетельного и образованного человека [31. С. 712–723].

Осуждение зрелищ в то время стало общим местом для морализирующих риторов. В 2020 г. А. Монте опубликовала любопытный папирус из собрания Британской библиотеки, содержащий фрагмент черновика или наброска речи (BL Papyrus 2154) [32. Р. 72–77]. Папирус был приобретен Б. Гренфиллом и Ф. Келси в Египте в 1920 г., место его находки неизвестно, датировка — II в. н.э., размер — 7,8×9,8 см, текст занимает 15 строк, с 8-й строки до конца в левой части утрачено от 4 до 6 букв. А. Монте замечает, что автор в своем обращении к аудитории стремится к изысканности, но результат оказывается «неловким и манерным» [32. С. 72]. Из-за повреждений папируса сложно до конца понять, о чем идет речь, но, судя по всему, здесь критикуется образ жизни слушателей со ссылками на развлечения — цирк, музыку и танцы. Приведем перевод этого небольшого текста на русский язык: «... (некоторые. — А.П.) из тех, кого я вижу, стали вести беспорядочную жизнь. Для тех, кто не умеет ничего переносить — ни зло, ни добро — нет недостатка в возможностях для речей и действий. Если когда-нибудь позже... вещи, которые не подобает... бесполезными скачками... так, чтобы вы узнали, что это установлено не только для хоравлов... для кифаредов или для танцоров». Хоравлы — флейтисты, аккомпанирующие пантомимам или хору; А. Монте отмечает, что эти три термина вместе встречаются в негативном контексте у Плутарха в биографии Антония: «Всеякие там кифареды Анаксеноры, флейтисты Ксуфы, плясуны Метродоры и целая свора разных азиатских музыкантов, наглостью и гнусным шутовством далеко превосходивших чумной сброд, привезенный из Италии» (Plut. Vita M. Ant. 24. 2; пер.

С.П. Маркиша). Возможно, автор этого упражнения, считавший себя принадлежащим к культурной элите, противопоставлял свою «правильную» жизнь «беспорядочной», которую вели его далекие от философии и высокой культуры слушатели, увлекавшиеся цирком, музыкой и танцами.

Критика игр не ограничивалась язычниками: против них выступали иудеи, осуждавшие языческие зрелища по религиозным и моральным соображениям. Иосиф Флавий, рассказывая о том, как Ирод Великий ввел атлетические и мусические состязания, конные бега, травлю животных и публичные казни преступников, заметил, что иудеи видели во всем этом доказательство явного разложения нравов. Они считали «явным безбожием предоставлять диким зверям людей для удовольствия других людей и в столь же высокой степени безбожным вводить в свою личную жизнь чужеземные обычаи» (Jos. Fl. AJ. XV. 8, 1). Много нареканий у них вызывал декор зданий, в котором видели изображение языческих идолов, впрочем, большинство театров, ипподромов и амфитеатров были построены позже, во II в. н.э. Особое значение для нас имеет входящий в Талмуд трактат «Авода Зара», ядро которого можно датировать II–III вв. В молитве, приписываемой Нехунье бен-Гакану (кон. I в. н.э.), говорится: «Я благодарю тебя, Господь, мой Бог, Бог моих отцов, что ты связал мой жребий с теми, кто сидит в бет-мидраше (месте изучения Торы. — *А.П.*) и синагогах, и ты не связал мой жребий с теми, кто сидит в театрах и цирках. Ибо я тружусь, и они трудятся. Я встаю рано, и они встают рано. Я тружусь, чтобы унаследовать [долю] рая [в грядущем мире], а они трудятся [и закончат] в яме разрушения» (B Berakhot 28b). Лучше было оставаться дома или сходить в синагогу послушать проповедь, чем идти в цирк. Сложно точно утверждать, были ли иудеи среди зрителей игр во времена Ирода Великого, но со II в. они их безусловно посещали. Ситуация в диаспоре отличалась от палестинской разве что большей вовлеченностью евреев в языческие развлечения. Филон Александрийский был зрителем на гонках колесниц, соревнованиях и театральных представлениях, некоторые иудеи имели постоянные места на ипподромах, в театрах и одеонах [23. С. 395–399; 33. С. 207–208]. Это было обычной практикой, но она не поощрялась, и мы видим противодействие чужеземному культурному влиянию в Талмуде [33. Р. 197–198]. Законоучителя демонстрировали свое безусловно негативное отношение к римским представлениям. Во II в. было высказано суждение, ставшее фундаментом этого осуждения: «„Запрещается из-за идолопоклонства посещать театры не-иудеев“, — сказал рабби Меир. И мудрецы сказали: „[Если некто пойдет в театр], когда там совершается жертвоприношение, то запрещено это из-за идолопоклонства. Но если этого и нет, нельзя делать так только потому, что запрещено сидеть на месте насмешников“» (Т. Avodah Zarah 2. 2). Театры запрещалось посещать не только из-за идолопоклонства, но и из-за вульгарных и непристойных представлений. В III в. мы встречаем уже не прямые запреты посещения

зрелищ, а похвалу тем, кто сторонится от них. Однако, были обстоятельства, при которых посещение игр дозволено: для спасения жизни еврея и свидетельства в пользу жены убитого на арене, чтобы она могла снова выйти замуж (Т. Avodah Zarah 2. 7). Между двумя восстаниями в римском плену оказалось множество иудеев, и часто их отправляли на арену, где они сражались или с другими гладиаторами, или со зверьми. Громкие крики должны были их подбадривать во время схватки и помочь победить, а если дело кончалось поражением, то зрители могли добиться помилования проигравшего [33. С. 204]. Кроме того, можно посетить театр или цирк «по государственным делам» (Т. Avodah Zarah 2. 7): эти сооружения часто использовались для проведения всевозможных собраний, в т.ч. и самими евреями (Jos. Fl. BJ. II. 172–174; 598; AJ. XVIII. 57; Vita. 27–28). Особо отметим запрет продавать язычникам медведей и львов для игр и возводить эшафоты, стадионы или судейские трибуналы (Т. Avodah Zarah 1. 7).

К началу III в. можно найти сложившуюся традицию критики зрелищ и в христианских сочинениях [34]. Афинагор Афинский, написавший в 166/7 г. «Предстательство за христиан», доказывает, что христиане не убийцы: «Кто же, к примеру, откажется посмотреть на сражения вооруженных бойцов друг с другом или со зверями, особенно когда вы сами устраиваете их? Но мы, считая, что лицемерие убийств недалеко отстоит от собственноручного убийства, отказались от подобных зрелищ» (Athenag. 35; пер. А.В. Муравьева). Феофил Антиохийский запрещает христианам смотреть на гладиаторские бои, чтобы не стать участниками и свидетелями убийства, не стоит посещать и остальные зрелища, чтобы не осквернять уши и глаза тем, что там происходит (Theoph. Ad Aut. III. 15). Ириней Лионский замечает, что еретики-гностики, считая, что их поведение не может повредить спасению, ходят на языческие представления в честь богов, а некоторые даже на травлю зверей и поединки гладиаторов (Iren. AH. I. 6. 3). Несколько раз тему игр и зрелищ затрагивает в «Слове к эллинам» Татиан (кон. 160-х гг.), причем его замечания созвучны тому, что пишет Тертуллиан. Татиан заявляет, что язычники устраивают свои празднества в честь злых демонов, а актер, «беснующийся с помощью глиняной маски», — «обвинитель всех богов, собрание суеверий, клеветник героических деяний, подражатель убийств, изобразитель прелюбодеяний, сокровище безумия, воспитатель развратников, подстрекатель преступников»; «Дуют они в ноздри и болтают непристойности, совершают неприличные телодвижения — и на них, изображающих на сцене уловки, как следует прелюбодействовать, смотрят ваши дочери и (малолетние) сыновья» (Tat. Orat. 22; пер. Д.Е. Афиногенова). Музыканты признаются им бесполезными существами (24). Достается от Татиана и атлетам, «людям, отягощенным телесными упражнениями, носящим бремя собственной плоти», состязающихся не в доблести, а в оскорблениях и бесчинстве (23), но больше всего упреков звучит в адрес гладиаторских боев:

«Голодный продает себя, а богач покупает... И это у вас хорошо делается? Вы покупаете людей, поднося душе человекоубийство и питая ее безбожнейшими кровопролитиями. Итак, разбойник убивает, чтобы взять, а богач покупает единоборцев для убийства» (23).

Не обошли эту тему стороной и современники Тертуллиана. Ее затрагивал Минуций Феликс, так же писавший на латыни и происходивший из Северной Африки. Сведения о времени жизни Минуция Феликса, как и о датировке его сочинения, крайне скудны: о нем говорят как о жившем в конце II — первой половине III в., а о диалоге — как о написанном между 170 и 248 гг. Из-за этого исследователи до сих пор не могут ответить на вопрос о соотношении «Октавия» и трактатов Тертуллиана «Апологетик», «О венце», «О свидетельстве души», в которых встречаются буквальные совпадения: был ли у них некий общий источник, или один из писателей воспользовался сочинением другого? [3. С. 28–29]. В диалоге «Октавий» Мануций Феликс утверждал, что христиане не участвуют в торжественных шествиях и зрелищах, так как знают, что они берут начало от поклонения языческим богам, и поэтому осуждают их. «Кто на конских бегах не ужаснется безумию ожесточенно спорящих людей, на гладиаторских играх — школе убийства? В театре неистовства не меньше, а мерзости больше: вот мим или рассказывает о прелюбодеянии, или представляет его... он позорит ваших богов, приписывая им разврат, любовные вздохи, ненависть; он вызывает у вас слезы мнимым страданием, бессодержательными жестами и кивками; вы требуете убийств в действительности и плачете над вымыслом» (Min. Fel. Oct. 37. 11–12; пер. П. Преображенского). Климент Александрийский в «Педагоге» (кон. 190-х гг.) запрещает посещать состязания и зрелища, так как они полны беспорядочности и беззакония. Это источник разврата и из-за желания зрителей покрасоваться друг перед другом, и из-за того, что происходит на сцене: «Каких только грязных деяний на этих сценах не представляется; каких только бесстыдных слов здесь скоморохи не произносят!» (Clem. Alex. Paed. III. 11; пер. Н.И. Корсунского). Эти забавы не только тщеславны, но и жестоки, так как в них гибнут люди, а правители городов, где их устраивают, — люди небольшого ума; в этом Климент напоминает Плутарха. Не стоит серьезно заниматься этими глупыми и ничтожными вещами, это пустая трата сил и времени, так как они лишь волнуют душу и рождают страсти.

Источники «О зрелищах» Тертуллиана

Был ли с этими сочинениями знаком Тертуллиан и если да, то что он взял на вооружение из этого богатого арсенала жалоб, претензий и обвинений? Сохранил ли он первоначальный смысл замечаний своих предшественников или наполнил их новым? Воспользовался ли он греческим и римским материалом в равной степени или отдал какому-то из них предпочтение?

Нужно помнить, что перед карфагенским писателем стояла задача не просто блеснуть красноречием и эрудицией, а убедить верующих изменить своему привычному образу жизни и перестать посещать языческие представления, и обращение к тем или иным источникам зависело от реальной положения дел в городе, от любви аудитории Тертуллиана к тем или иным зрелищам. Его экскурс в историю античных игр четко структурирован [13. Р. 225–226]. Прежде всего он говорит о происхождении сценических и цирковых игр; здесь он опирается минимум на два источника, так как противопоставляет две этимологии латинского слова *ludi*: от *Lydius* и от *lusus*, как полагал Варрон (De spect. 5). За этим следует список игр, расположенных хронологически по времени учреждения, от Либералий, Консуалий, Эквирий и прочих, восходящих ко временам Ромула, до тех, что установлены Туллом Гостилием, Анком Марцием и другими, вплоть до усвоения провинциальных праздников. Основой ему, судя по всему, послужило сочинение Светония, которое он упоминает (5–6). Одинаково не только происхождение сценических и цирковых игр, но и устройство — церемонии, шествия, жертвоприношения (7). Затем описывается Большой Цирк, его статуи, украшения и храмы (8). Наконец, рассказывается о краткой эволюции гонок колесниц (от возникновения до цирковых партий), сценических представлений (от их появления до строительства театра Помпея) (10), атлетических агонов, наконец, гладиаторских игр (11). Эта последовательность явно свидетельствует о том, что Тертуллиан следовал за своим источником или источниками, дополняя, скорее всего, сочинение Светония данными других авторов.

Многое из того, что Тертуллиан считал окончательным приговором римским играм — указание на их связь с почитанием богов, историю их происхождения, их оформление и реквизит — не было для подавляющего большинства жителей империи тайной, как и для карфагенских христиан. Слова о том, что многие верующие не знают об этом, — риторический ход, дающий Тертуллиану возможность назвать свои авторитетные источники (5). Он использует материал антикварных трудов Варрона и Светония для того, чтобы продемонстрировать, что связь мира зрелищ с идолопоклонством такова, что в них невозможно найти что-то незапятнанное, а аргументы в стиле «Бог сотворил коней, так что мы можем посещать гонки» или «Писание прямо не запрещает зрелища, поэтому на них можно присутствовать» несостоятельны. Если обычный читатель воспринимал возведение игр к богам и героям, мифы об их основании, посвящение сооружений в цирке или на стадионе различным божествам как позитивную характеристику, свидетельствующую об их древности и сакральности, то Тертуллиан меняет знак с положительного на отрицательный.

Заметно определенное влияние на Тертуллиана критики моральной стороны зрелищ языческими авторами. Мы видим параллели с 7 Письмом Сенеки, где идет речь об опасности зрелищ для души: «Нет ничего губительней

для добрых нравов, чем зрелища: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки» (Sen. Epist. 7. 2) — «Сила удовольствия так велика, что может привлечь к себе несведущих, а других изменить своей сущности» (Tert. De spect. 1); «„Но он занимался разбоем, убил человека“. — Кто убил, сам заслужил того же. Но ты, несчастный, за какую вину должен смотреть на это?» (Sen. Epist. 7. 6) — «Могут возразить, что преступники заслуживают наказания. Кто станет спорить, исключая разве самих злодеев? Я согласен, но согласитесь и вы, что доброму человеку нельзя любоваться казнью злого» (Tert. De spect. 19). Описание спешащих в цирк напоминает слова Плиния Младшего, разве что Тертуллиан обрушивается на ярость, бешенство и озлобление, что испытывают зрители, а Плиний — на однообразие гонок и стадный инстинкт преданности болельщиков своим партиям (Plin. Epist. IX. 6; Tert. De spect. 16). Им упоминаются атлеты, «раскормленные по правилам праздной греческой науки», и «упражнения для непомерного развития тела, нарушающего пропорции», что перекликается с замечаниями философов и врачей (Tert. De spect. 18). Критика в адрес мимов и танцоров носили, похоже, универсальный характер: можно указать хотя бы на краткую речь киника Кротона в сочинении Лукиана «О пляске», где он обвиняет их в разврате и распущенности и говорит, что увлечение подобными вещами может привести к изгнанию из круга добродетельных людей (3). Тертуллиан, критикуя театр, танцы, мимы мог обращаться не к одному какому-то источнику, а черпать из многих или вовсе из общих мнений (De spect. 17; 22; 25). Так или иначе, эти замечания носили вспомогательный характер по отношению к основному аргументу, к которому он постоянно возвращается, — идолопоклонству.

Что касается иудейской традиции, то здесь ситуация сложнее из-за непростых отношений Тертуллиана с иудейской общиной Карфагена [35. Р. 32–35]. Тяжело не заметить определенное сходство некоторых пассажей «О зрелищах» и талмудических трактатов, особенно «Авода Зара». Тертуллиан обращается к тому же пассажи из псалмов, что и рабби Меир: «Счастлив тот, кто на седалище пагубы не сидит» (Пс. 1:1; Tert. De spect. 3), подобно Нехунье бен-Гакану, он рассуждает о том, что каждому выпала своя доля: сейчас язычники радуются, а христиане печалются, но вскоре все изменится (28), или о том, куда может и не может входить христианин, заявляя, что возможно посещать и театры, и даже языческие храмы, если только верующий не собирается совершать жертвы или молиться богам (8). «О зрелищах» завершается патетическим описанием того, как христиане увидят Страшный суд и осуждение своих врагов, в т.ч. и актеров, мимов, возничих, борцов и прочих (30), и это напоминает слова рабби Аху: «Когда наступит Судный день... ты будешь среди тех, кто увидит наказание грешников, а не среди тех, кто увидит, как его наказывают, ты будешь скорее среди зрителей, чем среди гладиаторов...» (Pesiqta de Rav Kahana, 28, 3). И Тертуллиан, и раввины озабочены тем, что театры учат идолопоклонству и разврату, на зрелищах проливают кровь,

и это отвлекает от молитв и изучения Писания [33. Р. 221–226; 2. С. 49–51]. К. Азиза полагает, что Тертуллиан был знаком с содержанием «Авода Зара», но не напрямую, так как он не знал иврита, а греческого или латинского перевода этого трактата не существовало. Он общался с карфагенскими евреями, и они рассказывали ему о своих обычаях, а может быть, они вместе даже обсуждали некоторые вопросы [36]. Однако, как замечает М. Туркан, есть веские причины сомневаться в подобном заимствовании или взаимовлиянии. Тертуллиан знал иудейскую апокалиптическую литературу в той же мере, что греческую и римскую, а первоначального симбиоза еврейской и христианской общин вполне достаточно, чтобы объяснить многие аргументы и способы аргументации. Тот же стих из 1 Псалма мы встречаем и у Климента, который совершенно точно не общался с карфагенскими иудеями (Clem. Paed. III. 11) [1. Р. 50–51]. Мы солидарны с этим мнением: иудеи и христиане в Карфагене, несомненно, взаимодействовали, но можно ли, даже оставив в стороне «Против иудеев» Тертуллиана, авторство которого иной раз ставится под сомнение [37. Р. 6–8], назвать это взаимодействие позитивным? Синагоги для него были «источниками преследований» (Scorp. 10. 10), а иудеи распространяли ложь о христианах (Ad nat. I. 14). В конце «О зрелищах», говоря об участии врагов христиан, он особенно останавливается на тех, «кто свирепствовал против Господа» и перечисляет обвинения, что иудеи выдвигали против Христа во II–III вв. (De spect. 30). Т.Д. Барнс, касаясь этого вопроса, указывает, что сходство между сочинениями Тертуллиана и иудеев было *analogical, not genealogical*: две родственные монотеистические религии в одной и той же чуждой среде часто приходили к одним и тем же ответам на одинаковые вызовы [2. Р. 92–93]. Кроме того, Тертуллиан описывает языческие зрелища как порочные сами по себе и вредные для христианина из-за их природы, в то время как раввины говорят об их моральной и физической опасности: евреи часто становились объектом оскорблений и насмешек, тем самым подвергаясь опасности во время посещения этих представлений [38. Р. 139–140]. Таким образом, воздействие талмудической традиции на «О зрелищах» возможно, но маловероятно.

Тертуллиан, без сомнения, был знаком с предшествующей христианской традицией, на что указал еще А. Гарнак: на него повлияли Юстин и Татиан: первому он обязан многими идеями, второму родственен по настроению [39. С. 318–320]. Выше мы уже отметили сходство некоторых пассажей из «Речи к эллинам» и «О зрелищах». Оба они обращают особое внимание на посвящение игр языческим богам, указывают на моральную недостаточность и представлений, и тех, кто участвует в постановках, негодуют из-за гладиаторских игр. Возможно, у Татиана Тертуллиан заимствовал идею идолопоклонства как фундамента всех игр и зрелищ и некоторые другие мысли, но нужно заметить, что в центре внимания карфагенского писателя находятся именно римские зрелища, в то время как Татиан сосредоточен

прежде всего на театре, мимах, атлетике, а гладиаторам отводит всего несколько строк. Интереснее вопрос о Клименте Александрийском. А. Гарнак отверг всякое предположение об их знакомстве с трудами друг друга, но есть и другие точки зрения [39. S. 328]. Оставив в стороне вопрос обо всем творчестве этих авторов, остановимся на некоторых сближениях 10 и 11-й глав III книги «Педагога» и «О зрелищах». Оба автора используют 1 Псалом для доказательства того, что не следует ходить на представления, специально обращают внимание на нарядно одетых мужчин и женщин, которые приходят на игры других посмотреть и себя показать, и тем возбуждают похоть, полемизируют с малодушными христианами, которые не видят ничего страшного в посещении представлений, вспоминают о крещении, указывают на необходимость предпочесть этим развлечениям более серьезные дела — познание истины и обретение Бога. Но Тертуллиан противоречит Клименту в вопросе о допустимости состязательного духа в принципе. Если Климент говорит о пользе для юношей гимнастических школ, пробуждающих соревнование и честолюбие, в т.ч. и в совершенствовании души, и объявляет это прекрасным и полезным (Paed. III. 10), то Тертуллиан пишет: «Соревнование приносит с собой споры, ссоры, гнев, бешенство, огорчение и другие страсти, ничего общего не имеющие с обязанностями нашей религии» (De spect. 15). Мы не видим ничего невозможного в том, что Тертуллиан мог познакомиться с «Педагогом», написанным в те же годы [23. С. 401–404].

Заключение

Может ли круг источников и, шире, тем, к которым Тертуллиан обращается в «О зрелищах», что-то сказать о его аудитории? Как мы полагаем, это были обеспеченные и хорошо образованные носители римской культуры, владевшие и латынью, и греческим. Среди них были как оглашенные, только приступившие к изучению христианства, так и те, кто уже принял крещение и неплохо знал Ветхий и Новый Завет. Эти люди не спешили отказываться от привычного образа жизни и круга общения, придумывая более или менее искусные отговорки и аргументы в пользу того, что Господь не запрещал игры, и Тертуллиан противодействовал этому изо всех сил. Он обращался к Варрону и Светонию, цитировал Писание и вспоминал Сенеку, а для менее искушенных рассказывал страшные истории о тех, кто все-таки ходил в театр, и о том, как ими овладели демоны, и кое-кто даже погиб (De spect. 26). Греческая версия нашего трактата, возможно, была обращена к христианам из верхушки карфагенского общества, принявшим идеалы Второй софистики и готовым привести к случаю цитату из Диогена Синопского (De spect. 20). Для них Тертуллиан приводит обширные антикварные выписки и ссылается на Тимея, а кроме того, вероятно, в грекоязычной версии большее место было уделено эллинским состязаниям.

Список литературы

1. *Tertullien. Les Spectacles (De spectaculis)* / Ed.M. Turcan. Paris : CERF, 1986. 367 p.
2. *Barnes T.D. Tertullian. A historical and literary study.* Oxford : Oxford University Press, 1985. 339 p.
3. Фокин А.Р. Латинская патрология. Том I.M. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 362 с. EDN: QTRCYB
4. *Schoellgen G. Der adressatenkreis der griechischen Schauspielschrift Tertullians* // *Jahrbuch für Antike und Christentum.* 1982. Bd. 25. S. 22–27.
5. *Habinek T. Was There a Latin Second Sophistic* // *The Oxford Handbook of the Second Sophistic* / Ed. by D.S. Richter, W.A. Johnson. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 25–40. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.3>
6. *Bloomer W.M. Latinitas* // *The Oxford Handbook of the Second Sophistic* / Ed. by D.S. Richter, W.A. Johnson. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 67–80. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.5>
7. *Gruen E.S. Jewish literature* // *The Oxford Handbook of the Second Sophistic* / Ed. by D.S. Richter, W.A. Johnson. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 639–654. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.44>
8. *Hidary R. Rabbis and classical rhetoric: sophistic education and oratory in the Talmud and Midrash.* Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 335 p. <https://doi.org/10.1017/9781316822722>
9. *Den Dulk M., Langford A. Polycarp and Polemo: Christianity at the center of the second sophistic* // *The History of Religions School Today: Essays on the New Testament and Related Ancient Mediterranean Texts* / Ed. T.R. Blanton, R.M. Calhoun, C.K. Rothschild. Tübingen : Mohr Siebeck, 2014. P. 211–240. <https://doi.org/10.1628/978-3-16-153437-9>
10. *Johnson A.P. Early Christianity and the classical tradition* // *The Oxford Handbook of the Second Sophistic* / Ed. by D.S. Richter, W.A. Johnson. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 625–638. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.43>
11. Пантелеев А.Д. «Что Афины Иерусалиму?» Раннее христианство и Вторая софистика // *Scholia.* 2020. Т. 14. № 2. С. 567–586. <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2020-14-2-567-586> EDN: NVIXHF
12. *Brent A. Cyprian and Roman carthage.* Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 365 p.
13. *Waszink J.H. Varro, Livy and Tertullian on the history of Roman dramatic art* // *Vigiliae Christianae.* 1948. Vol. 2. P. 224–242. <https://doi.org/10.2307/1582375>
14. *Power T. Collected papers on suetonius.* London; New York : Routledge, 2021. 287 p. <https://doi.org/10.4324/9781003096030>
15. *Noeldechen E. Die Quellen Tertullians in seinem Buch von den Schauspielen* // *Philologus.* 1894. Suppl. Band. 6.2. S. 727–766.
16. *Sider R.D. Tertullian, on the shows: an analysis* // *Journal of Theological Studies.* 1978. Vol. 29. P. 339–365. <https://doi.org/10.1093/jts/XXIX.2.339>
17. *D'Amore L. Economic aspects of athletic competition in the archaic and classical age* // *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World* / Ed. by A. Futrell, T.F. Scanlon. Oxford : Oxford University Press, 2021. P. 511–520. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199592081.013.4>
18. *Papakonstantinou Z. Ancient critics of Greek sport* // *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity* / Ed.P. Christesen, D.G. Kyle. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 320–331. <https://doi.org/10.1002/9781118609965.ch21>
19. Бондарь Л.Д. Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб. : Нестор-История, 2009. 202 с. EDN: SGMYZJ

20. *Пантелеев А.Д., Поникаровская М.В.* Греческие игры в Малой Азии во II–III вв. н.э // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 1 (79). С. 208–219. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2023-1-79-208-219> EDN: KYOHUP
21. *Adams W.L.* The Games of Alexander the Great // *Alexander's Empire: Formulation to Decay* / Ed. by W. Heckel, L. Tritle, P. Wheatley. Claremont : Regina Books, 2007. P. 125–138.
22. *Adams W.L.* Sport, Spectacle, and Society in Ancient Macedonia // *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity* / Ed. P. Christesen, D.G. Kyle. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 332–345. <https://doi.org/10.1002/9781118609965.ch22>
23. Феномен досуга в античном мире / под ред. Э.Д. Фролова. СПб. : Гуманитарная Академия, 2013. 464 с. EDN: VRUCDL
24. *Пантелеев А.Д.* Христианское мученичество в контексте римских зрелищ // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2 (44). С. 75–89. EDN: TAJVEB
25. *Mammel K.* Ancient critics of Roman spectacle and sport // *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity* / Ed. P. Christesen, D.G. Kyle. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 603–616. <https://doi.org/10.1002/9781118609965.ch41>
26. *Гвоздева И.А., Никишин В.О.* Место греческой атлетики в римском культурном пространстве // Традиции античного олимпизма в мировой культуре (от древности до наших дней) / под ред. Т.Б. Гвоздевой. М. : Литературный институт имени А.М. Горького, 2015. С. 131–148.
27. *Гвоздева И.А., Никишин В.О.* Греческая агонистика в общественной жизни древнего Рима // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности) / отв. ред. В.О. Никишин. СПб. : Алетейя, 2021. С. 137–156. EDN: NSHIPA
28. *Wiedemann T.* Emperors and gladiators. London; New York : Routledge, 1992. 198 p. <https://doi.org/10.4324/9780203204696>
29. *Newby Z.* Greek athletics in the Roman world. Victory and Virtue. Oxford : Oxford University Press, 2005. 314 p.
30. *König J.* Athletics and literature in the Roman empire. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 420 p.
31. *Кулишова О.В., Пантелеев А.Д.* Полемика о зрелищах в поздней Римской империи (по данным литературной и эпиграфической традиции) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2020. Т. 24. № 1. С. 712–723. <https://doi.org/10.30842/ielcp230690152429> EDN: WZDMRI
32. *Monte A.* A Rhetorical fragment on moral behavior // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2020. Vol. 213. P. 72–77.
33. *Weiss Z.* Public spectacles in Roman and Late Antique Palestine. Cambridge : Harvard University Press, 2014. 361 p. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674726628>
34. *Лебедев П.Н.* Образ атлетических состязаний в христианских сочинениях рубежа II–III вв. // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности) / отв. ред. В.О. Никишин. СПб. : Алетейя, 2021. С. 173–186. EDN: LQEDUP
35. *Dunn G.D.* Tertullian. London; New York : Routledge, 2004. 157 p. <https://doi.org/10.4324/9780203642870>
36. *Aziza C.* Tertullien et le Judaïsme. Paris : Les Belles Lettres, 1977. 327 p.
37. *Dunn G.D.* Tertullian's Adversus Iudaeos. A Rhetorical Analysis. Washington : The Catholic University of America Press, 2008. 210 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt2852vp>
38. *Binder S.* Tertullian, on Idolatry and Mishnah Avodah Zarah: Questioning the Parting of the Ways Between Christians and Jews. Leiden: Brill, 2012. 258 p.

39. Harnack A. *Tertullians Bibliothek christlicher Schriften // Sitzungsberichte der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1914. Bd. 10. S. 303–334.

References

1. Turcan M, editor. *Tertullien. Les Spectacles (De spectaculis)*. Paris: CERF; 1986.
2. Barnes TD. *Tertullian. A Historical and Literary Study*. Oxford: Oxford University Press; 1985.
3. Fokin AR. *The Latin patrology*. Vol. 1. Moscow: The Greek-Latin cabinet of YuA Shichalin; 2005. (In Russ.). EDN: QTRCYB
4. Schoellgen G. Der adressatenkreis der griechischen Schauspielschrift Tertullians. *Jahrbuch für Antike und Christentum*. 1982;(25):22–27.
5. Habinek T. Was There a Latin Second Sophistic. In: Richter DS, Johnson WA, editors. *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford: Oxford University Press; 2017:25–40. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.3>
6. Bloomer WM. Latinitas. In: Richter DS, Johnson WA, editors. *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford: Oxford University Press; 2017:67–80. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.5>
7. Gruen ES. Jewish Literature. In: Richter DS, Johnson WA, editors. *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford: Oxford University Press; 2017:639–654. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.44>
8. Hidary R. *Rabbis and Classical Rhetoric: Sophistic Education and Oratory in the Talmud and Midrash*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. <https://doi.org/10.1017/9781316822722>
9. Den Dulk M, Langford A. Polycarp and Polemo: Christianity at the Center of the Second Sophistic. In: Blanton TR, Calhoun RM, Rothschild CK, editors. *The History of Religions School Today: Essays on the New Testament and Related Ancient Mediterranean Texts*. Tübingen: Mohr Siebeck; 2014:211–240. <https://doi.org/10.1628/978-3-16-153437-9>
10. Johnson AP. Early Christianity and the Classical Tradition In: Richter DS, Johnson WA, editors. *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford: Oxford University Press; 2017:625–638. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199837472.013.43>
11. 11. Panteleev AD. ‘What indeed has Athens to do with Jerusalem’? Early Christianity and the Second Sophistic. *Schole*. 2020;(14.2):567–586. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1995-4328-2020-14-2-567-586> EDN: NVIXHF
12. Brent A. *Cyprian and Roman Carthage*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
13. Waszink JH. Varro, Livy and Tertullian on the History of Roman Dramatic Art. *Vigiliae Christianae*. 1948;(2):224–242. <https://doi.org/10.2307/1582375>
14. Power T. *Collected Papers on Suetonius*. London; New York: Routledge; 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003096030>
15. Noeldechen E. Die Quellen Tertullians in seinem Buch von den Schauspielen. *Philologus*. 1894;(Suppl. 6.2):727–766.
16. Sider RD. Tertullian, On the Shows: an Analysis. *Journal of Theological Studies*. 1978;(29):339–365. <https://doi.org/10.1093/jts/XXIX.2.339>
17. D’Amore L. Economic aspects of athletic competition in the Archaic and classical age. In: Futrell A, Scanlon TF, editors. *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford: Oxford University Press; 2021:511–520. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199592081.013.4>
18. Papakonstantinou Z. Ancient Critics of Greek Sport. In: Christesen P, Kyle DG, editors. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford: Oxford University Press; 2014:320–331. <https://doi.org/10.1002/9781118609965.ch21>

19. Bondar' LD. Athenian Liturgies of the 5th–4th centuries BC. Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2009. (In Russ.). EDN: SGMYZJ
20. Pantelev AD, Ponikarovskaya MV. Greek Games in Asia Minor in the Second and Third Centuries AD. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2023;(1):208–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2023-1-79-208-219> EDN: KYOHUP
21. Adams WL. The Games of Alexander the Great. In: Heckel W, Tritle L, Wheatley P, editors. *Alexander's Empire: Formulation to Decay*. Claremont: Regina Books; 2007:125–138.
22. Adams WL. Sport, Spectacle, and Society in Ancient Macedonia. In: Christesen P, Kyle DG, editors. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford: Oxford University Press; 2014:332–345. <https://doi.org/10.1002/9781118609965.ch22>
23. Frolov ED, editor. *The Phenomenon of Leisure in the Ancient World*. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2013. (In Russ.). EDN: VRUCDL
24. Pantelev AD. Christian martyrdom in the context of Roman spectacles. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014;(2):75–89. (In Russ.). EDN: TAJVEB
25. Mammel K. Ancient Critics of Roman Spectacle and Sport. In: Christesen P, Kyle DG, editors. *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford: Oxford University Press; 2014:603–616. <https://doi.org/10.1002/9781118609965.ch41>
26. Gvozdeva IA, Nikishin VO. The Place of Greek Athletics in the Roman Cultural Space. In: Gvozdeva TB, editor. *Tradicii antichnogo olimpizma v mirovoy kul'ture (ot drevnosti do nashih dney)*. Moscow: Literaturnyy institut imeni A.M. Gor'kogo; 2015:131–148. (In Russ.).
27. Gvozdeva IA, Nikishin VO. Greek Agonistics in the Public Life of Ancient Rome. In: Nikishin VO, editor. *Olimpiiskie igry v politike, povsednevnoy zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. Saint Petersburg: Aletheia; 2021:137–156. (In Russ.). EDN: NSHIPA
28. Wiedemann T. *Emperors and gladiators*. London; New York: Routledge; 1992. <https://doi.org/10.4324/9780203204696>
29. Newby Z. *Greek Athletics in the Roman World. Victory and Virtue*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
30. König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005.
31. Kulishova OV, Pantelev AD. Polemics about spectacles in the Late Roman Empire (according to the literary and hagiographic tradition). *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — Indo-European linguistics and classical philology*. 2020;24(1):712–723. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/ielcp230690152429> EDN: WZDMRI
32. Monte A. A Rhetorical Fragment on Moral Behavior. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2020;(213):72–77.
33. Weiss Z. *Public Spectacles in Roman and Late Antique Palestine*. Cambridge: Harvard University Press; 2014. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674726628>
34. Lebedev PN. The Image of Athletic Competitions in Christian Writings of the turn of the 2nd–3rd Centuries. Nikishin VO, editor. *Olimpiiskie igry v politike, povsednevnoy zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. Saint Petersburg: Aletheia; 2021:173–186. (In Russ.). EDN: LQEDUP
35. Dunn GD. *Tertullian*. London; New York: Routledge; 2004. <https://doi.org/10.4324/9780203642870>
36. Aziza C. *Tertullien et le Judaïsme*. Paris: Les Belles Lettres; 1977.
37. Dunn GD. *Tertullian's Adversus Iudaeos. A Rhetorical Analysis*. Washington: The Catholic University of America Press; 2008. <https://doi.org/10.2307/j.ctt2852vp>

38. Binder S. *Tertullian, On Idolatry and Mishnah Avodah Zarah: Questioning the Parting of the Ways Between Christians and Jews*. Leiden: Brill; 2012.
39. Harnack A. *Tertullians Bibliothek christlicher Schriften. Sitzungsberichte der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1914;(10):303–334.

Информация об авторах:

Пантелеев Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, e-mail: a.panteleev@spbu.ru ORCID: 0000-0003-3333-7980. SPIN-код: 3687-3603.

Поникаровская Марина Владимировна — кандидат исторических наук, ученый секретарь, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Российская Федерация, 196084, Санкт-Петербург, ул. Киевская, д. 5, к. 9, стр. 1, e-mail: poni-marina@yandex.ru ORCID: 0000-0002-1322-077X. SPIN-код: 6561-0509.

Information about authors:

Aleksey D. Panteleev — Candidate of History, Associate Professor of Department of History of Ancient Greece and Rome, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7 Universitetskaya nab., bldg. 9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: a.panteleev@spbu.ru ORCID: 0000-0003-3333-7980. SPIN-code: 3687-3603.

Marina V. Ponikarovskaya — Candidate of History, Academic Secretary, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences; 5 Kievskaya st, bldg. 9–1, Saint Petersburg, 196084, Russian Federation, e-mail: poni-marina@yandex.ru ORCID: 0000-0002-1322-077X. SPIN-code: 6561-0509.

ИСТОРИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ THE HISTORY OF PRE-COLUMBIAN AMERICA

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-402-419

EDN: SHZBEL

Research article / Научная статья

Military and political expansion of Uaxactun in the beginning of the Early Classic (4th century AD)

Dmitri Beliaev^{1, 2} , Alexander Safronov³

¹Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

² National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

³Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

 lakamha@mail.ru

Abstract. The subject of the study is related to the study of the dynastic history of Uaxactun, one of the most important political centers of the ancient Maya of the Late Formative and Early Classic periods. The relevance of the study is due to a new analysis of hieroglyphic inscriptions, conducted within the framework of a comprehensive program of redocumentation of Uaxactun monuments, carried out by the Regional Archaeological Project under the direction of prof. Milan Kovač (University of Bratislava), which allowed us to propose a new reconstruction of the history of Uaxactun. The study aims to reconstruct the events of the military and political history associated with the Uaxactun dynasty in the 4th cent. AD, based on new epigraphic data. The main part of the study is devoted to the analysis of the hieroglyphic inscriptions of Uaxactun of the 4th cent. AD, based on which previously unknown events of the dynastic history of the city were reconstructed. It was determined that in 323 AD, with the accession of a ruler named “Trophy-Skull Jaguar“, there was a revival of the Uaxactun dynasty, as indicated on Stela 9. In 356 AD, he was succeeded on the throne by king Tz’akbu-Usiij (356 — c. 375 AD), who undertook a military campaign against El Zotz and other cities in the southwest. Thus, the authors determined that by 370/375 AD, Uaxactun had become one of the most powerful Maya political entities in Central Petén, entering into conflict with Tikal. Around 375 AD, Tzakbu-Usiij was defeated and probably captured by his Tikal rival Chak-Tok-Ich’aak II (360–378 AD). Within the framework of existing concepts, the study’s conclusion is important that the defeat of Uaxactun and the establishment of Tikal’s hegemony in Central Petén could have been one of the main factors that provoked the Teotihuacan invasion of the Central Maya Lowlands in 378 AD.

© Beliaev D., Safronov A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: Ancient Maya, epigraphy, Early state, dynastic history, military history

Contribution. Beliaev D. — epigraphic analysis, writing the text of the article, editing the text; Safronov A. — Uaxactun monuments documentation, epigraphic analysis, writing the text of the article, preparation of the illustrations.

Funding. The research work of A. V. Safronov was supported by a grant from the Russian Science Foundation. № 28-25-00652 “Community in the civilizational models of the Ancient Near East and Mesoamerica: genesis, structure, regional specifics” <https://rscf.ru/project/25-28-00652>

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: Received: 11.02.2025. Accepted: 25.04.2025.

For citation: Beliaev D, Safronov A. Military and political expansion of Uaxactun in the beginning of the Early Classic (4th century AD). *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):402–419. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-402-419>

Военно-политическая экспансия Вашактуна в начале раннеклассического периода (IV в.)

Д.Д. Беляев^{1, 2} , А.В. Сафронов³

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 lakamha@mail.ru

Аннотация. Тема исследования связана с изучением династической истории Вашактуна — одного из важнейших политических центров древних майя позднего формативного и раннего классического периодов. Актуальность исследования обусловлена новым анализом иероглифических надписей, проведенным в рамках комплексной программы редокументации монументов Вашактуна, осуществленной Региональным археологическим проектом под руководством профессора Милана Ковача (Братиславский университет), что позволило предложить новую реконструкцию истории Вашактуна. Цель исследования — восстановить события военно-политической истории, связанные с династией Вашактуна в IV в., на основании новых эпиграфических данных. Основная часть исследования посвящена анализу иероглифических надписей Вашактуна IV в. н.э., по которым были реконструированы ранее неизвестные события династической истории города. Было определено, что в 323 г. с воцарением правителя по имени «Трофейноголовый Ягуар» происходит возрождение династии Вашактуна, так как это указано на Стеле 9. На троне его сменил царь Цакбу-Усих (356 — ок. 375 г. н.э.), который предпринял военную кампанию против Эль-Соца и других городов на юго-западе. Таким образом, определено, что к 370/375 г. н.э. Вашактун стал одним из наиболее могущественных политических образований майя в Центральном Петене, вступившим в конфликт с Тикалем. Около 375 г. н.э. Цакбу-Усих был побежден и, вероятно, захвачен своим противником из Тикаля Чак-Ток-Ичааком II (360–378 гг. н.э.). В рамках существующих концепций

важен вывод исследования, что поражение Вашактуна и установление гегемонии Тикаля в Центральном Петене могло стать одним из главных факторов, спровоцировавших вторжение Теотиуакана в Центральные низменности майя в 378 г. н.э.

Ключевые слова: древние майя, эпиграфика, раннее государство, династическая история, военная история

Вклад авторов. Беляев Д.Д. — эпиграфический анализ, написание текста статьи, редактирование текста статьи; Сафронов А.В. — документация монументов Вашактуна, эпиграфический анализ, написание текста статьи, подготовка иллюстраций.

Финансирование. Исследование А.В. Сафронова выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 28-25-00652 «Община в цивилизационных моделях древнего Ближнего Востока и Мезоамерики: генезис, структура, региональное своеобразие» <https://rscf.ru/project/25-28-00652>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.02.2025, принята к публикации 25.04.2025.

Для цитирования: *Beliaev D., Safronov A. Military and political expansion of Uaxactun in the beginning of the Early Classic (4th century AD) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 402–419. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-402-419>*

Introduction

In 1916 American archaeologist, epigrapher and spy Sylvanus Morley from the Carnegie Institute of Washington discovered new Maya site called Uaxactun. The name was based on the identification of the early calendar date from the baktun 8 (*uaxac* in Maya) on one of the stone stelae (*tun* in Maya). From that time the site became the center of the research of the archaeologists of the Carnegie Institute who realized surveys and excavations in the 1920s and 1930s. Later, in the 1970s, the site was part of the settlement survey program of the Tikal Project by the University of Pennsylvania Museum. In the 1980s there were two Guatemalan archaeological projects led by Juan Antonio Valdés from Tikal National Project (1983–1985) and salvage project in Group D in 1988–1989.

Uaxactun is one of the most important Ancient Maya sites in the history of Maya archaeology. The thesis about the ancient origin of Uaxactun went through several phases in the past. Initially, due to Morley's observations, Uaxactun was considered the oldest Maya city in general [1]. Thanks to the astronomic complex of Group E, it was considered to form the beginnings of Maya astronomy; due to the monumental painting in Group B, it was believed to represent the beginning of mural painting; and thanks to the supposedly first use of corbeled arches it was considered to constitute the beginning of Classic Maya architecture. Even after some corrections, the “origins” model lived its own life, and Uaxactun became an archaeological model or matrix for the classification of ceramics, architecture, etc. Everything related to the “archetype” — Uaxactun — though

it was becoming clearer that this fame was rather due to its pioneer position in the history of Maya archaeology than to Maya history as such. Archaeologists gradually found older Maya astronomic complexes, older Maya inscriptions, older paintings, older architecture, older ceramics, and Uaxactun's fame faded into oblivion. It is one of the reasons why once perhaps the most famous Maya town stopped being interesting for research projects, and has started to be overgrown by the jungle since 1980s. Starting in 2009 Uaxactun Regional Project under the direction of Milan Kováč greatly expanded our understanding of the ancient history of Uaxactun. The project focused on the most ancient history of the city, it seeks to verify this label of antiquity, first attributed to Uaxactun with great glory of which it was later silently deprived [2; 3].

Uaxactun consists of eight large groups marked from A to H. Groups A, B and C are situated to the northwest from the actual village of Uaxactun, Groups D and E — to the northeast, Groups F and H to the southeast and Group G to the southwest. Recent studies continued previous excavations in the Groups A, B, C and H south and for the first time included excavations in Groups F south, F north, G and H north.

The original chronological model for Uaxactun in the Late Preclassic was elaborated by Guatemalan archaeologists Juan Pedro Laporte and Juan Antonio Valdés. They suggested that the first settlement appeared in Group E in the Middle Preclassic. Monumental construction started in the beginning of the Late Preclassic when the first E-Group (or astronomic complex) was built. After this new architectural form — triadic complex — appeared. Group E continued its history until 150–100 BC when it was abandoned, and the center of the site moved to Group H South where it remained for 400 years. About 250 AD the center again returned to Group E but only for half a century. In 300 AD Maya abandoned original groups and constructed new buildings in Group A that became the center of the city until the end of its history [4; 5]. New studies demonstrated that this scheme was not so linear. In the peak of the Late Preclassic (ca. 100 BC) all four large groups (E, H South, H North and F North) were the loci of architectural, ceremonial and political activities. Large triadic complexes coexisted. Although Group E and F North were earlier than the others, relocation model does not reflect the complexity of Uaxactun history.

In 2013 a fragment of stela (Stela 28) was discovered in the front part of the H North triadic complex. Partly preserved inscription due to its paleography dates to the Late Preclassic times. Further exploration of the archaeological context showed that it was probably created around the year 100 BC or earlier [6]. What raises attention is the fine carving and the red color of the signs preserved until today. Stela 28 must have been a witness of violence between 100 and 50 BC when the royal inscription, normally sacred among the Maya, was destroyed and desecrated by being used as a common stone block in a building constructed around 50 BC.

In 2015 during the excavations of Structure H-XVI, a pyramidal structure on the southern side of the lower platform in Group H North (21 m x 16 m and 5 m in height) a cache below the center of substructure was discovered. It included several ritual vessels, greenstone bead, ceremonial axe, zoomorphic figurine and the scepter/bloodletter with hieroglyphic inscription [7]. Its unusual form makes it one of the most surprising objects from the Late Preclassic. Glyphs are very peculiar and demonstrate that Uaxactun had its own tradition of hieroglyphic writing already in the Late Preclassic.

Uaxactun was also a key site in the early research of Maya political history. Tatiana Proskouriakoff noted that the date 11 Eb was mentioned in both Uaxactun and Tikal. However, its own dynastic history was much less known than that of other Classic Maya polities. One of the important objectives of the Regional Uaxactun Archaeological Project was to redocument monumental corpus of the site using various methods (traditional photography, rubbings, photogrammetry, RTI and others). Combining redocumented materials, old photographs from the Carnegie Project made by Sylvanus Morley and the photographs and drawings by Ian Graham published in the “Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions” [8; 9], it became possible to obtain new scheme of the development of Uaxactun from the Late Preclassic (350 BC — 200 AD) to Terminal Classic (830–1000 AD).

The corpus on inscribed monuments of Uaxactun includes 28 stelae and 8 altars [10]. Our study of Uaxactun hieroglyphic inscriptions started in 2014 with the identification of the dynastic count on Stela 3. Early 6th century ruler Witznal carried a title *ʔu-lajchaʔ winaak tzʔakbʔuul Wak Kabʔ Yokʔin ʔAjaw*, (“32nd successor of Wak Kabʔ Yokʔin Ajaw”) (UAX: St.3, C4–D5). Taking the average reign length of 25 years, the founding of Uaxactun dynasty by Wak Kabʔ Yokʔin Ajaw could be dated between 275 and 250 BC [6; 11; 12]. Thus, epigraphic data that reflect later historical memory correspond well with the archaeological materials and permit to place and the formation of the early state in the beginning of the Late Preclassic (ca. 300 BC) [13. P. 400, 403].

By 100–50 BC Uaxactun became a regional political center that probably controlled neighboring Tikal. The excavations of Northern Acropolis at Tikal revealed extensive burning that between 100 and 50 BC [14]. Although some scholars consider that it had a ritual meaning, we believe that it could be a result of a war event. Redating of the massive earthworks separating Uaxactun and Tikal that were discovered by Dennis Puleston in the 1960s [15] opened a possibility that their construction started in Protoclassic times [16. P. 22–28].

The decline of Preclassic Uaxactun polity coincides with collapse that spread through all the Southern Lowlands between 100 and 150 AD. All central groups of the site were abandoned by 150 AD. Early Classic ceramics were not found directly above the Preclassic levels but were separated by the humus strata that measured between 0.15 and 0.35 m. It covered some of the buildings that were already abandoned and corresponded to the gap of about 100 years. Later there is evidence of ceremonial re-use of many buildings that dated to the beginning of the Early Classic [17].

Re-establishing the dynasty in the Early Classic

After the beginning of Tzacol 1 phase (250–300 AD) the central area of Uaxactun was reoccupied. A new ritual complex was constructed in Group E on top of the Preclassic E-Group, new elite burials were placed in the main groups. An important adult female was buried in front of the Str. E-10 (PNT-191). She was accompanied by a *Spondylus* conch carved with zoomorphic designs, a shell plaque and two stingray spines but did not have any ceramics. The tomb was later covered by a great deposit of lithics (429 obsidian and 17 chert flakes) [5. P. 25–28]. Since the buried woman already gave a birth to a child, she could be a progenitor of new Uaxactun ruling lineage.

In the beginning of Tzacol 2 phase (300–378 AD) new ritual and political core of Uaxactun was constructed in Group A, 1,5 km away from the old epicenter. It was placed on a hill (a prominent and defensible location) and connected to the cave El Respiradero studied in 2010–2011. The cave is unique because of its natural trait: the wind emanates permanently from it, literally a “breath of the cave”. Complex A-V, a temple and palace complex became the place of the rest of Uaxactun kings for about a century [5. P. 28–35]. At the same time, we see the appearance of the tradition of stelae dedication.

The main location of the monumental activity in Early Classic Uaxactun was the central plaza of Group E. It is possible that the first Early Classic Uaxactun Stela 9 (Fig. 1) was originally erected there but in the Terminal Classic was moved to Group A. It is a new type of a sculpture, relatively tall (2.54 m), carved on two sides and bearing an Initial Series [9. P. 155–157]. The Initial Series is damaged, and several possible solutions of the Long Count were proposed. Sylvanus Morley chose 8.14.10.13.15 8 Men 8 Kayab (September 24, 327 AD) [1. P. 153–156]. However, he noted that the numeral coefficients in A4, B4 and A5 in fact look different [1. P. 154]. Fahsen, Valdes and Escobedo accepted Morley’s interpretation, although editor’s note 1 states that Ian Graham’s drawing looks different [5. P. 30]. We propose a new reconstruction of a Long Count as 8.14.5.12.16 9 Kib 14 Kayab (April 19, 323 AD). As many other early Maya stelae, the inscription did not mark a Period Ending but rather recorded the accession of new ruler whose nominal sequence consisted of the early version of “Trophy-Skull” sign and **BAHLAM** logogram. The name ... *Bahlam* (“Trophy-Skull Jaguar”) was quite common among the royal dynasties of the Western region of the Maya Lowlands in the Late Classic. The text also contained parentage statements including reference to the maternal grandfather (*mam*) and ruler’s mother. The text ends with the earliest place-name formula known in the Maya inscription: *’uhti K’anwitz chanch’ee’n*, “it happened at the high city of *K’anwitz*”. We know that *K’anwitz* or “Yellow Hill” was one of the toponyms related to Uaxactun [18. P. 424–425].

The image on the front side of the Stela 9 presents a new theme in Classic Maya art. It represents a triumphant ruler holding *k’awiil* head overseeing a kneeling

captive. The figure of the captive was eroded, but we can discern a complex headdress and bounded hands. To our knowledge this is the first Maya stela with captive presentation scene.

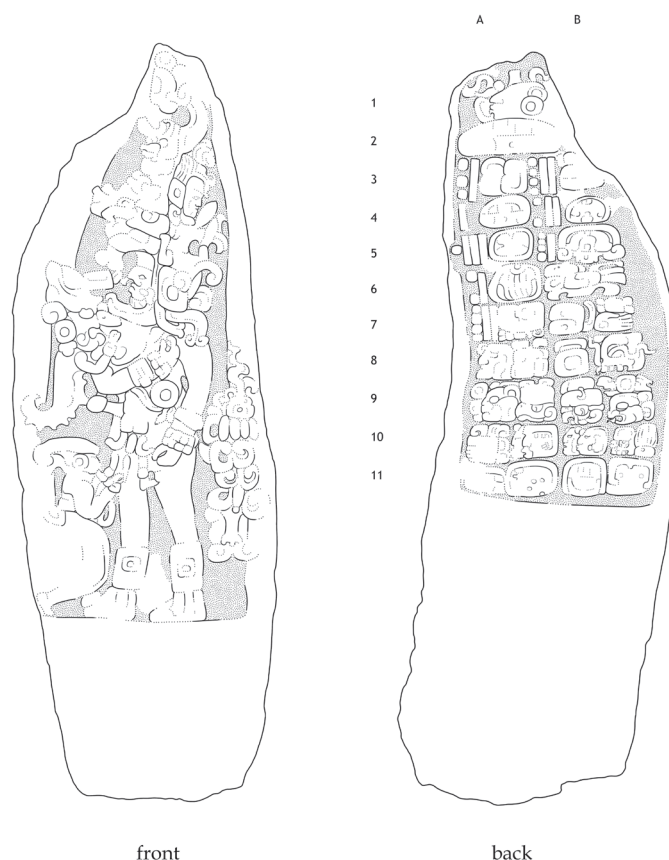

Figure 1. Uaxactun, Stela 9, front and back sides
Source: drawing by A. Safronov.

First Period Ending stelae at Uaxactun are Stelae 18 and 19. They were discovered in the Main Plaza of Group E as a part of astronomical complex (E-Group), on the west side of Structure E-2. Both monuments were eroded, Stela 19 was split into three large fragments. For a long time only the Long Count date 8.16.0.0.0 3 Ajaw 3 K'ank'in (357 AD) was clear. Valdes, Fahsen and Escobedo assumed that the name glyphs on Stelae 18 and 19 that were dedicated on the same date were different and probably there were two co-ruling lineages in Early Classic Uaxactun [5. P. 34–35]. Our reconstruction of the texts of both monuments led to quite different conclusions.

The main text of Stela 18 (Fig. 2) following the Initial Series recorded two events: (B7) K'AL-TUN -TZ'AK-b'u-'USIJ? (A8) ... 5-...-... (B8) K'AN-WITZ

... (A9) 17-WINIK 1-²AJAW^{DAY} (B9) CHUM-li K'AHK'-... / K'AWIL-..., *k'altuun ... Tz'akb'u Usij ... ho' ... K'anwitz ... huklaju'n winik ju'n ²Ajaw chumli [iy] K'ahk' ... / k'awiil*, (“stela dedication [of] Tz'akbu Usij ... 5th ... at K'an Witz ... 17 months [passed] since the day 1 Ajaw when he sat at the fiery ... / with *k'awiil*”).

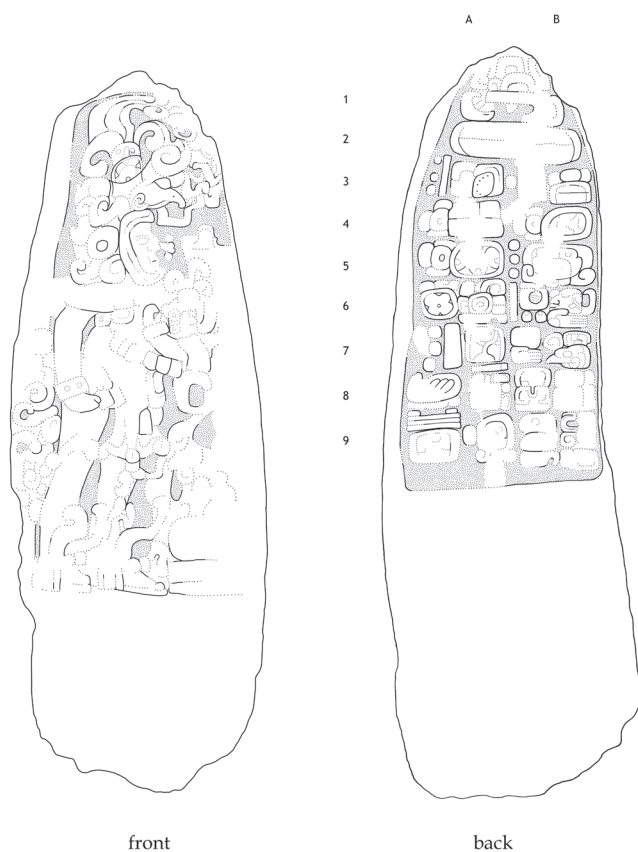

Figure 2. Uaxactun, Stela 18, front and back sides
Source: drawing by A. Safronov.

After the Period Ending and stela dedication event the narrative goes back to the accession that took place 340 days before, on 8.15.19.1.0 1 Ajaw 13 Muwan (February 29, 356). This is a second known accession date at Uaxactun. The nominal glyph of the protagonist consists of the collocation **TZ'AK-b'u** and the bird head, probably a vulture (²USIJ?). The same name appears in the text of the Stela 19 (Fig. 3): (B7b) **K'AL?-TUN?** (A8) **TZ'AK-b'u-²USIJ?** (B8) **K'AN-WITZ?** ²AJAW?-wa? (A9) ²IL-li-²AJ ...-HUN? (B9) ...-ma? yo?-... (A10) TZUTZ?-... 16 (B10) WINAK-HAB' ... (A11) ...-CHA' ... (B11) K'AN-...-WITZ?, *k'altuun Tz'akb'u' ²Usij? K'an Witz ²ajaw (?) 'ilaj ... huu'n ...m yo... tzutz [uuy] waklaju'n-winaakhaab' ... Cha' ... K'an Witz*, (“stela dedication [of] Tz'akbu Usij ... lord (?), and he witnessed ... The 16th katun got terminated ...; [it happened at] *Cha'* ... *K'an Witz*”).

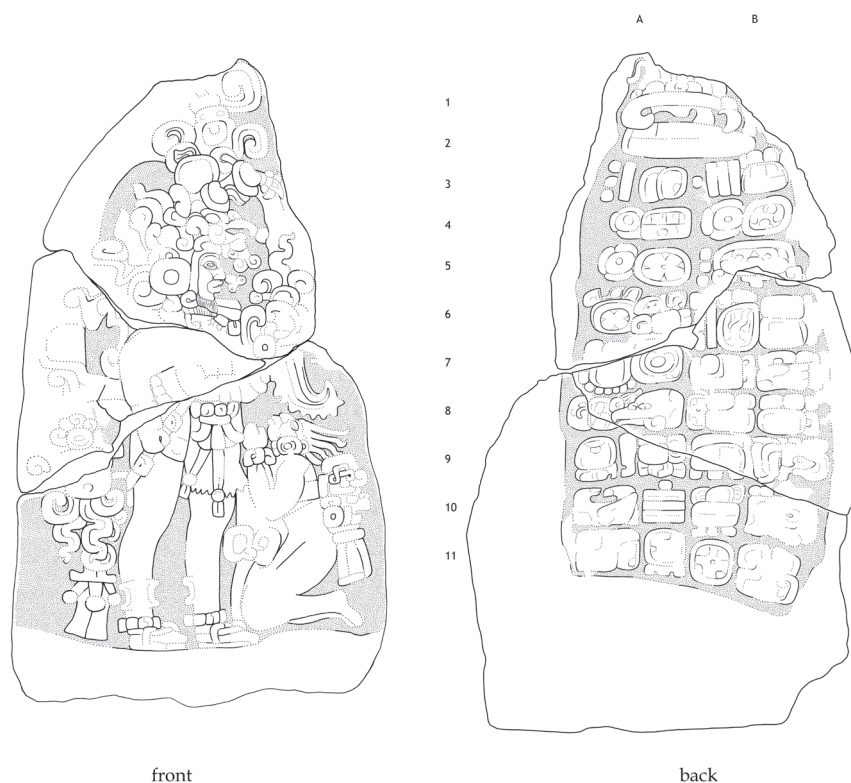

Figure 3. Uaxactun, Stela 19, front and back sides
Source: drawing by A. Safronov.

We suggest that *Tz'akbu Usij* who ruled from 356 AD was the successor of “Trophy-Skull Jaguar” who, in his turn, ruled from 323 to 356 AD. On Stela 19 *Tz'akbu Usij* was possibly called *K'an Witz 'ajaw* (“lord of Yellow Hill”), the same title probably appeared on Stela 18. The final passage of Stela 19 includes the reference to the Period Ending ceremony (“the 16th katun got terminated”) and names an extended toponym *Cha' ... K'an Witz* (“Cliff ... Yellow Hill”), again referring to Uaxactun.

The iconography of Stela 18 and 19 is different. On the first monument we observe only the ruler’s figure holding ancestral head. Stela 19 presents a triumphal theme with a kneeling captive with bound hands looking up to the ruler. Captive’s hair are loose, and his belt mask is topped by a nominal glyph that includes the early form of **WAY** logograph and fish-like head (probably **XOK**). This name looks very much alike the name mentioned in unprovenanced Early Classic fragment preserved in the library of Sylvanus Morley Museum in Tikal National Park (Guatemala) that was first documented in 1989 by Karl Herbert Mayer [19. Plate 165] and in 2013 was redocumented by the Project “Atlas Epigráfico de Petén” directed by Dmitri Beliaev. The fragment should come from some of the neighboring sites. The date of the war is not recorded but it could not be far from the royal accession in 356 AD.

The portrait of the king on Stela 19 is quite unusual. He has a specific nose ornamentation and beard. The same traits can be found in the portrait of the captive depicted on Tikal Stela 39 (Fig. 4). As we noted previously, the nominal glyph inscribed into the headdress of the captive is the same **TZ'AK-b'u-'USIJ?** [12. P. 155–156].

Figure 4. Tikal, Stela 39, front side detail

Source: drawing by L. Schele; from FAMSI The Linda Schele Drawing Collection.

The conflict between Tikal and Uaxactun should take place around 375 AD because Stela 39 was dedicated to commemorate the Period Ending in 376 AD (8.17.0.0.0). Currently it is the first recorded important Ancient Maya warfare that was very important for the future of the Maya Lowlands.

Stela 20 and the problem of dating Early Classic Uaxactun rulers

One of the most interesting but at the same time problematic Early Classic Uaxactun monuments is Stela 20 (Fig. 5). It was discovered by the Sixth Central American Expedition of the Carnegie Institution in 1922 standing on the western side of the Group E Main Plaza at the foot of the eastern stairway of Temple E-VII [1. P. 188–189]. The condition of a relief can be estimated as average, however some parts are damaged, in particular the bottom left corner on front and a middle part of inscription on the back. However, many details of the relief were destroyed. It is one of the rare monuments of Uaxactun, which was carved on each of the four sides, as well as the Early Classic Stelae 5 and 10. On the front there is a full-figure frontal image of the ruler holding short “Serpent Bar” that ends with two serpent heads with opened mouths. Ancestor or deity heads coming out of the serpent jaws are damaged. The ruler wears large archaic-style headdress with a long protruding vertical element that includes nominal glyph. In the lower right corner there is a figure of the kneeling captive with bound hands, the damaged

lower left corner contained the image of another captive. On the right and left sides of the stela there are images of four kneeling captives and their respective glyphic captions. The back side contains the inscription of 18 eroded glyphic blocks.

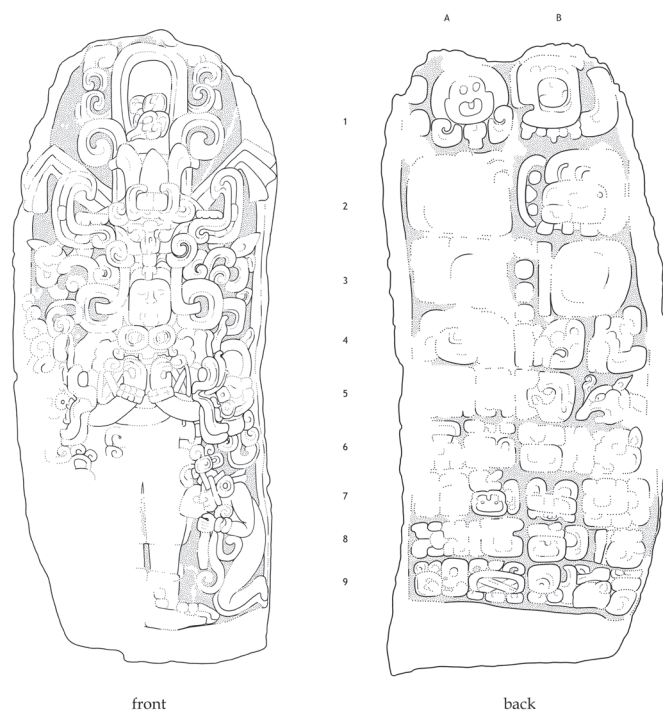

Figure 5. Uaxactun, Stela 20, front and back sides
Source: drawing by A. Safronov.

The principal text on the back side of Stela 20 starts with the dedication event: (A1) 2-[?]AJAW^{DAY} (B1) WA[?]-la-ja (A2) ... (B2) [?]u-K'ABA[?]-ba, (A3) ..., [ta] cha[?] [?]Ajaw wa[?]laj ... [?]u-k'aba[?] [[?]u-lakamtuun] ... (“On the day 2 Ajaw it stood up ... — it is the name of [the stela]”). The middle section of the text is very eroded, although we can see some zoomorphic heads. The text becomes more clear in the final section: (A7) ... [?]OCH-CH'EN-ja (B7) PA[?]-CHAN[?]-na WI[?] (?) -ja (A8) ...-... (B8) [?]OCH-CH'EN-ja ...-...-... (A9) ...-JOL[?] ya-[?]AT-je[?] (B9) WI[?] (?) -ja ...-BAHLAM[?] ...-..., [?]och-ch'enaj Pa[?]chan (?) wi[?]aj (?) [?]och-ch'enaj [?]aj jol yatej wi[?]aj (?) ... Bahlam ... (“He invaded the city of Pa'chan; ... became food / was eaten (?). He invaded the city of Jol. After he did it, ... Bahlam ... became food / was eaten (?)”).

Twice in the text we find the verb [?]OCH-CH'EN-ja, [?]och-ch'enaj. The compound [?]och-ch'en means “invasion” and is formed from the phrase [?]ochi [?]u-ch'ee[?]n “he entered its city” “to enter the city” or “to invade” (Fig. 6) [20. P. 105–109]. The form [?]och-ch'enaj is an intransitive verb derived with verbalizing suffix -aj / -ij [21].

Figure 6. Early Classic *'och-ch'ee'n* phrases: a — ***'OCH-CH'EN-ja***, *'och-ch'enaj* on Uaxactun, Stela 20, blocks A7, B8; b — ***'u-'OCH-CH'EN***, *'och (i) 'u-ch'ee'n* on Dzibanche, Monument 11, block
Source: a — drawing by A.V. Safronov; b — drawing by S. Martin [20. P. 106].

The second verb is the most frequent in the text and appears six times, twice in the main text (B7b and B9a) and four times on the sides. It is written as **WI' (?) -ja** using possibly the earliest form of logogram **WI'** studied by Alfonso Lacadena [21]. Although the internal graphic elements are eroded, several diagnostic traits of this sign can be recognized, including the internal encircled area and the element in the form of **wa** sign attached (as Lacadena showed, here it is a part of the sign). Lacadena suggested that *wi'[a]j* is a derived intransitive verb “to eat, to become feed”) [21. P. 44–45]. However, based on the context, we propose that it is inchoative verb “to become food [of the gods]” or a non-standard passive form “was eaten [by the gods]”. The fate of the captive to be sacrificed and to become the food of the gods is confirmed by the final passage from the Early Classic Yaxchilan royal list: ***'u-WE'-ji-ya 'o-CHAHK K'AN-WI'-CHUWAJ***, *'u-wejiy 'O Chaahk K'an Wi' Chuwaaj*, (“O Chahk and K'an Wi' Chuwaj ate them (the captives)”) (YAX: Lnt. 35, D7–D8).

The first military passage *'och-ch'enaj Pa'chan (?) wi'aj (?) ...* is unique because it mentions the object of the invasion, *Pa'chan*. This toponym is known as the ancient name of the site of Yaxchilan but, as Stephen Houston demonstrated, it also was a name for the important Peten site of El Zotz' (Fig. 7) whose rulers also used the Emblem Glyph *Pa'chan 'ajaw* [22. P. 23–24]. We suggest that the passage of Stela 20 describes the war between Uaxactun and El Zotz'. The object of *wi'aj* verb whose name was recorded in position A8 could be El Zotz' dynasty or war leader taken as captive and sacrificed to the gods.

Figure 7. *Pa'chan* toponym: a — UAX:St.20, block B7; b — K5465, block I; c — Bagaces mirror, block B3; d — Canberra vessel (K8458), block D7; e — Yaxchilan, Stela 12, block C6
Source: drawing by a — A. Safronov; b — Stephen Houston; c — J. Porter; d — P. Mathews; e — L. Schele.

Excavations at El Zotz' and the study of Buenavista Valley directed by Stephen Houston demonstrated that this site was the capital of important Early Classic polity. It replaced the Preclassic center of El Palmar that was abandoned during the Late Preclassic to Early Classic transition (200–300 AD) and controlled the Buenavista Valley until the end of the Classic period [23]. One of the striking elements of Buenavista Valley settlement patterns is the complex system of defensive features that included citadels, surveillance platforms, moats, and ramps for rapid ascent and descent on high ridges and hilltops. Stephen Houston and Thomas Garrison connected the construction of this system with the conflict with Tikal and date them to the times of *Teotihuacan* entrada in 378 AD [24]. However, numerous watchtowers were constructed north from El Zotz' controlling the enemy coming from that direction and not from the west, where Tikal is situated. Uaxactun which is placed to the northeast, is another good candidate for the aggressor.

Unfortunately, the object of the second attack mentioned in the main inscription of Stela 20 cannot be recognized. The place name contains two glyphic blocks (B8b–A9a) and possibly ends with *Jol*. Fahsen, Valdés y Escobedo [5. P. 61] suggested that in position A9b a collocation **ya-ʼAT-na**, *yatan* (“his wife”) was written. However, no female names or titles can be found in the surrounding text. Moreover, redocumentation of the monument showed that the bottom sign is not **na** but the sign consisting of three circular elements like **ma** or **je**. We suggest that it is the compound **ya-ʼAT-je?** that spells the term *yatej* attested in the inscription on the Hieroglyphic Stairway at Dzibanche [20. P. 109–114] where it is also connected to *ʼoch-chʼeeʼn*. It seems to be a cognate to more widespread *yetej* and is related to military activities. Although its precise meaning is still unknown, recently two interpretations of this glyphic compound were proposed [25;26. P. 83–86]. Albert Davletshin (personal communication, 2022) suggested that here *yatej* is a perfective verb (*y-at-ej*) and opens a final phrase of the inscription. The last phrase starting with *wiʼaj* verb should name the sacrificed captive; his name include the feline head sign (probably **BʼAHLAM**).

The images and hieroglyphic inscriptions on the sides of the monument complement the main text. We observe four kneeling captives with bound hands still wearing their headdresses (Fig. 8). Each is accompanied by a short glyphic caption, and the hieroglyphic signs on the left side were inverted:

(C1) **5-ʼEHB^{DAY} WIʼ (?) -ja** (C2) **YAX-... ti-...-... , hoʼ ʼEhb wiʼaj (?) Yax ... ti...**

(C3) **7-HIX^{DAY} WIʼ (?) -ja** (C4) **ʼAJ-6-chi? ...-...-... , huk Hiix wiʼa [j] (?) ʼAj Wak Chi [j] ...**

(“On the day 5 Eb Yax ... Ti... became food / was eaten. On the day 7 Hix Aj Wak Chij ... became food / was eaten”).

(D1) **TZʼIKIN^{DAY}-8 (D2) ...-...-... ja-WIʼ (?) , waxak Tzʼikin wiʼaj (?) ...**

(D3) 'AJAW^{DAY}-13 (D4) YAX-TUN? ja-WI' (?), *huuxlaju'n 'Ajaw wi'aj* (?)
Yax Tuun?

(“On the day 8 Men ... became food / was eaten. On the day 13 Ajaw Yax Tuun became food / was eaten”).

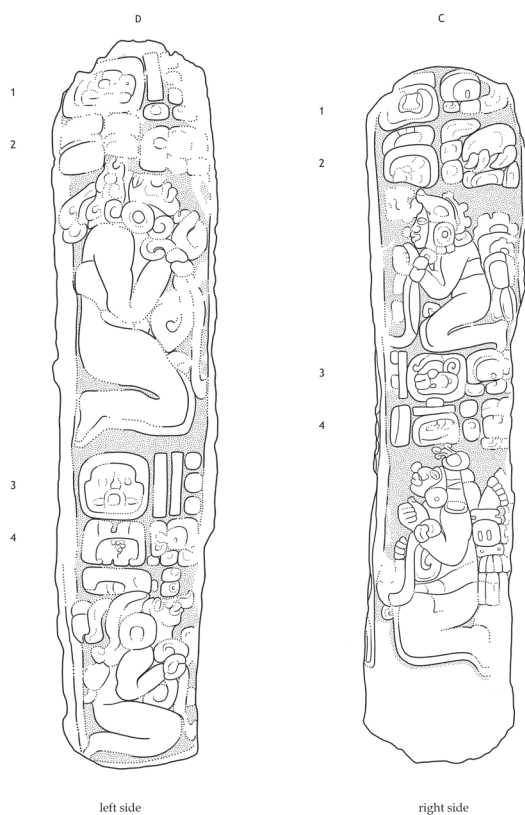

Figure 8. Uaxactun, Stela 20, left and right sides
 Source: drawing by A. Safronov.

It is very important that all four days (*Tzolk'in*) mentioned in this part of the inscription are all placed within the same *trecena* (13-day period) that closes the 260-day cycle: 5 Eb (day 252), 7 Hix (day 254), 8 Men (day 255) and 13 Ajaw (day 260). There is no doubt that human sacrifices were connected to the termination of the sacred 260-day period.

Altogether, the final passages of the inscription of Stela 20 and the inscription on the sides represent a rare example of the extended triumphal narrative describing a single military campaign that included the invasions to the cities or towns (*'och-ch'enaj*) and the ceremonies of human sacrifices (*wi'aj*). It was a result of the successful attack of Uaxactun king against *Pa'chan* kingdom (El Zotz') and neighboring towns. If we consider all the references to be a part of the same campaign, it should be directed to the southwest of Uaxactun.

The main problem is the date of Stela 20. The date on the back side is written only marking the day (*tzolk'in*) position 2 Ajaw. Morley [1. P. 188–189] suggested that this date refers to the Period Ending 9.3.0.0.0 2 Ajaw 18 Muwan (January 30, 495 AD). This identification was supported by other scholars [5. P. 58–61]. However, the figures of the captives are depicted in archaic style and are similar to the captive from the Stela 19 and to the captives of the Dzibanche stairs that recently were redated to 400–450 AD [27]. Therefore, we cannot exclude the possibility that the stela was made during Tzakol 2 phase to commemorate earlier Period Ending.

The nominal glyph of the ruler was written in the center of his headdress that is common to Early Classic Uaxactun monuments [28]. It has the form of a bird head with additional elements on top (Fig. 9a). Originally we nicknamed it as “Bird Head” and suggested that the same block appears on the head of the father or ancestor on the belt mask of the 32nd Uaxactun king ... Witznal on Stela 3 (507 AD) (Fig. 9b). If “Bird Head” was 31st king who ruled in the late 5th century, proving the correctness of Morley’s date for Stela 20 as 495 AD [11. P. 520–521].

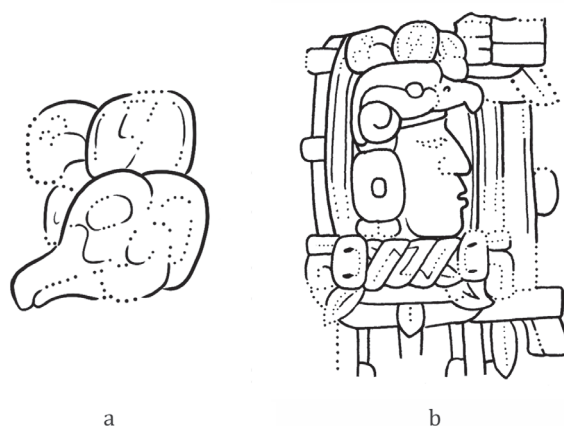

Figure 9. The nominal glyphs on Stela 3 and Stela 20: a — Uaxactun, Stela 20, front side detail; b — Uaxactun, Stela 3, left and right sides
Source: drawing by A. Safronov.

However, working with photogrammetric model of Stela 20 made by Carlos Pallan, we identified additional details in the nominal glyph identical to those from the name of Tz’akbu Usij. So, it is possible that there were two kings bearing this name, Tz’akbu Usij I (356 — ca. 375 AD) and Tz’akbu Usij II (late 5th century AD). But in this case, we cannot be sure which ruler ordered to dedicate Stela 20. The best option for the early dating would be 8.16.10.0.0 2 Ajaw 18 Sak (December 13, 366 AD) that fits well the reconstructed reign of Tz’akbu Usij I (357 — ca. 375 AD).

If we keep traditional date of the stela (9.2.0.0.0 2 Ajaw 18 Muwan), the closest preceding positions of the dates recorded on the sides would be 9.2.19.13.12 5

Eb 10 Sak (November 3rd, 494), 9.2.19.13.14 7 Hix 12 Sak (November 5th, 494), 9.2.19.13.15 8 Men 13 Sak (November 6th, 494) and 9.2.19.14.0 13 Ajaw 18 Sak (November 11th, 494). If we accept the earlier date 8.16.10.0.0 2 Ajaw 18 Sak, the corresponding dates should be 8.16.9.13.12 5 Eb 10 Yaxk'in (September 15, 366), 8.16.9.13.14 7 Hix 12 Yaxk'in (September 17, 366), 8.16.9.13.15 8 Men 13 Sak (September 18, 366) and 8.16.9.14.0 13 Ajaw 18 Yaxk'in (September 23, 366).

Conclusions

Redating Stela 20 to 366 AD permits us to place the military campaign against El Zotz' into a better historical context. After the re-establishment of a dynasty in the early 4th century Uaxactun rulers also tried to restore their former regional domination. However, another pretendent to the regional domination was Tikal that survived the crisis during the Preclassic to Early Classic transition. Tz'akbu Usij (356 — ca. 375 AD) who succeeded "Trophy-Skull Jaguar" (323–356 AD) continued the military politics. 10 years after his accession he undertook a successful military campaign against El Zotz' and other neighboring southwestern towns. It is tempting to try to identify the massive sacrifice of the captives taken in 366 AD among the known Early Classic Uaxactun deposits containing human remains.

By 370/375 AD Uaxactun became one of the most important Maya polities in the Central Petén. But its expansion led to the conflict with Tikal. Not long after the El Zotz' triumph Tz'akbu Usij was defeated and probably captured by his Tikal rival Chak Tok Ich'aak II (360–378 AD). Very bad preservation of the earliest Uaxactun monuments could be result of their destruction by Tikal conquerors after this.

The defeat of Uaxactun and the establishment of Tikal hegemony in the Central Peten could be one of the main factors causing the Teotihuacan invasion to the Maya Lowlands in 378 AD. We know that the main aim was Tikal, and several Maya polities like El Peru and Naachtun supported Teotihuacan. Uaxactun seems to live very well under the Teotihuacan power. Uaxactun king "Sun Raiser" who ruled until the early 5th century paid a lot of attention to Teotihuacan overlords and highlighted his good relations with them. The Teotihuacan invasion continued to be remembered at Uaxactun until the late 5th century, several decades longer than at Tikal.

References / Список литературы

1. Morley S. *The Inscriptions of Peten*. Vol. I. Carnegie Institute of Washington. Publication 437. Washington, D.C., 1938.
2. Kováč M. Crecimiento, colapso y retorno ritual en la ciudad antigua de Uaxactun (150 a.C.-300 d.C.). In Arnauld M-Ch, Breton A, editors. *Millenary Maya Societies: Past Crises and Resilience*. Mesoweb, 2013, pp. 106–121. Available from: www.mesoweb.com/publications/MMS/8_Kovac.pdf [Accessed February, 20th, 2024].
3. Kováč M. The messages of Maya Ruins. Six years of research of the Slovak archaeological project in Guatemala (2009–2014). *Historická Revue*. 2015;(25).

4. Laporte JP, Valdés JA, editors. *Tikal y Uaxactún en el Preclásico*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1993.
5. Valdés JA, Fahsen F, Escobedo H. *Reyes, tumbas y palacios: La historia dinástica de Uaxactun*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1999.
6. Safronov AV. Development of the Early Maya state in Uaxactunc. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2015;(239):112–130. (In Russ.). EDN: WCGFLX
Сафронов А.В. Формирование раннего государства майя в Вашактуне // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 239. С. 112–130. EDN: WCGFLX
7. Kováč M, Jobbova E, Krempel G. The Legacy of an Early Maya King: Text, imagery and ritual contexts of a Late Preclassic Cache from structure H-XVI Sub, Uaxactun. *Mexicon*. 2016;(38):9–29.
8. Euw E, Graham I, editors. *Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions, Volume 5, Part 2: Xultun, La Honradez, Uaxactun*. Cambridge: Harvard University Press, 1984.
9. Graham I, editor. *Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions. Volume 5, Part 3: Uaxactun*. Cambridge: Harvard University Press, 1986.
10. Safronov AV. The corpus of Uaxactun monuments (Peten, Guatemala): actual research problems. In: Martynova MY, Piterskaya ES, Vorob'iov DV, editors. *Sources and historiography by anthropology of America natives*. Moscow: IEA RAS; 2017, p. 89–106. (In Russ.).
Сафронов А.В. Корпус монументальных памятников Вашактуна (Петен, Гватемала): актуальные проблемы исследования // Источники и историография по антропологии народов Америки. М. : ИЭА РАН, 2017. С. 89–106
11. Safronov A, Beliaev D. La epigrafía de Uaxactun después de un siglo, 1916–2016. In: Arroyo B, Méndez L, Ajú G, editors. *XXX Simposio de investigaciones arqueológicas en Guatemala, 2016*. T.1. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología; 2017, pp. 516–528. EDN: XMDRUD
12. Safronov A, Beliaev D, Kováč M, Špotak J. La primera guerra maya: evidencias epigráficas sobre el conflicto entre Tikal y Uaxactun en el Clásico temprano. In Arroyo B., Méndez L., Ajú G., editors. *XXXIV Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2021*. Guatemala: Museo de Arqueología y Etnología; 2022. P. 153–162.
13. Beliaev DD. Early state formation in the Maya lowlands in the Preclassic (1000 BCE — 150 CE). *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):384–414. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-384-414> EDN: GOOGAM
14. Coe WR. *Tikal Report n°14 — Excavations in the Great Plaza, North Terrace, and North Acropolis of Tikal*. 6 volumes. Philadelphia: University Museum of Archaeology and Ethnology, 1990.
15. Puleston D, Callender D. Defensive earthworks at Tikal. *Expedition*. 1967;(9):40–48.
16. Webster D, Murtha T, Straight K, Silverstein J, Martinez H, Terry RE, Burnett R. The Great Tikal earthwork revisited. *Journal of Field Archaeology*. 2007;(32):41–64.
17. Kováč M. Hiatus en el fin de Preclásico y retorno de los reyes, Uaxactun, Guatemala. *Contributions in New World Archaeology*. 2012;(3):49–63.
18. Safronov A. Uaxactun emblem glyph: the evolution of the Classic Maya royal title. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):415–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-415-430> EDN: GNXOSS
19. Mayer KH. *Maya Monuments: Sculptures of Unknown Provenance, Supplement 3*. Berlin: Verlag Von Flemming, 1991.
20. Martin S. Preguntas epigráficas acerca de los escalones de Dzibanché. In Nalda E., editor. *Los Cautivos de Dzibanché*. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia; 2004. P. 104–115.
21. Lacadena A. Nuevas evidencias para la lectura de T158. *Mayab*. 2002;(15):41–47.

22. Houston S, Garrison TG, Román E. A Fortress in heaven: researching the Long Term at El Zotz, Guatemala. In Garrison TG, Houston S, editors. *An inconstant landscape: The Maya kingdom of El Zotz, Guatemala*. Boulder: University Press of Colorado Press; 2018. P. 3–45.
23. Garrison TG, Houston S. An inconstant landscape: Pa'ka'n in regional view. In Garrison TG, Houston S, editors. *An inconstant landscape: The Maya kingdom of El Zotz, Guatemala*. Boulder : University Press of Colorado Press; 2018. P. 361–381.
24. Houston S, Garrison TG, Alcover Firpi O. Citadels and surveillance: conflictive regions and defensive design in the Buenavista citadels of Guatemala. *Contributions in New World Archaeology*. 2019;(13):9–36. <https://doi.org/10.33547/cnwa.13.01>
25. Bernal Romero G. Glifos enigmáticos de la escritura maya: El logograma T514, YEJ “filo”. *Arqueología Mexicana*. 2015;(135):78–85.
26. Tokovinine A. Fire in the land: landscapes of war in Classic Maya narratives. In Morton SG, Peuramaki-Brown MM, editors. *Seeking Conflict in Mesoamerica: Operational, Cognitive, and Experiential Approaches*. Boulder: University of Colorado Press; 2019. P. 77–100.
27. Tokovinine A, Beliaev D, Balanzario S, Khokhriakova S. New data, new interpretations: Dzibanche monuments through the lenses of a 3D scanner. *Ancient Mesoamerica*. 2024;(35):708–725. <https://doi.org/10.1017/S0956536122000190>
28. Safronov AV. Altar 1 from Uaxactun (Petén, Guatemala): analysis of the zoomorphic monument of the Ancient Maya. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2022;(268):419–432. (In Russ.). EDN: JZEYVS
Сафронов А.В. Алтарь 1 из Вашактуна (Петен, Гватемала): анализ зооморфного монумента древних майя // Краткие сообщения Института археологии. 2022. № 268. С. 419–432 EDN: JZEYVS

Information about authors:

Dmitri Beliaev — PhD in History, Associated Professor, Knorozov Center for Mesoamerican studies, Faculty of History, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, bldg. 3, Moscow, 125047, Russian Federation; senior research fellow, International Centre of Anthropology, National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya ulitsa, bldg. 3, Moscow, 105066, Russian Federation, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-code: 4705-6569.

Alexander Safronov — PhD in History, Associated Professor of the Department of Ancient History of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: alexsafronov@bk.ru ORCID: 0000-0002-2121-1136. SPIN-code: 5898-0440.

Информация об авторах:

Беляев Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 3; старший научный сотрудник Международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-код: 4705-6569.

Сафронов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, e-mail: alexsafronov@bk.ru ORCID: 0000-0002-2121-1136. SPIN-код: 5898-0440.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-420-439

EDN: SHQZBO

Research article / Научная статья

Four Santa Elena monuments from Balancan museum, Tabasco, Mexico

Sergei V. Vepretskii^{1,2} , Dmitri D. Beliaev^{2,3} ,
Albert I. Davletshin² , Bruce Love⁴

¹Institute of Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russian Federation*

²Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

³National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

⁴Anthropological Research Contributions (ARC), *Little Rock, California, USA*

 servepr@gmail.com

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that the corpus of hieroglyphic inscriptions of Santa Elena, located in the municipality of Balancan in the territory of the modern state of Tabasco, is not large, and most of the references to its rulers are taken from the texts of other monuments. The inscriptions analyzed in the study have not previously been fully introduced into scientific circulation. The aim of this study is to analyze the Santa Elena epigraphic inscriptions from the Balancan Museum and to place them in the general context of the political history of the Wa...a' kingdom (also known as Wa-"Bird") during the Classic period. The new documentation of these monuments made by Bruce Love in 2019 (nighttime photography) and Sergei Vepretskii in 2024 (photogrammetric models) has revealed previously unknown data on the political history of Santa Elena. We managed to prove that these inscriptions report on a war against Palenque (probably in 611), and on possible connections between Santa Elena and Kanu'l at the turn of the 6th and 7th centuries. Considering the new information in the context of data obtained from other hieroglyphic inscriptions, we offer a preliminary reconstruction of the dynastic sequence of Santa Elena in the 6th and 7th centuries.

Keywords: Ancient Maya, Classic period, epigraphy, political history, Santa Elena

Contribution. Vepretskii S.V. — documentation (photogrammetry of Santa Elena monuments), epigraphic analysis, writing the text of the article, preparation of the illustrations; Beliaev D.D. — epigraphic analysis, editing the text; Davletshin A.I. — epigraphic analysis, editing the text; Love B. — mastermind of the study, documentation (photographing Santa Elena monuments), editing the text.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: Received: 10.02.2025. Accepted: 20.04.2025.

© Vepretskii S.V., Beliaev D.D., Davletshin A.I., Love B., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Vepretskii SV, Beliaev DD, Davletshin AI, Love B. Four Santa Elena monuments from Balancan museum, Tabasco, Mexico. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):420–439. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-420-439>

Четыре монумента Санта-Элены из музея Баланкан в штате Табаско, Мексика

С.В. Вепрецкий¹ ² ✉, Д.Д. Беляев^{2,3} , А.И. Давлетшин² , Брюс Лав⁴

¹Институт этнологии и антропологии, Москва, Российская Федерация

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

⁴Организация «Достижения в антропологических исследованиях» (ARC), Литтлрок, Калифорния, США

✉ servepr@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что корпус иероглифических надписей Санта-Элены, археологического памятника, расположенного в муниципалитете Баланкан на территории современного штата Табаско, не велик, а большинство упоминаний о его правителях взято из текстов других памятников. Анализируемые надписи ранее не были полноценно введены в научный оборот. Цель исследования — проанализировать эпиграфические надписи Санта-Элены из музея Баланкан и рассмотреть их в общем контексте политической истории царства Ва...а, также известного как Ва-«Птица». Новая документация данных памятников, осуществленная Брюсом Лавом в 2019 г. (ночные фотографии со вспышкой) и Сергеем Вепрецким в 2024 г. (фотограмметрические модели), позволила выявить ранее неизвестные данные о политической истории Санта-Элены. Удалось доказать, что среди прочего данные надписи сообщают о войне против Паленке (вероятно, в 611 г.) и возможных связях Санта-Элены и Канульского царства на рубеже VI и VII вв. Рассматривая полученную информацию в контексте сведений из других иероглифических надписей, мы предлагаем предварительную реконструкцию династической последовательности Санта-Элены в VI–VII вв.

Ключевые слова: древние майя, классический период, эпиграфика, Санта-Элена, политическая история

Вклад авторов. Вепрецкий С.В. — документация (фотограмметрия монументов Санта-Элены), эпиграфический анализ, написание текста статьи, подготовка иллюстраций, оформление статьи для публикации; Беляев Д.Д. — эпиграфический анализ, редактирование текста статьи; Давлетшин А.И. — эпиграфический анализ, редактирование текста статьи; Лав Б. — вдохновитель исследования, документация (фотографирование монументов Санта-Элены), редактирование текста статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10.02.2025; принята к публикации 20.04.2025.

Для цитирования: Vepretskii S.V., Beliaev D.D., Davletshin A.I., Love B. Four Santa Elena Monuments from Balancan Museum, Tabasco, Mexico // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 420–439. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-420-439>

Introduction

Four large stone monuments from the Maya site of Santa Elena are displayed in the Dr. José Gómez Panaco Museum in Balancan (Tabasco, Mexico). They look like panels and their size is comparable to stelae (Fig. 1). Their exact archaeological context is unknown, although they are said to come from the ballcourt [1. P. 37]. The monuments under discussion are labeled *lápidas* “stone slabs” in Spanish, additionally specified as A, I, II and III in the museum register. The photos of all four monuments were published in a recent paper by Guillermo Bernal, where he uses different numbering and calls them Lápidas 1, 2, 3 and 4 [2. P. 139–145]. Lápida A is also known as Monument 1 [3. P. 37; 4. P. 575; 5. P. 25; 6. P. 249] and Stela from Santa Elena [7. P. 107], Lápida III as Panel 4 and Lápida I as just Panel [3. P. 37]. Since there is no accepted nomenclature for all four monuments, we suggest to designate them as Monument 1 for Lápida A, and Monuments 2, 3 and 4 for Lápidas I, II, III¹.

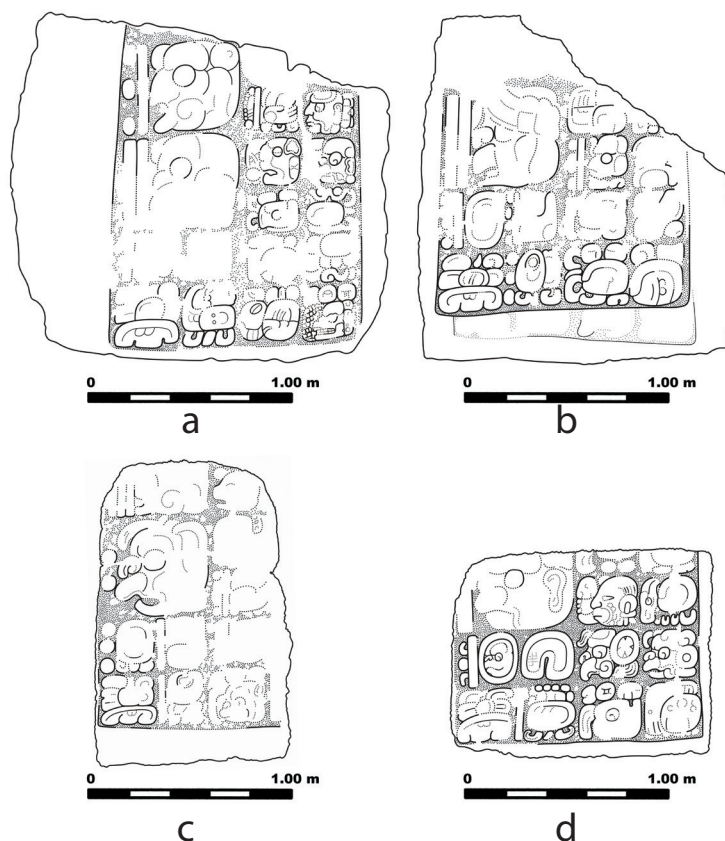

Figure 1. Santa Elena Monuments from Balancan Museum: *a* — Monument 1; *b* — Monument 2; *c* — Monument 3; *d* — Monument 4

Source: Drawings by S.V. Vepretskii.

¹ We are grateful to Yuriy Polyukhovych and Matthew Looper for clarifying some issues connected to the old nomenclature.

Preliminary drawings of Monuments 1, 2 and 4 were made by Nikolai Grube [3. P. 37]. For the moment the most thorough analysis of the inscription of Monument 1 was realized by Yuriy Polyukhovych in his PhD dissertation [4. P. 575]. It also included the complete drawing that shows much more details than Grube's sketch. Later Polyukhovych and his colleague Maksym Styuflyayev prepared an extensive study of Santa Elena dynastic history that still remains unpublished [8].

In 2019, Bruce Love visited the museum and made the night photographs of the monuments with oblique light. These photographs accompanied by the drawings by Sergei Vepretskii were published online as Volume 12 of Contributions to Mesoamerican Studies [9]. During his visit to the museum in 2024 Sergei Vepretskii took his own photos to create the 3d models using the method of photogrammetry. The new documentation revealed important and previously unrecognized details that we would like to discuss in this paper.

Description

The panels represent the lower parts of once larger monuments that were of rectangular shape and carved on one side. Monument 1 is 1.83 m in height and 1.96 m in width, Monument 2 is 1.80 m in height and 1.57 m in width, Monument 3 is 1.60 m in height and 1.04 m in width and Monument 4 is 1.05 m in height and 1.32 m in width. The texts are arranged in two double columns with Long Count glyphs written in larger blocks. Only the final blocks have survived from the Long Count, which makes it possible to calculate how many lines of the inscription have been lost. With the Initial Series Introductory Glyph (ISIG) the original inscription could have contained 14 rows of smaller hieroglyphic blocks. In this case the original size of each monument could have been about 4 m in height and 2 m in width (Fig. 2).

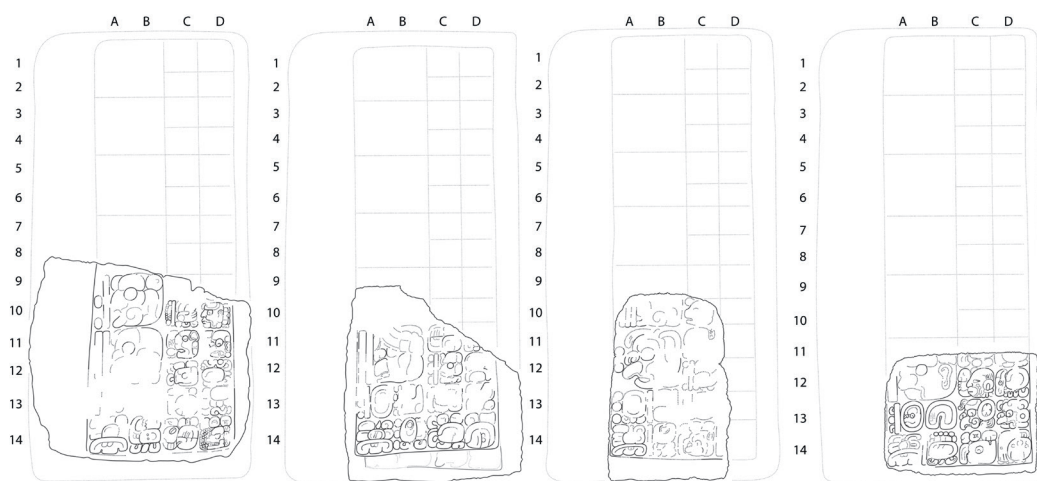

Figure 2. Possible reconstruction of the original shape of Santa Elena monuments

Source: Drawings by S.V. Vepretskii.

Monuments 2 and 4 could be considered as palimpsests since they were both recarved and contain the remains of the earlier inscriptions. Four eroded blocks that have formed part of the older text are visible under the lower row of Monument 2 (see Fig. 1b). The erosion on Monument 4 shows vertical and horizontal lines that could be the marking lines between the earlier hieroglyphic blocks (Fig. 3). This gives a reason to suggest that all four monuments were recarved in antiquity, but in the case of Monument 1 and 3 the remains of the older inscriptions did not preserve.

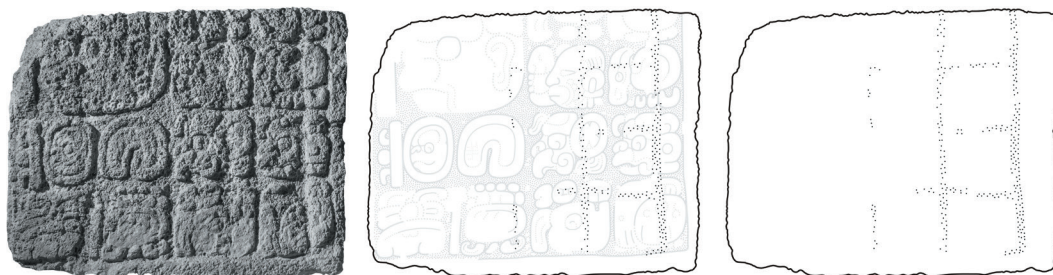

Figure 3. The remains of the earlier inscription on Monument 4
Source: Photograph by Bruce Love, drawings by S.V. Vepretskii.

Inscriptions

Each of the text started with a Long Count date, followed by the Tzolk'in, the 9-days series and Lunar Series. It is very unlikely that these dates could correspond to the events at the end of each text. Even if other supplementary series were present in the original inscriptions, there is still enough space for the other dates. All calculations related to these dates will be discussed in the next paragraph. Here we will focus on the epigraphic information written in columns C and D.

Monument 1 has the largest number of preserved hieroglyphic blocks in the final part of the inscription. The Santa Elena emblem glyph in pC12 implies that the preceding blocks contained the name of a ruler. The first discernible block in the sequence is pC10 showing the logogram **'AJ** followed by a horizontal palm sign with uncertain element on top of it and the syllabogram **ji** below (Fig. 4a). Such palm frequently attested in the inscriptions and could represent **K'AB**, “hand”, if it stays without additional elements or be part of logograms **K'AL**, “to hold”², having a polished stone on top, and **?BEL**, “to carry”, if there is a water lily³. Alexandre Tokovinine [personal communication, 2022] suggested to us that the syllable **ji** below the hand could indicate the rare expression **K'AL-MAY-ji**, *k'al mayij*, “gift-

² For the recent interpretation of the meaning of this verb see [10].

³ The reading proposed by Marc Zender during the workshop of 11th Annual Maya at the Lago Conference in 2022 [11].

presentation?”, connected to some kind of ritual and attested in the inscriptions of Palenque (Fig. 4b, see [12. P. 41]). Together with the Sun God *K’ihnich* in pD10 most likely it refers to a nominal phrase *’Aj K’al Mayij K’ihnich*.

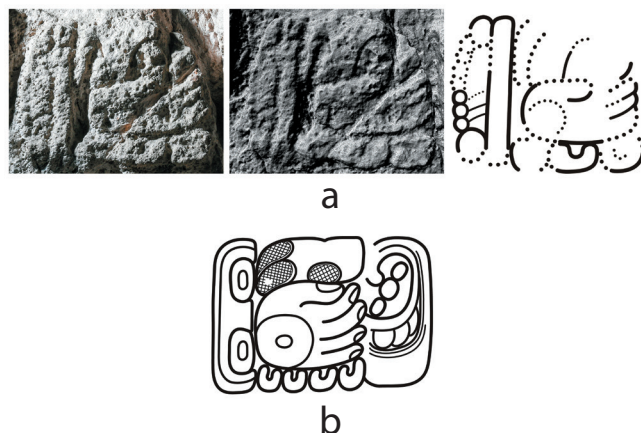

Figure 4. *’AJ-K’AL?-MAY?-ji*, Santa Elena Monument 1, pC10 — *a*; *’u-K’AL-MAY-ji-ja*, Palenque Temple XVIII jamb, B18 — *b*

Source: Photograph by B. Love, 3d model and drawings by S.V. Vepretskii.

The text continues with another nominal expression started with syllabogram *nu* followed by the head of a feline in pC11, and a damaged sign followed by the head of the Rain God *Chaahk* in pD11 (Fig. 5a). Simon Martin [13. P. 79–80] and Yuriy Polyukhovych [4. P. 128, 575] independently concluded that it was the name *Nu’n Hiix Lakam Chaahk*, also attested in the inscription on House C hieroglyphic stairway from Palenque (Fig. 5b).

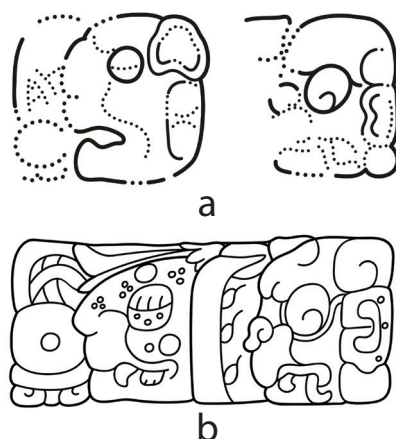

Figure 5. The examples of the name *Nu’n Hiix Lakam Chaahk*: *a* — *nu-HIX- [LAKAM]-CHAK*, Santa Elena Monument 1, pC11-pD11; *b* — *nu-HIX-LAKAM-CHAK*, House C hieroglyphic stairway from Palenque, G4-H4

Source: *a* — Drawing by S.V. Vepretskii; *b* — Drawing by Y. Polyukhovych [16].

Another person is mentioned in the last three blocks. pD13 is very eroded, only the syllable **ne** can be discerned in the final position of the block. pC14 contains **yo-ʔOL-ma-ta** that all together refers to a Palenque ruler *ʔAjen Yoʔl Mat*. This interpretation is supported by the Palenque emblem glyph **KʔUH-BAK-ʔAJAW**, *kʔuhul Bakal ʔajaw*, written in the final block [14. P. II-16; 15. P. 161; 7. P. 109; 4. P. 128, 575; 6. P. 249, 263; 16. P. 10]. The phrase expressing the connection between the Santa Elena and Palenque rulers is expected in pD12. The star element written above the eroded main sign (Fig. 6) has to relate to so-called “star war” glyph that according to the contexts designates military defeat (for the most recent overview see [6. P. 208–209; 17]). Syllable **ya** at the end of the block is used to spell the temporal deictic enclitic *-iiy*. Thus, we can assume that heavily damaged pC13 could have contained either *ʔu-tooʔkʔ pakal*, “his army, forces”, or *ʔu-chʔeeʔn*, “his city”, if the glyph below the star represented a toponym. Due to the fact that the main sign in pD12 has a semi-cartouche typical for the **KAB** element in a full variant of the “star war” glyph the first interpretation seems more plausible. In any case it was *ʔAjen Yoʔl Mat* who suffered from this military defeat.

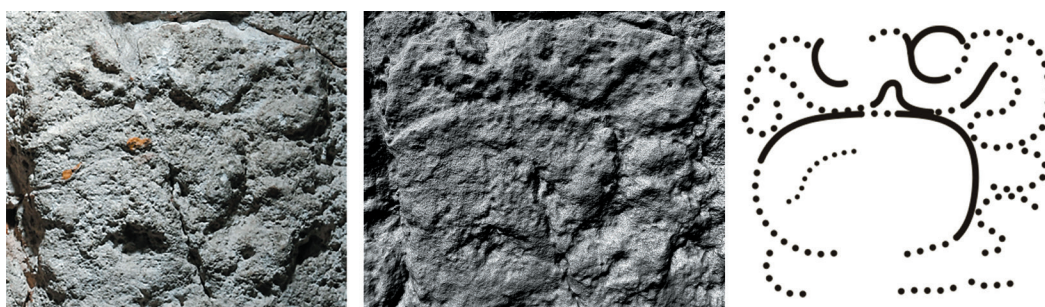

Figure 6. The “star war” glyph on Santa Elena Monument 1, pD12
Source: Photograph by B. Love, 3d model and drawing by S.V. Vepretskii.

The first preserved block on Monument 2 (pC11) could have contained a predicate that started with the syllable *ʔi* on the left and may have featured the syllable **yi** below. The first one is likely to the proclitic *ʔi-*, “then”, while the second one to the thematic suffix *-Vʔy* marking change-of-state intransitive verbs [18. P. 40]. The next visible block pC12 contains number 9 or 7 followed by an animal head and the syllable **wa** below it. Some details are visible in pD12-pD13, but the major part is heavily eroded.

The last two blocks contained a glyph sequence **ya-ʔAJAW-wa TEʔ**, *yajawteʔ* (Fig. 7a), the military title that is commonly written with the possessive *ʔu-*, “his, her, their” [19]. There are two contexts when *yajawteʔ* could be written in the final position of the title: following the so-called *Katun*-age, and in the rare title *Chih Chaʔ yajawteʔ* that appears on the House C hieroglyphic stairway from Palenque, Yaxchilan Lintel 21 (Fig. 7b, c; see [20. P. 130]) and the Tepeu 1 painted bowl from

Namaan (Fig. 7d; see [21. P. 167]). Taking into account that the right part of the block pD13 resembles the elements of metate glyph **CHA'** [22] we incline to the second interpretation.

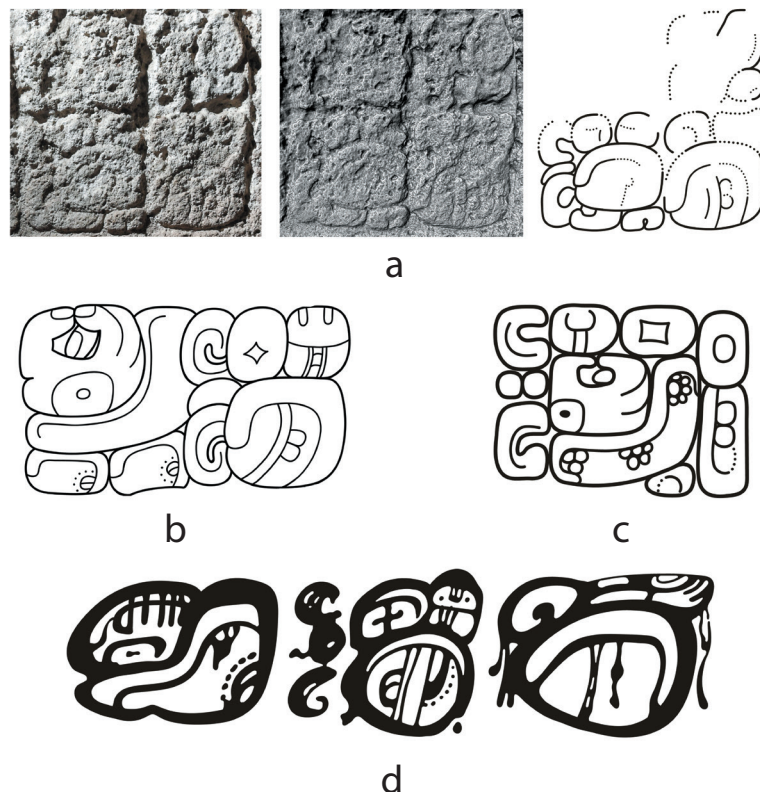

Figure 7. The examples of *Chih Cha' yajawte'* title: *a* — ...-**CHA'?** **ya-'****AJAW TE'**, Santa Elena Monument 2, pD13-pD14; *b* — **chi-CHA'?** **ya-'****AJAW TE'**, House C hieroglyphic stairway from Palenque, G1-H1; *c* — **chi-CHA'?** **ya-'****AJAW TE'**, Yaxchilan Lintel 21, D1; *d* — **chi-CHA'?** **ya-'****AJAW TE'**, Tepeu 1 painted bowl, L-N
Source: *a* — Photograph by Bruce Love, 3d model and drawing by S.V. Vepretskii; *b* — Drawing by Y. Polyukhovych [16]; *c, d* — Drawing by S.V. Vepretskii.

Monument 3 is the most damaged. The column D is completely lost. Nevertheless, some details of the other blocks are visible, although identifications are somehow uncertain. The elements in the right upper part of pC11 resemble the **ja** syllabogram that could indicate a verb, likely, passive form of CVC roots. The lines in the left part of pC12 part look like the logogram **'AJ** followed by a possible palm sign with the additional elements above and below it. The same set of glyphs is written in pC10 on Monument 1. The final visible details can be seen in pC14 where there is a possible emblem glyph with the main sign showing the head of some creature, probably a snake.

The beginning of the final sentence of Monument 4 is lost. It was some action connected to a person whose name or title was written in pC12. The main sign shows a human head with an ear plug of a particular kind with a three-part element below

and a mask encircling the mouth. It is preceded by the syllable 'a functioning as initial phonetic complement to the following logogram that will be discussed below.

In the following passage it is said that this event was sanctioned by Santa Elena ruler (*'u-kabjiiy* in pD12). His name is written in pC13-pD13 and could be read as **WITZ'-K'IN-ni CHAK**, *Witz' K'iin Chaahk* (Fig. 8a). We have no data on this ruler from the other sources, but there is at least one more example of the same name connected to Santa Elena. On Piedras Negras Panel 12 the scene depicts three captives taken by *Yokib* lord *Yaat Ahk* ca. 514 CE. One of the captives is accompanied by the emblem glyph of Santa Elena and is called *Witz' K'iin Chaahk* (Fig. 8b). This name has been erroneously read as *K'iin Witz' Chaahk* in previous publications [23. P. 147; 24. P. 24]. Due to the fact that the sign **K'IN** is written on the panel in a ligature with **WITZ'** the reading order was unclear. The new example from Monument 4 makes it possible to determine the correct reading sequence. The text ends with Santa Elena emblem glyph and *bakab* title.

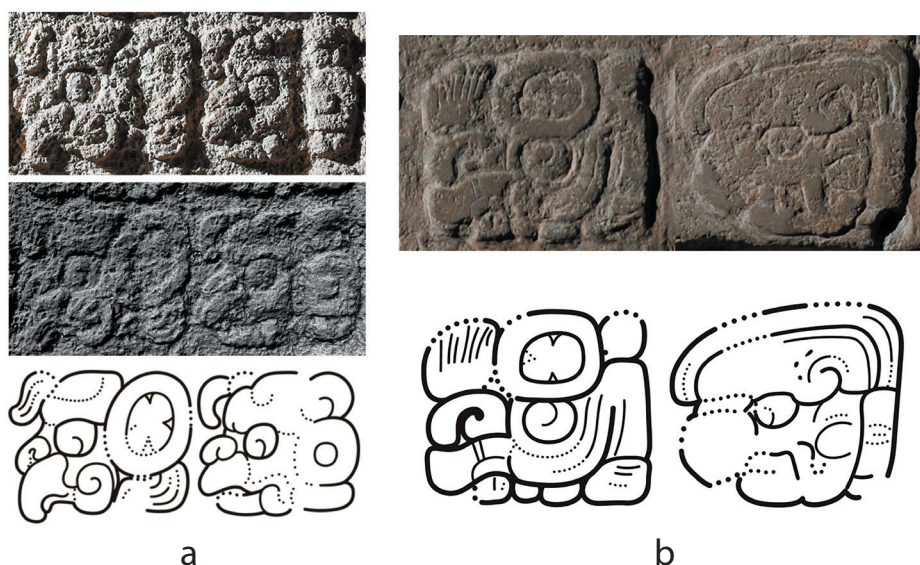

Figure 8. The examples of the name *Witz' K'iin Chaahk*: *a* — Santa Elena Monument 4, pC13-pD13; *b* — Piedras Negras Panel 12

Source: *a* — Photograph by Bruce Love, 3d model and drawing by S.V. Vepretskii; *b* — Photograph by Atlas Epigráfico de Petén project, CEMYK, 2015, with the permission of National Museum of Archaeology and Ethnology of Guatemala, drawing by S.V. Vepretskii

Chronology

The mention of *'Ajen Yo'l Mat* on Monument 1 allows to determine the approximate chronological context of these inscriptions. This Palenque king ruled for a short period from 605 till 612 CE and thus the event connected to him should have happened within this seven-year span. The installation of these monuments,

in turn, should be sought in the first decades of the 7th century. The starting dates did not correspond to the period endings and could have been related to any event in the past, even very retrospective. They occupied more than a half of the original inscriptions and were arranged identically: the Long Count ended in pA11-pB12, the Tzolk'in day was written in pA13, 9-days series in pB13-pA14 and Lunar Series starting in pB14 and ending on the missing part of the monuments (Table 1). The following shows the results of our calculations of the starting dates, considering all available coefficients, and falling on the 6th — early 7th century.

Table 1

The written coefficients of the first dates

Mon.	Long Count	Tzolk'in	9-days Series	Lunar Series
1	?.?.?.8.10	?	[G8]	20 huliyy
2	?.?.?.?.10	8 Ok	G1	23 huliyy
3	?.?.?.15.2	3 Ik'	G5	5 huliyy
4	?.?.?.?.5	6 Chikchan	G8	5 huliyy

Source: Compiled by S.V. Vepretskii.

The 9-days series helps to identify the possible month coefficients in the Long Counts, where they were not preserved. Two final coefficients of the Long Count and the Tzolk'in number will lead to the set of possible dates for each monument except Monument 1, where the Tzolk'in is eroded. The starting block of the Lunar Series shows how many days have passed since the beginning of the lunar month. Using the algorithm of calculating of the real position of the moon in the sky for each day [25. P. 337–345] it is possible to compare the result with the written data. Considering that the majority of lunar dates in Maya inscriptions coincide with the real position of the moon with a possible deviation of 1–3 days [Ian Naumenko, personal communication 2022] it is possible to reduce the number of the dates in the set.

The coefficient of 10 days in the Long Count and G1 on the Monument 2 indicate two possible options for the month number — 0 or 9. The Tzolk'in day 8 Ok along with the known Long Count coefficients leads to the set of 20 possible dates on the chosen interval. The written number of the moon days 23 coincides with 5 dates in the set within the expected error from 1 to 3 days (Table 2). The date on Monument 3 contains 15 months and 2 days in the Long Count, the Tzolk'in day 3 Ik' and 5 days from the beginning of the lunar month. It leads to a set of 11 dates, three of which coincide with the written data of the moon (Table 3). 10 days of the Long Count on Monument 4 and G8 of the 9-days series could correspond either to 6 or to 15 months. The Tzolk'in day is 6 Chikchan and the written moon day number is 5. It gives the set of 21 possible dates on the chosen period and five of them match with the moon data (Table 4).

Table 2

**The calculation of the starting date on Monument 2.
Coincidences with the Lunar Series are highlighted in bold**

Long Count	Calendar Round	Gregorian	Real moon
9.3.7.9.10	8 Ok 8 Sek	03.07.502	10
9.3.14.0.10	8 Ok 18 Kej	28.11.508	17.4
9.4.0.9.10	8 Ok 3 Wo	26.04.515	24.5
9.4.7.0.10	8 Ok 13 Ch'en	21.09.521	2.5
9.4.13.9.10.	8 Ok 3 K'ayab	17.02.528	9.6
9.5.6.9.10	8 Ok 18 Mak	10.12.540	24
9.5.13.0.10	8 Ok 3 Sip	08.05.547	1.2
9.5.19.9.10	8 Ok 13 Yax	03.10.553	8.3
9.6.6.0.10	8 Ok 3 Kumk'u	29.02.560	14.9
9.6.12.9.10	8 Ok 8 Yaxk'in	27.07.566	21.9
9.6.19.0.10	8 Ok 18 K'ank'in	22.12.572	28.9
9.7.5.9.10	8 Ok 3 Sotz'	20.05.579	6.2
9.7.12.0.10	8 Ok 13 Sak	15.10.585	13.8
9.7.18.9.10	8 Ok 3 Wayeb	12.03.592	20.6
9.8.5.0.10	8 Ok 8 Mol	08.08.598	28.2
9.8.11.9.10	8 Ok 18 Muwan	04.01.605	5.9
9.8.18.0.10	8 Ok 3 Sek	02.06.611	13
9.9.4.9.10	8 Ok 13 Kej	28.10.617	20.6
9.9.11.0.10	8 Ok 18 Pop	25.03.624	27.1
9.9.17.9.10	8 Ok 13 Ch'en	21.08.630	5.1

Source: Compiled by S.V. Vepretskii.

Table 3

**The calculation of the starting date on Monument 3.
Coincidences with the Lunar Series are highlighted in bold**

Long Count	Calendar Round	Gregorian	Real moon
9.3.7.15.2	3 Ik' 0 Sak	23.10.502	4
9.4.0.15.2	3 Ik' 15 Yaxk'in	16.08.515	18.4
9.4.13.15.2	3 Ik' 10 Sotz'	08.06.528	3.3
9.5.6.15.2	3 Ik' 5 Pop	01.04.541	17.6
9.5.19.15.2	3 Ik' 5 Pax	23.01.554	2.3
9.6.12.15.2	3 Ik' 0 Mak	16.11.566	16.2
9.7.5.15.2	3 Ik' 15 Ch'en	09.09.579	0.5
9.7.18.15.2	3 Ik' 10 Xul	02.07.592	14.6
9.8.11.15.2	3 Ik' 5 Sip	26.04.605	29
9.9.4.15.2	3 Ik' 5 Kumk'u	17.02.618	14
9.9.17.15.2	3 Ik' 0 Muwan	11.12.630	28.3

Source: Compiled by S.V. Vepretskii.

Table 4

**The calculation of the starting date on Monument 4.
Coincidences with the Lunar Series are highlighted in bold**

Long Count	Calendar Round	Gregorian	Real moon
9.3.7.15.15	6 Chikchan 3 Sak	26.10.502	18
9.3.14.6.5	6 Chikchan 13 Kumk'u	23.03.509	13.8
9.4.0.15.5	6 Chikchan 18 Yaxk'in	19.08.515	21.1
9.4.7.6.5	6 Chikchan 8 Muwan	14.01.522	28.3
9.4.13.15.5	6 Chikchan 13 Sotz'	11.06.528	6
9.5.0.6.5	6 Chikchan 3 Kej	07.11.534	13.5
9.5.6.15.5	6 Chikchan 8 Pop	04.04.541	20.5
9.5.13.6.5	6 Chikchan 18 Mol	31.08.547	27.9
9.5.19.15.5	6 Chikchan 8 Pax	26.01.554	5.5
9.6.6.6.5	6 Chikchan 13 Sek	23.06.560	12.3
9.6.12.15.5	6 Chikchan 3 Mak	19.11.566	19.6
9.6.19.6.5	6 Chikchan 8 Wo	16.04.573	25.8
9.7.5.15.5	6 Chikchan 18 Ch'en	12.09.579	3.7
9.7.12.6.5	6 Chikchan 8 K'ayab	07.02.586	10.1
9.7.18.15.5	6 Chikchan 13 Xul	05.07.592	17.5
9.8.5.6.5	6 Chikchan 3 K'ank'in	01.12.598	24.6
9.8.11.15.5	6 Chikchan 8 Sip	29.04.605	2.1
9.8.18.6.5	6 Chikchan 18 Yax	25.09.611	9.8
9.9.4.15.5	6 Chikchan 8 Kumk'u	20.02.618	16.7
9.9.11.6.5	6 Chikchan 13 Yaxk'in	18.07.624	24.3
9.9.17.15.5	6 Chikchan 3 Muwan	14.12.630	1.9

Source: Compiled by S.V. Vepretskii.

The eroded Tzolk'in day on Monument 1 does not allow to use the same system of calculation, because it will lead to more than a hundred possible variations. Given the mention of *ʔAjen Yoʔl Mat*, the starting date is not expected to be later than 612. To reduce the set, we will consider the variants from 9.8.0.0.0. to 9.8.19.4.6 (death of *ʔAjen Yoʔl Mat*). The Long Count contains 8 months and 10 days, while the moon days coefficient is 20. There are 19 possible dates on the chosen time span and 4 of them correlate with the written moon data (Table 5). However, in this case one cannot be sure that the original date could not be earlier.

Table 5

**The calculation of the starting date on Monument 1.
Coincidences with the Lunar Series are highlighted in bold**

Long Count	Calendar Round	Gregorian	Real moon
9.8.0.8.10	6 Ok 13 K'ayab	10.02.594	12
9.8.1.8.10	2 Ok 8 K'ayab	05.02.595	18.1
9.8.2.8.10	11 Ok 3 K'ayab	31.01.596	23.8
9.8.3.8.10	7 Ok 18 Pax	25.01.597	29.5
9.8.4.8.10	3 Ok 13 Pax	20.01.598	5.9
9.8.5.8.10	12 Ok 8 Pax	15.01.599	11.4
9.8.6.8.10	8 Ok 3 Pax	10.01.600	16.9
9.8.7.8.10	4 Ok 18 Muwan	05.01.601	22.4
9.8.8.8.10	13 Ok 13 Muwan	31.12.601	27.9
9.8.9.8.10	9 Ok 8 Muwan	26.12.602	3.7
9.8.10.8.10	5 Ok 3 Muwan	21.12.603	9.2
9.8.11.8.10	1 Ok 18 K'ank'in	15.12.604	14.9
9.8.12.8.10	10 Ok 13 K'ank'in	10.12.605	20.3
9.8.13.8.10	6 Ok 8 K'ank'in	05.12.606	26
9.8.14.8.10	2 Ok 3 K'ank'in	30.11.607	2.5
9.8.15.8.10	11 Ok 18 Mak	24.11.608	8.1
9.8.16.8.10	7 Ok 13 Mak	19.11.609	14
9.8.17.8.10	3 Ok 8 Mak	14.11.610	20
9.8.18.8.10	12 Ok 3 Mak	09.11.611	25.6

Source: Compiled by S.V. Vepretskii.

Problematic sign on Monument 4

The logogram of a human head with an ear plug of three-part element below written on Monument 4 (Fig. 9a) should be discussed separately. The same sign is attested on the Puerto Barrios Altar and on the hieroglyphic stairway from El Resbalon. On the altar this sign forms part of the personal name and is written with the additional headband that likely represents another glyph [26. P. 144]. The full name also contains the logogram **K'AK'** and the syllabogram **la** below the human head (Fig. 9b) that could be both the final complement for the logogram under discussion and the *-l* suffix deriving adjectives from nouns. In the second case it likely relates to the word *k'ahk'*. In El Resbalon the sign is preceded by **SAK** logogram [27], but the context is unclear (Fig. 9c).

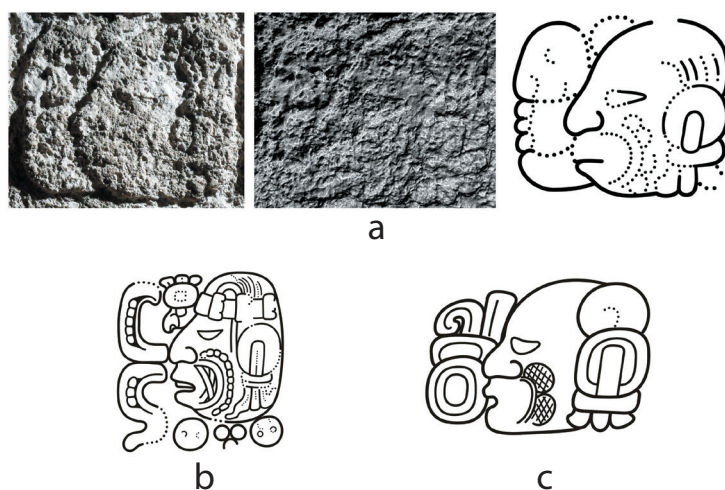

Figure 9. The examples of the “mask-head” sign with a particular earring: *a* — **?a-X**, Santa Elena Monument 4, pC12; *b* — **K’AK’-X+?-la**, Puerto Barrios Altar, G4; *c* — **SAK-X**, El Resbalon Hieroglyphic Stairway 3, CX9
 Source: *a* — Photograph by B. Love, 3d model and drawing by S.V. Vepretskii; *b*, *c* — Drawing by S.V. Vepretskii.

There are two similar signs that can be compared with this logogram. The first shows the head with the mask and the same ear plug, but contains the additional knot element below the chin of the head. It is attested in five nominal phrases. Tonina Monument 160 mentions the death of *Kanu’l* ruler in 505 CE [28. P. 96]. His name consisted of two blocks, the first of which was damaged, and the second contained the sign under discussion (Fig. 10a). The Early Classic plate from Naranjo preserved in the Boston Museum of Fine Arts (K5458) mentions the mother of Naranjo ruler *K’ihnich Tajal Chaahk* [29. P. 160]. Her name started with **?IX** logogram and was followed by the same head glyph and **XAK?** logogram⁴ (Fig. 10b). The same sign closes the nominal phrase of a local ruler on Mural 7 from La Sufricaya [30. P. 246] and Güija Lake plaque [31. Fig. 4]. Only the ear elements are visible in the main inscription on the plaque (Fig. 10c), however the full variant with the mask and the knot appears in the headdress of the figure depicted on the other side (Fig. 10d). The final example attested so far comes from serpentine plaque from Ethnological Museum of Berlin (Fig. 10e, see [32. Fig. 96f]). Here it is written after **SIJ-ja** and also has to refer to a personal name. The ear plug looks unusual in this example, although the inner lines follow the same pattern as in the other cases.

The second sign similar to what we see on Monument 4 represents the head with the same mask, but without the knot or the ear plug and is attested in different contexts on two ceramic pots and the shell from private collection. It closes a sequence of titles enjoyed by *Ahal Chan K’ihnich* and is preceded by number 31 on the vase K1837 (Fig. 11a). Estrada-Belli and Tokovinine [33. P. 14] associated this vessel with Chochkitam and proposed that this glyph must be the proper royal

⁴ The reading of T533 as **XAK** was proposed by Albert Davletshin in 2017.

title of local rulers. The same sign contains the **ʼa** initial complement and is followed by **li-bi** on K8088⁵ (Fig. 11b). It also forms part of a personal name **KAL-lo-ma CHAN-X**, *kaloʼm chaaʼn X*, in the inscription on the Early Classic conch shell trumpet from the private collection [35. P. 391–392]. This example also features zigzag parallel lines in the head (Fig. 11c).

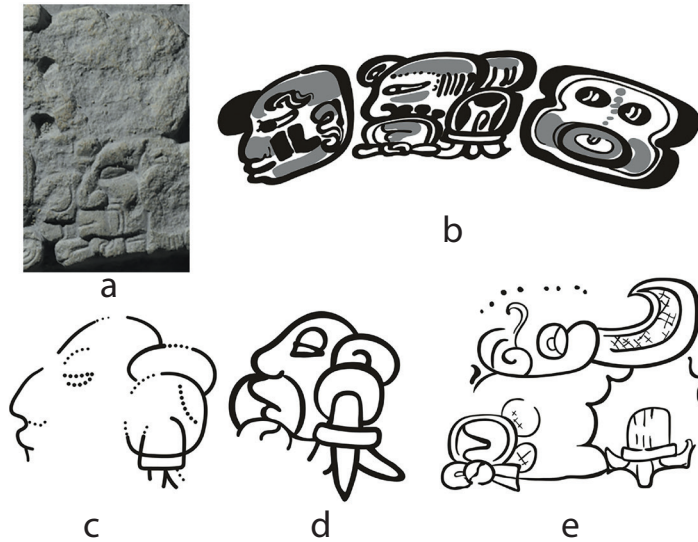

Figure 10. The examples of the “mask-head” sign with the ear plug and the knot below the chin: *a* — **...-SAKʼ-X**, Tonina Monument 160, C29–C30; *b* — **ʼIX-X-XAKʼ**, the Early Classic Naranjo plate, K5458, M–O; *c* — Güija Lake plaque, B3.; *d* — Güija Lake plaque, the glyph in the headdress; *e* — **SIJ-ja-X**, Serpentine plaque from Ethnologisches Museum Berlin
Source: Photograph and drawings by S.V. Vepretskii.

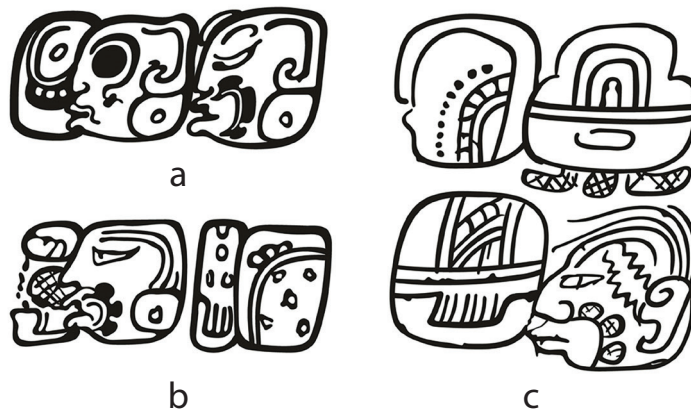

Figure 11. The examples of the “mask-head” sign: *a* — **20–11 X**, unprovenanced vessel, K1837, M–N; *b* — **ʼa-X li-bi**, unprovenanced vessel, 8088, K–L; *c* — **KAL-lo-ma CHAN-X**, Early Classic conch shell trumpet from the private collection, A4–A5

Source: Photograph and drawings by S.V. Vepretskii.

⁵ Christophe Helmke [34] suggested that the *-lib* suffix derives place-names from noun roots.

We assume that the examples discussed above represent different variants of the same logogram that could have started with ^ʔ*a*. The exact reading value and the corresponding lexical meaning are unknown, but according to its clause-final position on Monument 4 it likely represents a title.

Discussion

The information described above allows to determine general contexts of the four texts. *Nu^ʔn Hiix Lakam Chaahk* mentioned on Monument 1 has to be the same person connected to the attack against Palenque in 599 CE [15. P. 159–160; 4. P. 128; 16. P. 10]. This assault was sanctioned by Sky Witness, the lord of *Kanu^ʔl*⁶, and is described on Palenque House C hieroglyphic stairway as *ch^ʔa[h]k[aj] Lakam Ha^ʔ*, “*Lakam Ha^ʔ* was destroyed”. It is unclear which role the Santa Elena ruler played in this event, his name follows the sign sequence ^ʔ*i-PAS-ja* ^ʔ*u-?-ʔAN*, ^ʔ*i-pahsaj* ^ʔ*u-? ʔa^ʔn*, “his ... image was uncovered”. In this action he was accompanied (*y-ʔitaaj*) by ^ʔ*Itzam Kokaaj Bahlam* from Yaxchilan. The exact meaning of this phrase is unclear (for the possible interpretation see [16. P. 10–11]), however, it is assumed that both rulers took part in this military campaign as allies of *Kanu^ʔl* [6. P. 265; 16. P. 10]. It should be also noted that in the inscription on Palenque stairway Sky Witness bares the title *Chih Cha^ʔ yajawte^ʔ*. The same title we can see on Santa Elena Monument 2 that may indicate that this text also mentions him. Some lines in pD12 resemble the shape of the nominal glyph of Sky Witness, however the poor preservation makes it difficult to be certain.

It was previously proposed that sometime after this attack Santa Elena has fallen under the influence of Palenque. This was based on a different interpretation of Santa Elena Monument 1. The action connected to *Nu^ʔn Hiix Lakam Chaahk* was perceived as his possible accession under the auspices of ^ʔ*Ajen Yo^ʔl Mat* [14. P. II-16; 15. P. 161; 7. P. 109; 4. P. 128, 575; 6. P. 249, 263; 16. P. 10]. Now it became clear that the confrontation continued.

The mentions of two participants in the aggression of 599 CE suggests that these Santa Elena monuments could be devoted to this particular military campaign against Palenque. We do not know when it started, but it could have been terminated in 611 CE, when Palenque was attacked by Scroll Serpent. In this case the event sanctioned by *Witz^ʔ K^ʔiin Chaahk* on Monument 4 could also have had a martial connotation connected to the same campaign. This ruler can be considered as either the predecessor or the successor of *Nu^ʔn Hiix Lakam Chaahk* in Santa Elena dynasty, however there is still a chance that he was just a representative of the royal family. Importantly, the *k^ʔuhul* epithet is absent in the emblem glyph of Santa Elena, so we cannot be sure that the person who bore it was a representative of the ruling dynasty.

⁶ It is still unknown whether this person was the same Sky Witness, who ruled before Scroll Serpent. It is likely to suggest that it was his namesake from the royal line of *Kanu^ʔl*.

Conclusion

Redocumentation of Santa Elena hieroglyphic inscriptions from Balancan museum provides important new data on the dynastic history of this middle-range Maya polity of the Western region in the Middle Classic (ca. 600–650 CE). This period is generally badly known because of the scarcity of the inscriptions at Piedras Negras, Palenque and Yaxchilan and other important regional centers.

The inscription on Monument 1 with the reference to the “star war” probably is the most important of all four sculptures. It demonstrates that contrary to the traditional view there was no alliance between Palenque and Santa Elena during the reign of *Ajen Yo’l Mat* between 605 and 611 CE. Quite the reverse, both polities continued to be in conflict since 599 CE, and again the luck was on Santa Elena’s side. Although it is not specifically attested who was the main actor of the defeat of Palenque, we suggest that it was backed by *Kanu’l* power. Given the uncertainty with the date, we cannot even exclude that it is the same 611 CE war event recorded in the text of the Temple of Inscriptions at Palenque when Lakamha was destroyed by Scroll Serpent.

Good relations between Santa Elena and *Kanu’l* are also confirmed by the possible mention of ‘Maguey Metate’ placename on the Monument 2. The same title appears on Palenque House C hieroglyphic stairway associated with *Kanu’l* person in 599 CE, quite close to the date of Santa Elena monuments under discussion.

Santa Elena dynasty is one of the less known Maya royal houses of the Classic period. It’s history is mainly known from the inscriptions of neighboring sites (Palenque, Piedras Negras, Yaxchilan and La Corona). The inscription of Monument 4 confirms the pattern of royal names with *Chaahk* formant noted previously by various scholars. The clear order of the elements of the nominal glyph of Santa Elena ruler on Monument 4 (**WITZ’-K’IN-ni CHAK**) proves the correct reading of this name that previously was transcribed as *K’iin Witz’ Chaahk*.

At least five Santa Elena dynasts — *Witz’ K’iin Chaahk* I (ca. 514 CE, Piedras Negras Panel 12), *Nu’n Hiix Lakam Chaahk* (ca. 600 CE, Palenque Hieroglyphic Stairway), *Nu’n Ujol Chaahk* (ca. 659 CE, Palenque Temple of the Inscriptions and Palenque Hieroglyphic Stairway), ... *K’iin Lakam Chaahk* (ca. 708 CE, Piedras Negras Stela 8) and *Pay Lakam Chaahk* (ca. 751 CE, Yaxchilan Lintel 16) use *Chaahk* theonym, probably to underline peculiar relations to Rain God or his specific version called *Lakam Chaahk* (“Great Chaahk”). The identification of *Witz’ K’iin Chaahk* II helps us to fill the gap in dynastic sequence in the second half of the 6th century or, more probably, in the first half of the 7th century.

References / Список литературы

1. Perales R, Mugarte J. Arqueología de superficie en Santa Elena, Tabasco. In: Vargas E, editor. *Seis ensayos sobre antiguos patrones de asentamiento en el área Maya*. Mexico City: UNAM, Instituto de Investigaciones Antropológicas; 1995. p. 27–52.

2. Bernal Romero G. El señorío de Resaca-Santa Elena, Tabasco y sus conflictos con Palenque (599–664 d.C.). In: Bernal Romero G, Esparza Olguín O, editors. *Guerras, jerarquías políticas y poder en la sociedad maya clásica*. Mexico: UNAM; 2020, p. 125–162.
3. Grube N, Martin S, Zender M. Palenque and its Neighbors. *The Proceedings of the XXVIth Maya Hieroglyphic Workshop, 13–14 March 2002*. Transcribed and edited by Phil Wanyerka. 2002.
4. Polyukhovych YY. *Politiko-dinastichna istoria derjavi maya Bakal za materialami korpusu epigrafichnikh jerel Palenque (Lakamha')* [Political and Dynastic History of the Maya State of Baakal According to the Sources of the Epigraphic Corpus of Palenque (Lakamha')] [PhD dissertation]. Kyiv: Taras Shevchenko National University of Kyiv; 2012. (In Ukrainian).
Полюхович Ю.Ю. Політико-династична історія держави майя Баакаль за матеріалами корпусу епіграфічних джерел Паленке (Лакамха'): дис. на здобуття наук. ступеня к.і.н. Київ, 2012. (на укр. яз.)
5. Bernal Romero G. *Desciframiento del logograma T1067, WAN, "codorniz". Implicaciones para la historia de la dinastía Kan y el señorío de Santa Elena, Tabasco*. Reportes de Investigación Epigráfica del Centro de Estudios Mayas, № 3; 2016.
6. Martin S. *Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE*. Cambridge: Cambridge University Press; 2020.
7. Bíró P. *The Classic Maya Western Region: A History*. Oxford: Archaeopress; 2011.
8. Polyukhovych Y, Styuflyayev M. *Between Scylla and Charybdis: Wars Between Santa Elena, Palenque, and the Snake Kingdom in the Sixth and Seventh Centuries*. Glyph Dwellers, Report 64; 2020. (In press)
9. Love B, Vepretskii S. *Corpus Volume 12: Santa Elena Monuments in Balancan Museum, Tabasco*. Contributions to Mesoamerican Studies; 2022. Available from: <https://brucelove.com/corpus/corpus-volume-012> [Accessed 10 Apr 2025].
10. Zender M. *K'ahlaj sakhuun tu'baah 'the crown was held above him': revisiting a classic Maya coronation ceremony*. Paper presented at: Institute of Maya Studies; 2016 May 18; Davie, FL.
11. Freidel D, Guenter S, Kelly MK, Zender M. The Inscriptions of El Perú-Waka', Petén, Guatemala. In: *Workshop on the 11th Annual Maya at the Lago Conference*; 2022 May 1.
12. Stuart D. *The Inscriptions from Temple XIX at Palenque: A Commentary*. San Francisco: Pre-Columbian Art Research Institute; 2005.
13. Martin S. *Maya Warfare and Politics: New Data and Perspectives*. Workbook for the Maya Hieroglyphic Weekend: October 4–5, 2003. Cleveland university: K'inál Winik Cultural Centre; 2003.
14. Grube N, Martin S, Zender M. *Palenque and its Neighbors. Notebook for the XXVIth Maya Hieroglyphic Forum at Texas*. Austin: Maya Workshop Foundation, University of Texas at Austin; 2002.
15. Martin S, Grube N. *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London: Thames and Hudson; 2008.
16. Sanchez Gamboa Á, Polyukhovych Y, Cuevas García M, Herbert LL, Krempel G. The Hieroglyphic Stairway of House C, Palenque, Chiapas: New Approaches. *Mexicon*. 2020;42(1):7–11.
17. Markianos-Daniolos D. JOM: A Possible Reading for the "Star War" Glyph? *Text Database and Dictionary of Classic Mayan*. 2021; Research Note 25. <https://doi.org/10.20376/IDIOM-23665556.21.rn025.en>
18. Lacadena A, Davletshin A. *Grammar of Hieroglyphic Maya. Workbook for Advanced Workshop at 23rd European Maya Conference, Brussels, October 29–31, 2013*.
19. Lacadena A. *Títulos militares en los textos jeroglíficos mayas del periodo Clásico*. Paper presented at: 8° Congreso Internacional de Mayistas; 2010 August 8–13; Mexico City, Mexico.

20. Grube N. El Origen de la Dinastía Kaan. In: Nalda E, editor. *Los Cautivos de Dzibanché*. Mexico City: Instituto Nacional de Antropología e Historia; 2004. p. 117–131.
21. Hellmuth NM. *Monster und Menschen in der Maya-Kunst: eine Ikonographie der alten Religionen Mexikos und Guatemalas*. Graz: Akademische Druck-und Verlagsanstalt; 1987.
22. Stuart D. A Possible Sign for Metate. *Maya Decipherment*. 2014. Available from: <https://mayadecipherment.com/2014/02/04/a-possible-sign-for-metate/> [Accessed 28 Mar 2024].
23. Beliaev D, Galeev Ph, Vepretskii S. Las inscripciones jeroglíficas monumentales en la exposición permanente del Museo Nacional de Arqueología y Etnología. In: Beliaev D, de Leon M, editors. *Informe Técnico de Piezas Arqueológicas Museo Nacional de Arqueología y Etnología. Guatemala: Dirección General de Patrimonio Cultural y Natural y el Departamento de Monumentos Prehispánicos y Coloniales*; 2016. p. 171–215. EDN: RYUEKS.
24. Looper M. *MHD References Materials 4: Preliminary Lists of Proper Names*. Glyph Dwellers, Report 74; 2022. Available from: <http://glyphdwellers.com/pdf/R74.pdf> [Accessed 15 Apr 2025].
25. Meeus J. *Astronomical Algorithms*. 2nd ed. Richmond (VA): Willmann-Bell, Inc.; 1998.
26. Vepretskii S. Identifying the Provenance of Puerto Barrios Altar. *Arqueología Iberoamericana*. 2020;(46):141–146. EDN: NAYWVE. Available from: <https://www.laiesken.net/arqueologia/pdf/2020/AI4615.pdf> [Accessed 15 Apr 2025].
27. Carrasco R, Boucher S. Las Escaleras Jeroglíficas del Resbalón, Quintana Roo. In: *Primer Simposio Mundial sobre Epigrafía Maya*. Guatemala: Asociación Tikal; 1987. p. 1–21.
28. Tokovinine A. *Place and Identity in Classic Maya Narratives*. Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology, No. 37. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection; 2013.
29. Estrada-Belli F, Tokovinine A. A King's Apotheosis: I conography, Text, and Politics from a Classic Maya Temple at Holmul. *Latin American Antiquity*. 2016;(27):149–168. <https://doi.org/https://doi.org/10.7183/1045-6635.27.2.149>
30. Estrada-Belli F, Tokovinine A, Foley JM, Hurst H, Ware GA, Stuart D, et al. Maya Palace at Holmul, Peten, Guatemala, and the Teotihuacan “Entrada”: Evidence from Murals 7 and 9. *Latin American Antiquity*. 2009;20(1):228–259. <https://doi.org/https://doi.org/10.1017/S1045663500002595>
31. Houston SD, Amaroli P. *The Lake Güija Plaque*. Research reports on Ancient Maya writing. No. 15. Washington, D.C.: Center for Maya Research; 1988.
32. Grube N, Gaida M. *Die Maya: Schrift und Kunst im Ethnologischen Museum Berlin*. Berlin: SMB DuMont; 2006.
33. Estrada-Belli F, Tokovinine A. Chochkitam: A New Classic Maya Dynasty and the Rise of the Kaanu'l (Snake) Kingdom. *Latin American Antiquity*. 2022;(33):713–732. <https://doi.org/https://doi.org/10.1017/laq.2022.43>
34. Helmke C. The –n-ib and –l-ib suffixes in Ch'olan languages and Ancient Maya writing. In: Kettunen H, Vázquez López VA, Kupprat F, Vidal Lorenzo C, Muñoz Cosme G, Ponce de Leon MJ, editors. *Tiempo detenido, tiempo suficiente: Ensayos y narraciones mesoamericanistas en homenaje a Alfonso Lacadena García-Gallo*. Vol. 1. Wayeb Publications; 2018. p. 415–478.
35. Beliaev DD. Appealing to the Gods and ancestors: Ancient Maya conch shell trumpets as ritual instruments. *Stratum plus*. 2020;(6):387–399. (In Russ.). <https://doi.org/10.55086/sp226387399> EDN: YAORKU
Беляев Д.Д. Обращаясь к богам и предкам: горны из морских раковин как ритуальные инструменты у древних майя // Stratum Plus. 2020. № 6. С. 387–399. <https://doi.org/10.55086/sp226387399> EDN: YAORKU

Information about authors:

Sergei V. Vepretskii — PhD (history), researcher, Department of America, Institute of Ethnology and Anthropology, 32a Leninsky Avenue, Moscow, 119334, Russian Federation; junior researcher and teacher Knorozov Mesoamerican Centre, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, bldg. 3, Moscow, 125047, Russian Federation, e-mail: servepr@gmail.com ORCID: 0000-0003-2550-6799. SPIN-code: 3257-6233.

Dmitri D. Beliaev — PhD (history), assistant professor, Knorozov center for Mesoamerican studies, faculty of history, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, bldg. 3, Moscow, 125047, Russian Federation; senior research fellow, International Centre of Anthropology, National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya ulitsa, bldg. 3, Moscow, 105066, Russian Federation, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-code: 4705-6569.

Albert I. Davletshin — PhD (history), chief research fellow, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, bldg. 3, Moscow, 125047, Russian Federation, e-mail: aldavletshin@mail.ru ORCID: 0000-0003-1080-5614. SPIN-code: 6568-9377.

Bruce Love — PhD (anthropology), Anthropological Research Contributions (ARC), 29709 104th Street, Littlerock, California 93543, USA, e-mail: brucelove9@gmail.com

Информация об авторах:

Вепрецкий Сергей Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Америки, Института этнологии и антропологии РАН, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а; Москва, Ленинский проспект, д. 32а; младший научный сотрудник и преподаватель Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 3, e-mail: servepr@gmail.com ORCID: 0000-0003-2550-6799. SPIN-код: 3257-6233.

Беляев Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 3; старший научный сотрудник Международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-код: 4705-6569.

Давлетишин Альберт Иршатович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных культур и античности, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 1, e-mail: aldavletshin@mail.ru ORCID: 0000-0003-1080-5614. SPIN-код: 6568-9377.

Лав Брюс — PhD по антропологии, исследователь, организация «Достижения в антропологических исследованиях» (ARC), 29709, Литтлрок, 104 улица, Калифорния 93543, США, e-mail: brucelove9@gmail.com

ДЛЯ ЗАМЕТОК
